

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
НАУКА **4** *2023*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Учредитель: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *главный редактор*, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, главный научный сотрудник, заместитель директора ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **С.Т. Золян** – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии Армении (Армения), профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ю.Г. Корсунок** – д-р полит. наук, и. о. завотделом политической науки ИНИОН РАН; **А.В. Кузнецов** – д-р эконом. наук, член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *заместитель главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (Int. Pol.), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Научный редактор: д-р полит. наук *В.С. Авдонин*

Литературный редактор: канд. полит. наук *О.А. Толтыгина*

Технические редакторы: канд. филос. наук *В.Л. Силаева, П.С. Копьлова*

Ответственный за номер: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ НФС77–36084 от 28.04.2009.

ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2023.04.00

© ИНИОН РАН, 2023

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – **Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), chief researcher, INION (Moscow, Russia); **Deputy Editor-in-Chief** – **Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Executive secretary** – **Ilya POMIGUEV**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Suren ZOLYAN**, Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, National Academy of Armenia (Armenia), Professor of the Baltic Federal Immanuel Kant University; **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Yuriy KORGUNYUK**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), acting head of Political Science, INION (Moscow, Russia); **Alexey KUZNETSOV**, Dr. Sci. (Economics), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, INION (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD (Pol. Sci.), Senior research fellow, CNRS, CERI (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD (Int. Pol.), Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD (Pol. Sci.), Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

**ТЕМА НОМЕРА:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ
И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ**

СОДЕРЖАНИЕ

Авдонин В.С. Представляем номер 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Борисов Н.А. Тридцать лет постсоветских исследований
в российской политической науке: тренды и перспективы 15

Расторгуев С.В., Парма Р.В. Отражение современной
политики: актуальная повестка исследований
в ведущих российских журналах по политическим наукам 56

РАКУРСЫ

Кузнецов А.В. Важность доступа к качественной информации
для современных политологических исследований 81

Коргунюк Ю.Г. Теория размежеваний и количественные
методы в политической науке..... 95

КОНТЕКСТ

Авдонин В.С., Силаева В.Л. Нейросети нового поколения
в контексте технологий искусственного интеллекта,
философии и социально-политических наук..... 127

Сунгуров А.Ю., Киселева Д.А. Прогосударственные
«фабрики мысли» в современной России: функциональный
подход 155

РЕТРОСПЕКТИВА

<i>Мухортов Д.С., Стрелец И.Э.</i> Проблемы формирования созидательных ценностей студенческой молодежи (итоги опроса).....	186
<i>Шавеко Н.А.</i> Справедливость как равенство? Политическая теория перед лицом морального релятивизма	204

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Кочедыков И.Е.</i> Об опыте применения больших данных в политической науке	226
<i>Боюн А.Б.</i> Публичная дипломатия: проблема интерпретации и операционализации понятия	252

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Долгов А.Ю.</i> Дивный новый цифровой мир: политика в эпоху больших данных и искусственного интеллекта (Рецензия).....	274
<i>Ковалёв В.А.</i> Хлеб вместо пирожных. Актуальные рекомендации из прошлого политической науки (Рецензия)...	284
<i>Бутакова А.В.</i> Вновь орвеллианский язык, или Евроскептический «проект страх» (Рецензия)	298

**THEME OF THE ISSUE:
POLITICAL SCIENCE IN CONDITIONS OF SOCIAL
AND TECHNOLOGICAL CHANGE**

CONTENTS

Avdonin V.S. Introducing the issue..... 9

STATE OF THE DISCIPLINE

Borisov N.A. Thirty years of post-Soviet research
in Russian political science: trends and prospects 15
Rastorguev S.V., Parma R.V. Reflection of modern politics:
current research agenda in leading Russian
political science journals 56

PROSPECTS

Kuznetsov A.V. The importance of access to high-quality
information for modern political science research 81
Korgunyuk Yu.G. Cleavage theory and quantitative methods
in political science 95

CONTEXT

Avdonin V.S., Silaeva V.L. New generation neural networks
in the context of artificial intelligence technologies,
philosophy, and socio-political sciences 127
Sungurov A.Yu., Kiseleva D.A. Pro-governmental think tanks
factories in modern Russia: a functional approach 155

RETROSPECTIVE

<i>Mukhortov D.S., Strelets I.E.</i> Problems of forming social values in student youth (survey results).....	186
<i>Shaveko N.A.</i> Justice as equality? Political theory in face of moral relativism.....	204

FIRST DEGREE

<i>Kochedykov I.E.</i> On Big data application for political science research	226
<i>Boyun A.B.</i> Public diplomacy: a problem of interpretation and operationalisation of the concept.....	252

FROM THE BOOKSHELF

<i>Dolgov A.Yu.</i> Brave new digital world: politics in the age of Big data and artificial intelligence (Review)	274
<i>Kovalev V.A.</i> Bread instead of cake. Current recommendations from the past of political science (Review).....	285
<i>Butakova A.V.</i> The Orwellian language again, or Eurosceptic “project fear” (Review).....	298

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

В этом номере журнала мы обращаемся к всегда актуальной, живой и очень разносторонней теме условий и факторов, влияющих на изменения в науке, в нашем случае – политологии. Со времен «парадигм» Куна и «научных программ» Лакатоса и особенно «сильной программы» Блума экстерналистский подход к объяснению изменений в науках становится все более популярным. Он оттачивался в многолетних спорах с интернализмом, объяснявшим научные сдвиги преимущественно внутренними целями, потребностями и ценностями самих наук, и уходил на этой волне от излишнего релятивизма и критицизма. Сегодня экстернализм и связанный с ним прагматизм на подъеме, отражая растущее социокультурное и технологическое влияние на науку. И в этом плане социальные науки и политология как их часть испытывают куда более мощное внешнее давление, чем естествознание. Но все же длительная полемика экстернализма и интернализма не прошла бесследно. И сегодня мы хорошо знаем и об автономии науки, и о ее особом рационально-критическом методе, и о ее кумулятивном и поступательном движении вперед через выдвижения и подтверждения / опровержения гипотез, и о ее формальных и неформальных институтах и сообществах, и о непреходящих ценностях – объективности, беспристрастности, честности, истинности, и о «контекстах открытий» и «контекстах обоснований». Все это делает науку, в том числе и социальную, не очень-то податливым «материалом» для внешних влияний. Она предпочитает двигаться своим курсом и жить по своим правилам, ритмам и циклам, не всегда совпадающим с жизнью других общественных подсистем.

Но при этом мы также хорошо знаем и то, что, согласно экстерналистской традиции, внешнее влияние на науки не только существует, но и проникает в саму их ткань, влияя и на эмпирический базис, и на теоретико-методологический каркас. И в таких социальных науках как политология это происходит особенно интенсивно. История этой дисциплины показывает, как в ней складывался некоторый симбиоз между сциентистской парадигмой «жесткой» научности, опирающейся на строгие методы и беспристрастный анализ эмпирического базиса, и одного из альтернативных подходов к научности, так называемой нормативистской парадигмой, включающей широкий набор методов и использование идеологически и социокультурно нормированных понятий. Если на первом этапе становления политологии они в основном противопоставлялись или были отчуждены друг от друга, то сегодня имеют тенденцию к синтезу.

С точки зрения признания внешних влияний нормативистская парадигма традиционно демонстрирует заметно большую открытость, с одной стороны, допуская в свой теоретический и методологический арсенал значительное число социокультурно обусловленных понятий, положений и интерпретирующих и индивидуализирующих методов. С другой стороны, она также включает сегодня и заметный массив эмпирических исследований и аналитических суждений и методов, заимствованных из сциентистской парадигмы. В то же время меняется и сциентистская парадигма политологии. Расширение эмпирической базы, включение в нее все более сложно интерпретируемых фактов из разных областей жизни требует построения более сложных аналитических моделей и использования сложных сочетаний объективирующих и интерпретирующих методов.

Конечно, синтез парадигм в политической науке не является беспроблемным. Не случайно Алмонд когда-то назвал ее синтетическую парадигму «эклектичной», указывая на имеющиеся в ней противоречия и проблемы. Периодически среди политологов вспыхивают дискуссии о строгости и объективности методов их науки, о влиянии на нее практических интересов и целей из окружающих контекстов, об объективном статусе эмпирической базы в политике, о сущем и должном в познании политики и др. Примеры таких дискуссий в прошлом хорошо известны. И сегодня дискуссионность сохраняется. Ее дополнительным фактором являются также ускоряющиеся технологические изменения, активно воздей-

ствующие как на познавательный арсенал политической науки, так и на сам предмет ее изучения – социально-политическую реальность, переживающую мощные технологические сдвиги. При работе над темой номера мы старались по возможности учитывать эти соображения и отразить их в подборе материалов.

Переходя к содержанию номера, следует отметить, что мы стремились представить широкий спектр авторских подходов и способов анализа материала. И тема номера, располагающаяся на стыке как собственно предметной, так и историко-научной, социолого-научной и науковедческой проблематики, это позволяла. Авторы номера используют разные методы исследования и привлекают внимание к различным аспектам взаимодействия политической науки с окружающей социальной и технологической реальностью.

В открывающей номер традиционной рубрике «Состояние дисциплины» мы представляем три статьи, в которых изучаются как долгосрочные, так и краткосрочные факторы влияния на отечественные политические исследования. В первой и достаточно объемной статье Н.А. Борисова рассматриваются долгосрочные, более чем тридцатилетние, тренды развития политической науки в России, которые находят проявление и в тематике, и в теории и методологии исследований. Исследование материала автор ведет вполне апробированным историко-научным и науковедческим методом анализа тематик, подходов и направлений постсоветских политических исследований. Примечательным и вполне валидным представляется и его основной вывод. Эти исследования в значительной мере сместились к изучению авторитарных форм и методов правления и их влияния на политику в целом, которые они пытаются исследовать более глубоко и всесторонне.

Во второй статье рубрики, в отличие от первой, С.В. Расторгуев и Р.В. Парма касаются влияния краткосрочных факторов, к которым отнесены темы СВО, санкций и др. Анализ тематической повестки исследований, проведенный самым простым количественным методом, показывает тем не менее весьма интересные результаты. Он демонстрирует своего рода «запаздывающую» реакцию поля российской политической науки на эти события, которую сами авторы объясняют «лагом запаздывания», свойственным научным исследованиям. По сути, это один из аспектов той автономии науки, которая часто дискутируется в историко-научной методологии.

В рубрике «Ракурсы» мы помещаем две статьи, которые (каждая под своим ракурсом) отражают влияние на политическую науку и ее методы технологических и социальных изменений.

В первой из них А.В. Кузнецов привлекает внимание к проблеме доступа исследователей к качественной информации, которая в условиях растущего информационного изобилия приобретает новые оттенки. В этой связи он особо подчеркивает три момента: более вдумчивую и качественную работу со статистическими данными; использование в исследованиях выводов монографий, в том числе и тех, которые были изданы в недавнем прошлом; внимание к методам так называемой медленной науки, связанным с накоплением и тщательным осмыслением больших массивов фактической информации.

Во второй статье Ю.Г. Коргунюк показывает, как рост технической (компьютерной) оснащённости современного политолога позволяет ему расширить применение количественных методов в традиционных для политологии электоральных исследованиях для получения новых знаний, а также вносить изменения и в ряд традиционных концепций (электоральных, политических, социальных, территориальных размежеваний).

В рубрике «Контекст» представлены две статьи, сфокусированные на технологическом контексте политической науки, или на практико-политическом и организационно-управленческом.

В.С. Авдонин и В.Л. Силаева привлекают внимание к такому нашумевшему технологическому событию последнего года как появление нейросетей нового поколения в широком доступе. Чтобы лучше понять его значение для политической науки, они предлагают предварительно познакомиться с принципами работы, возможностями и сферой применения этой технологии, а также прояснить способ философского отношения к ней. Таковым авторы считают философию информации, изложенную в работах философа Лючано Флориди. В социальных науках и политологии, как их части, появление этой технологии будет стимулировать расширение междисциплинарных областей вычислительных социальных наук и усиливать их экспансию в традиционные области. В отношении политической науки авторы прогнозируют два возможных сценария – более вероятный «адаптационный» и «ревиизионистский», при этом последний может вести к глубокой перестройке политических теорий.

Во второй статье рубрики А.Ю. Сунгуров и Д.А. Киселева основное внимание уделяют политической науке в организационно-управленческом и функциональном контексте отечественных проправительственных «фабрик мысли». Авторы давно изучают этот контекст, их исследование является лонгитюдным, охватывая два последних десятилетия. Они выделяют несколько функций, выполняемых этими структурами, обращая особое внимание на научно-исследовательские и научно-аналитические. В целом, оценивая выполнение этих функций как приемлемое, они отмечают в долговременном плане их постепенное ослабление, выражающееся, в частности, в сокращении научно-рекомендательной результативности, ее «перетекании» в зону «для служебного пользования», в усилении пропагандистской функции, появления функции «распределения ресурсов», а также в заметном клиентском характере этого контекста в целом.

За пределами темы номера в разделе «Ретроспектива» мы публикуем статью Д.С. Мухортова и И.Э. Стрельца о результатах опроса студенческой молодежи, направленного на выявление гражданских ценностей, проведенного в этом году в ключевых московских вузах, а также работу Н.А. Шавеко в которой автор предлагает понимание справедливости через категорию равенства.

В рубрике «Первая степень» также представлены две статьи наших молодых коллег. И.Е. Кочедыков анализирует влияние на политическую науку такого технологического явления как непрерывно растущие цифровые массивы «больших данных» в самых разных областях жизни. Он также отмечает, что наиболее подходящим способом обработки и анализа этих данных являются алгоритмы «машинного обучения». В целом автор выделяет тенденцию большей осторожности и методологической точности в применении как больших данных, так и машинного обучения, заметную на переднем крае политологических исследований.

А.Б. Боюн в своей статье анализирует основные подходы современных исследователей к определению понятия «публичная дипломатия» и классификации систем ее конкретных измерений, предпринимая попытку разработать критерии сравнительного анализа этого инструмента внешней политики.

В рубрике «Книжная полка» на этот раз мы представляем рецензии на три свежие научные публикации, которые привлекли наше внимание и, надеемся, заинтересуют читателей. Среди этих

книг – работа гарвардского профессора Матиаса Риссе, которая в какой-то мере связана с темой нашего номера. Кроме того, в номере представлена рецензия на публикацию переводов произведений ряда классиков американской политологии первой половины XX в. (представителей чикагской школы политической мысли), а также на книгу о языке популизма, написанную британским лингвистом, профессором Полом Чилтоном.

*В.С. Авдонин**

* **Авдонин Владимир Сергеевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: avdoninvla@mail.ru

Avdonin Vladimir, INION (Moscow, Russia), e-mail: avdoninvla@mail.ru

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Н.А. БОРИСОВ*

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОСТСОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Аннотация. В статье представлены результаты анализа основных работ российских политологов, посвященных трансформации политических режимов постсоветских государств с точки зрения вклада в политическую теорию и методологию. Рассматриваются основные дискуссионные проблемы, которые находятся в центре внимания российских исследователей политических процессов на постсоветском пространстве, анализируется эволюция теоретических оснований и методологии исследований трансформации политических режимов постсоветских государств.

Анализируются «структурный» и «процедурный» подходы к изучению постсоветских трансформаций, проблема траекторий и итогов постсоветских трансформаций, исследовательские концепты цветных революций и преемничества.

По заключению автора, результаты постсоветских исследований не только привели к приращению знания о политике, но и обогатили политическую теорию в целом. Фиксируется нелинейность (или цикличность) политических процессов на постсоветском пространстве.

Наметился переход к более глубокому изучению и классификации недемократических режимов на постсоветском пространстве и изучению этих режи-

* **Борисов Николай Александрович**, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), e-mail: nborisov@rggu

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50027.

мов не в качестве переходных, а как вполне устойчивых. Происходит переосмысление институциональных трансформаций как факторов политического процесса.

Перспективным направлением представляется продолжение сравнительного анализа политических процессов в постсоветских государствах на основе соотношения уровня государственности в динамике и уровня институционализации политических институтов и институциональных основ демократии, а также встраивание изучения постсоветских случаев в общий контекст постсоциалистических трансформаций.

Ключевые слова: постсоветские исследования; политический режим; трансформация; теоретико-методологические основания.

Для цитирования: Борисов Н.А. Тридцать лет постсоветских исследований в российской политической науке: тренды и перспективы // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 15–55. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.01>

Политической науке необходима теоретически последовательная, эмпирически доказательная и ценностно нейтральная повестка дня в изучении российской политики.

В.Я. Гельман [Гельман, 2003, с. 11]

Политические процессы на постсоветском пространстве по понятным причинам привлекают значительное внимание российских исследователей. Это связано не только с тем, что государства, возникшие после распада СССР, являются географически и политически близкими объектами для политологического анализа, но и с постоянным поиском ответов на вопросы о том, почему, как и чем Россия отличается от своих соседей по СНГ. Рождение постсоветских исследований совпало по времени с возрождением и развитием политической науки в России, а постсоветское пространство на протяжении всех 30 лет предоставляет богатый эмпирический материал для сравнительного анализа.

Представить даже краткий обзор тематики этих исследований в одной работе вряд ли представляется возможным, поэтому следует ограничиться исключительно важнейшими работами, которые внесли существенный теоретический вклад в изучение политических процессов на постсоветском пространстве и послужили точками отсчета для новых научных направлений. Важно показать, как за 30 лет изменились подходы к осмыслению постсоветских трансформаций, какие дискуссии были наиболее важными в российской политической науке, какие принципиально новые

концепции появились в этих работах и каков их объяснительный потенциал, что дало изучение политических процессов на постсоветском пространстве для российской политической науки.

О вкладе постсоветских исследований в общую теорию политической науки и об их основных направлениях блестяще написал А.Ю. Мельвиль, опираясь на работы зарубежных и российских авторов, опубликованных на иностранных языках [Мельвиль, 2020]. Существует и ряд других обзорных исследований, уступающих работе А.Ю. Мельвиля как по охвату проблемного поля, так и по числу анализируемых работ (см., например: [Гельман, 2012 а; Бродовская, Королев, 2013; Гареева, Шкель, 2011; Шкель, 2014 а]. Представляется целесообразным обратиться к этой тематике на материале российских исследований.

Основные дискуссионные проблемы, которые находятся в центре внимания российских исследователей политических процессов на постсоветском пространстве, заключаются в следующем.

Во-первых, на протяжении 30 лет происходил поиск общих теоретико-методологических оснований анализа постсоветских трансформаций, в ходе которого были восприняты или переосмыслены западные концепции, а также предложены оригинальные исследовательские конструкты.

Во-вторых, по-прежнему актуальна классическая проблема «структуры и агента», вызывающая дискуссии о большей значимости структурных или процедурных факторов в процессе трансформации политических режимов и в целом о выявлении ключевых факторов формирования новых режимов.

В-третьих, в последние два десятилетия актуализировалась проблема траекторий и итогов постсоветских трансформаций: на смену исследованиям о причинах «неудачи» демократизации пришли поиски терминов и категорий для определения новых недемократических режимов и их сравнительный анализ. Здесь, вслед за западными исследователями, было предложено значительное число концепций «гибридности». В связи с этим поставлена и проблема способов и механизмов смены политической власти и политических режимов в результате так называемых цветных революций, что вызвало дискуссии об их ключевых факторах, общем и особенно по отношению друг к другу и к иным случаям вне постсоветского пространства.

Большое число исследований посвящено проблемам политической культуры, в том числе исторической памяти, формирования новой идентичности, символической политике, политической психологии и другим внеинституциональным аспектам политического на постсоветском пространстве. Представляется, что эти проблемы стоят несколько особняком и анализировать их целесообразно в отдельной работе. То же касается и многочисленных работ, связанных с международно-политическими и внешнеполитическими аспектами развития постсоветских государств, включая анализ стратегий внерегиональных игроков на постсоветском пространстве и проблем интеграции и дезинтеграции.

Исследовательская гипотеза настоящей работы состоит в том, что российские исследования политических процессов на постсоветском пространстве за 30 лет эволюционируют от преимущественно «плотных описаний» к формулированию теорий и концептов траекторий и исходов постсоветских трансформаций, и в этом смысле они в целом соответствуют трендам мировой политической науки. В связи с этим необходимо проанализировать формирующиеся концепты и направления, критически оценить их и показать перспективные направления дальнейших исследований. Критерием систематизации работ при этом является, с одной стороны, их тематика, представленная в следующем разделе, с другой – основные дискуссионные точки, вокруг которых формировались исследовательские концепции.

Основой настоящего исследования послужили научные монографии, а также научные статьи, опубликованные главным образом в трех наиболее авторитетных и цитируемых российских политологических журналах, индексируемых в российских и международных наукометрических базах цитирования: «Полис», «Политическая наука», «Полития». Будут рассмотрены работы, посвященные комплексному анализу политических режимов постсоветских государств, а не анализу отдельных случаев и отдельных стран.

Распределение работ по тематикам и государствам

По данным Научной электронной библиотеки elibrary.ru, количество публикаций, размещенных в библиотеке, в названии или ключевых словах которых присутствует слово «постсоветский»,

составляет 99 495, в том числе 8866 книг и 8939 диссертаций (из них по проблемам политической науки и близким тематикам – около 300) (см. рис. 1). В электронном каталоге Российской государственной библиотеки насчитывается 2038 изданий с названием «постсоветский» в различных формах.



Рис. 1

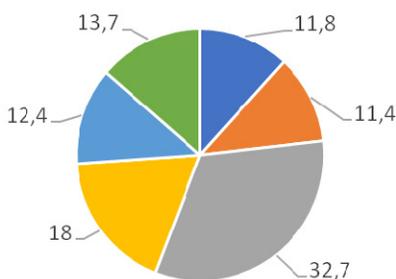
Тематики диссертаций, защищенных в России в 1992–2020 гг., по политическим проблемам постсоветского пространства, % от общего количества работ

(рассчитано автором по материалам электронного каталога Российской государственной библиотеки и Национальной электронной библиотеки elibrary.ru)

Проанализировав соотношение количества диссертационных исследований по тематикам, можно сделать вывод о том, что большинство из этих работ представляют результаты эмпирического анализа политических институтов и процессов в отдельных государствах постсоветского пространства или в отдельных регионах. Наибольшее количество работ посвящено рассмотрению отдельных страновых или региональных кейсов по конкретной

проблеме (политические партии, молодежная политика, политическая культура и др.). Существуют и немногочисленные комплексные исследования, которые, при всей их значимости, в силу атеоретичности следует отнести к категории «плотных описаний» [СССР после распада, 2007; Эволюция постсоветского пространства, 2017; Постсоветские государства..., 2017].

Всего в период 1992–2022 г., по данным РИНЦ и архивов номеров, не индексированных в РИНЦ, в трех ведущих журналах опубликовано 306 работ, в названии, тексте или ключевых словах которых имеется слово «постсоветский». Для демонстрации трендов условно можно выделить три десятилетия (1992–2001, 2002–2011, 2012–2022) и шесть тематических блоков, представленных в табл. 1. Общее количество статей в тематическом разрезе выглядит следующим образом (рис. 2).



- Теория и методология политической науки
- Государственная политика и управление
- Политические институты и процессы
- Политическая культура, правовая культура, идеология, идентичность, политика и религия
- Политическая регионалистика, этнополитика, федерализм
- Внешняя политика, международные отношения

Рис. 2

Распределение статей, опубликованных в ведущих российских журналах с ключевым словом «постсоветский», по тематике

Очевидно, что наиболее часто публиковались статьи по проблематике политических институтов и процессов, а также по проблемам политической культуры, идеологии и идентичности. Если проследить изменение тематики по трем десятилетиям, можно заметить следующие тенденции (рис. 3).



Рис. 3
Распределение статей, опубликованных
в ведущих российских журналах с ключевым словом
«постсоветский», по тематике в разрезе трех десятилетий

Наметился рост публикаций, посвященных теории и методологии изучения постсоветских трансформаций, пройден пик интереса к отдельным политическим институтам и процессам, существенно возросло внимание к проблемам политической культуры, идентичности, исторической памяти и символической политики (с 3 до 35 публикаций в абсолютном выражении и 5% до 26,3% от общего количества статей – в относительном).

Рассматривая тематику статей в разрезе анализируемых государств, можно отметить, что большинство работ (59,8%) посвящено анализу конкретных кейсов на материале одного государства, преимущественно – России (рис. 4).



Рис. 4
Распределение статей, опубликованных в ведущих российских журналах с ключевым словом «постсоветский», по количеству рассматриваемых государств

Анализ динамики в этом отношении показывает, что за тридцать лет значительно возросла доля работ, посвященных постсоветскому пространству в целом (с 15% в первое десятилетие до 39,8% – во второе и 37,6% – в третье), однако почти неизменным и крайне низким остаются как количество, так и доля статей, посвященных сравнительному анализу двух, трех и более государств (рис. 5).

Преобладающим остается анализ отдельных случаев и процессов в отдельных государствах, прежде всего в России. При этом из 306 работ всего 9 статей посвящено Украине, 6 – Грузии, 3 – Молдове, 2 – Казахстану, 1 – Таджикистану. Остальные постсоветские государства в качестве отдельных случаев в статьях не рассматриваются (рис. 6).



Рис. 5

Распределение статей, опубликованных в ведущих российских журналах с ключевым словом «постсоветский», по количеству рассматриваемых государств в разрезе трех десятилетий

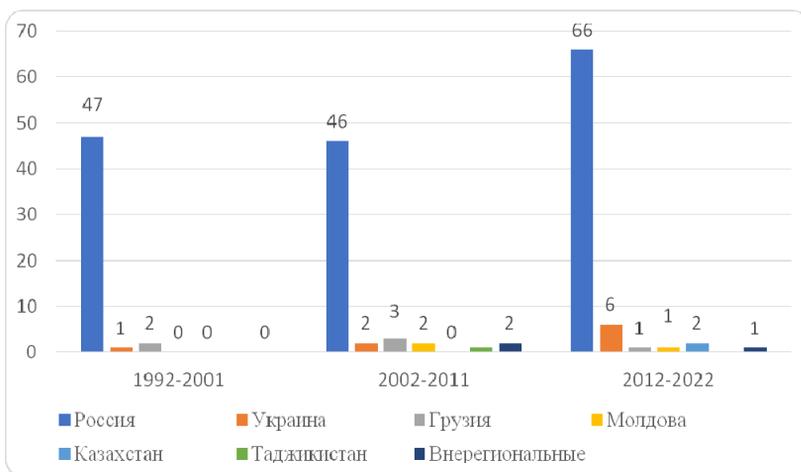


Рис. 6

Распределение статей, опубликованных в ведущих журналах с ключевым словом «постсоветский», по рассматриваемым государствам в разрезе трех десятилетий

Ниже мы рассмотрим предлагаемое проблемное поле постсоветских исследований, но перед этим необходимо кратко остановиться на правомерности использования термина «постсоветское пространство» по прошествии 30 лет после прекращения существования СССР.

«Постсоветское пространство»: конец объекта – конец концепта?

Термин «постсоветское пространство», получивший широкое распространение в начале 1990-х годов как самоочевидный, в последнее время все больше подвергается справедливой критике со стороны российских авторов. Приставка «пост» в данном термине, предшествующая термину «советский», по умолчанию предполагает, что это пространство, во-первых, должно рассматриваться как нечто единое, обладающее некими общими признаками и сходными сценариями развития; во-вторых, подлежит рассмотрению в непосредственной связи с советским прошлым и, в-третьих, фиксирует промежуточность, переходность этого этапа на пути к некоему новому состоянию: невозможно оставаться «пост-...» на протяжении неопределенно долгого времени. Например, В.Б. Пастухов еще в 1997 г. констатировал конец посткоммунизма как особого периода политического развития, в котором в качестве акторов действуют «Власть, Общество и Движение» [Пастухов, 1997].

В то же время отказываться от термина «постсоветское» российская политическая наука, судя по всему, не собирается. Попытки его замены на термины «Новые независимые государства», «Евразийское пространство» так и не получили широкого распространения. Представляется, что это происходит не только по причине отсутствия подходящей альтернативы, но и по более содержательным основаниям: «советское» продолжает жить и воспроизводиться в «постсоветском».

Главной особенностью посткоммунистической демократии в бывшем СССР, отличающей ее от аналогичных демократий в странах Восточной Европы, И.М. Клямкин считал ее формирование при коммунистической власти и по ее инициативе: «Эта власть пошла против собственной природы, допустив свободные выборы», – отмечал он [Клямкин, 1993]. Как полагает С.М. Маркедонов, понятие

«постсоветское пространство» нельзя рассматривать в отрыве от советского контекста. Дело в том, что строительство «постсоветской» государственности велось новыми элитами на основе советского принципа национально-государственного размежевания и в советских же границах [Маркедонов, 2017, с. 379].

Ю.С. Пивоваров развивает эту позицию, не только доказывая, что постсоветское – это в известной степени по природе своей советское, но и демонстрируя, что оно имеет гораздо более глубокие корни в русской истории, которые не исчерпываются наследием Советского Союза [Пивоваров, 2014]: «Коммунистическая Россия ушла в прошлое, но советская осталась, эволюционировав и перейдя в другой период своего советского бытования. Советское – шире, глубже, значительнее, органичнее, устойчивее, опаснее коммунистического», – подчеркивает автор [Пивоваров, 2011, с. 54].

Другими словами об этом же говорят Д.В. Ефременко и его коллеги: «Для России и большинства постсоветских стран исторический смысл эпохи 1990-х годов по преимуществу заключался... в исчерпании динамики распада и “обживании” руин советской системы» [Ефременко, Долгов, Евсева, 2017].

Соглашается с ними и Л.Е. Бляхер: «Советский Союз как ментальный конструкт оказался намного более жизнеспособным, чем его денотат. Восхваляя или проклиная «советское прошлое», новые государства продолжают оставаться постсоветскими именно в силу того, что Советский Союз выступает отправной точкой их самоидентификации» [Бляхер, 2008].

Оригинальным представляется подход А.И. Швыркова, который трактует сохранение «советского» на постсоветском пространстве не через развитие новых «постсоветских» институтов, а через незавершенные процессы деградации, распада, разрушения советского, что и подтверждает, с точки зрения автора, тезис о незавершенности «распада СССР» [Швырков, 2014].

Б.И. Макаренко отмечает, что понятие «посткоммунистические страны» по-прежнему применимо, так как у обозначаемых им стран имеется важная общая черта: наследие коммунистической эпохи является значимым фактором в их сегодняшней политической жизни и влияет на траекторию развития [Макаренко, 2019].

Вероятно, следует согласиться с тем, что советское наследие задает некоторые родовые черты постсоветской государственности. Выстраивание новой государственности в независимых госу-

дарствах велось не только «на руинах» советской, но и по принципу преемственности, отрицания и/или переосмысления советского наследия и построения новой идентичности как несоветской или несоветской. Поэтому отказ от термина «постсоветское пространство» представляется, по-видимому, преждевременным. Более того, исследовательский интерес к проблематике «советского в постсоветском», особенно в исторической памяти и символической политике, в последнее десятилетие только растет.

В поисках теоретико-методологических оснований изучения постсоветских трансформаций: проблема «структуры» и «агента»

Ряд исследований начала 1990-х годов при изучении постсоветских политических процессов исходил из классических транзитологических парадигм, которые воспринимают любой переход от авторитаризма как переход к демократии, а отсутствие демократии в качестве конечного результата как «неудавшийся» транзит [Ачкасов, 2015]. Этому способствовали как объективные тренды развития политической науки в период всеобщего «политического оптимизма», связанного с крушением диктатур, так и нежелание вырабатывать новые теоретико-методологические модели для анализа постсоветских случаев. В частности, возникла неверная интерпретация концепции третьей волны С. Хантингтона как «последней» волны демократизации, в то время как сам автор предупреждал о возможности глобального «третьего отката» [Хантингтон, 2003].

Такой подход заметен, например, в работах Л.Ф. Шевцовой, которая, в частности, характеризует период президентства В.В. Путина как «сворачивание» демократического проекта в России и «вырождение» демократии [Шевцова, 2004].

По меткому замечанию М.В. Ильина, «универсальные термины стали трактоваться слишком конкретно и в результате фактически превратились в партикулярные, хотя по-прежнему кажутся нам универсальными. Мы... начинаем обсуждать, не исчерпала ли себя демократия, когда исчерпали себя, скорее, наши крайне зауженные представления о ней» [Новые демократии..., 2004].

В то же время следует согласиться с В.Я. Гельманом в том, что уже в первой половине 1990-х годов исследователи постсовет-

ских трансформаций не рассматривали политический режим в России на протяжении всего периода после 1985 г. как демократический [Гельман, 1997, с. 65]. Поэтому хронологическую границу между «оптимистическим» и «пессимистическим» этапами исследования постсоветских трансформаций можно провести весьма условно, несмотря на попытки некоторых авторов строго привязать их к хронологическим рамкам вплоть до конкретного года [см., например: Валитова, 2012].

Б.Г. Капустин, рассуждая о теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия, абсолютно точно определил причину «неудач» политической науки в изучении посткоммунистических трансформаций применением «транзитологической» парадигмы как «установки на рассмотрение общества как переходного, не пропущенной через критическое вопрошание о том, какого рода переход имеет место...» [Капустин, 2001, с. 5–6].

Уже к середине 1990-х годов для наиболее проницательных российских авторов становится очевидным значительно более сложный, многомерный и нелинейный характер постсоветских трансформаций, чем простой «переход от авторитаризма к демократии». Начинается поиск ответов на вопрос, правомерно ли говорить об уже относительно сложившихся типах посткоммунизма, отличающихся друг от друга, и не следует ли отказаться от парадигмы «переходного периода», неопределенного по содержанию и непредсказуемого по политическим последствиям? [Полохало, 1998]. Отмечается необходимость уточнения элитистских подходов применительно к постсоветским трансформациям, где не было удачных элитных «пактов» на пути к демократии [Елизаров, 1999]. Об этом же говорили участники круглого стола, состоявшегося в 1999 г. [Демократические переходы..., 1999].

А.Ю. Мельвиль и его последователи в новаторских работах констатировали необходимость отказа от транзитологической парадигмы и обосновали продуктивность применения в качестве методологической основы «воронки причинности» [Мельвиль, 1998, с. 6; Мелешкина, 2002; Мельвиль, 2002].

Разработка модели «воронки причинности», учитывающей значимость как структурных, так и процедурных факторов, продолжилась в работе над «Политическим атласом современности», в котором была предпринята попытка не только обозначить переменные для универсального сравнения государств, но и как можно

более точно операционализировать каждую из них [Политический атлас современности, 2007].

Такая задача в качестве более частного случая встала и перед исследователями политических процессов на постсоветском пространстве.

Более поздние исследования влияния структурных и процедурных факторов на результаты режимных изменений в посткоммунистических странах, проведенные под руководством А.Ю. Мельвиля, показали, что «структуры» не имеют сколько-нибудь определяющего влияния. Постсоветские страны с высоким стартовым структурным потенциалом – Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан [Мельвиль, 2010] (уровень ВВП на душу населения, уровень развития человеческого потенциала и др.) – теоретически обладали сходными шансами на демократический транзит – однако развиваются по различным траекториям.

Продуктивные результаты для формирования объяснительных моделей трансформации с высоким прогностическим потенциалом дала методика индексного анализа, в частности, наложение значений институциональных основ демократии и индекса государственности, а также наложение значений индекса институциональных основ демократии и индекса институционализации института президентства государств постсоветского пространства [Борисов, 2011].

В.Я. Гельман предложил рассматривать доминирующие типы институтов (формальные и неформальные) в качестве основы различий между «переходами к демократии» (предполагающими установление *rule of law*) и постсоветскими случаями [Гельман, 2001 а, с. 19–20], и соответственно пересмотреть типологию политических режимов [Гельман, 2001 b]. В этом случае вновь возникает вопрос о возможностях операционализации критериев такой типологии, поскольку преобладание формальных или неформальных институтов в том или ином режиме можно оценить только весьма условно, тем более что формальные и неформальные практики могут быть сосредоточены и в одних и тех же институтах.

Одним из первых В.Я. Гельман предлагает в качестве методологической основы изучения политических процессов на постсоветском пространстве неоинституционализм в его исторической и социологической версии, критикуя попытки как применения нормативного подхода, так и рассмотрения российского и других

постсоветских случаев в качестве неповторимых, уникальных и не поддающихся сравнительному анализу [Гельман, 2001 б].

При этом традиционное методологическое разграничение институтов на формальные и неформальные, принятое неоинституционалистами, нуждается в существенном уточнении. По мнению В.Я. Гельмана, оно должно быть дополнено понятием «подрывной институт», который не только не противоречит формальным, но и основан на них. Формальные и неформальные институты ни фактически, ни аналитически не отделены друг от друга и находятся в сложном взаимном переплетении, в состоянии симбиоза в рамках одних и тех же институтов [Гельман, 2001 а, с. 9].

В.Я. Гельман предлагает объяснительную модель динамики постсоветских режимов на основе теории элит. Формирование политических режимов связывается со структурой внутриэлитных взаимодействий в позднесоветский период [Гельман, 2007, с. 85].

Подобные мысли высказывает и П.В. Панов, подчеркивая, что эффективность институциональных трансформаций зависит прежде всего от конгруэнтности формальных и неформальных институтов и траектории их развития после осуществления импорта [Панов, 2002]. Сходные тезисы о преимуществе неоинституционального подхода в сочетании с транзитологией аргументирует и С.М. Елисеев [Елисеев, 2002]. М.В. Ильин справедливо обратил внимание на небольшой эвристический потенциал универсальных сравнений, подчеркнув при этом: «Совершенно нормально, что инструменты, разработанные для анализа демократического транзита, скажем, в Бразилии и Чили, будут неэффективными при исследовании трансформаций в Закавказье» [Новые демократии, 2004].

Значительная часть литературы, посвященной постсоветским трансформациям, вслед за классическими западными работами рассматривает вопрос о влиянии институционального дизайна (прежде всего формы правления и избирательной системы) на формирование и стабильность политических режимов [Зазнаев, 2007; 2009; 2012; Кувалдин, 1998]. Внимательный анализ институциональных трансформаций и экспериментов в области политической инженерии показывает, что «политическая воля» акторов имеет большее значение, чем институты, а постсоветские институты теоретически предоставляют возможность для формирования любого политического режима: демократического, персоналистского или режима с доминирующей партией, как правомерно от-

мечает О.Г. Харитонова [Харитонова, 2014 а]. С ней соглашается и А.Н. Медушевский, подчеркивая, что тема формы правления «часто становится разновидностью политической “игры”, результаты которой не воспринимаются серьезно, а сами участники рассматривают предлагаемые поправки скорее как политический инструмент, от которого в дальнейшем можно отказаться» [Медушевский, 2018, с. 64].

К идентичному выводу приходит и Н.А. Борисов, указывая, что акторы, участвовавшие в разработке и принятии конституционных поправок, не рассматривали взятые на себя обязательства как безусловные и на практике готовы были отказаться от них в любое время [Борисов, 2018, с. 193].

Тезис об определяющем влиянии институциональных факторов (в частности, формы правления) на стабильность постсоветских политических режимов не подтверждается на эмпирическом материале. Большинство авторов, работающих на основе неинституционализма, полагают, что выбор в пользу президентализма препятствует консолидации демократии. Однако выбор институциональных рамок скорее является не причиной авторитаризма, а его продуктом [Easter, 1997, р. 210]. Н.А. Борисов приходит к выводу о том, что это означает возможность достижения стабилизации фактически при любых институциональных рамках. Единственным значимым фактором оказывается степень институционализации института президентства, которая и определяет устойчивость либо неустойчивость конкретного политического режима [Борисов, 2018, с. 453–454].

Другую трактовку факторов трансформации предлагают исследователи, полагающие, что ее определяют исключительно структурные факторы, формировавшиеся на протяжении веков и воспроизводящиеся в любую эпоху.

Ю.С. Пивоваров предлагает оригинальную концепцию «Русской Системы», восходящую к известной модели Р. Пайпса, подчеркивая ее самовоспроизводящийся характер несмотря на смену политических режимов и исторических эпох [Пивоваров, 2006, с. 15]. Это попытка обосновать ключевую роль структурных факторов постсоветских трансформаций, которая ведет к признанию невозможности качественных изменений политического режима.

Публикации последнего десятилетия все больше акцентируют внимание на роли процедурных факторов в процессе постсоветских

трансформаций, что подтверждается результатами эмпирических исследований: «Ни внешние факторы, ни собственные силовые ведомства не навязывали [посткоммунистическим] государствам откровенно авторитарные модели развития... Напротив, субъективные, актор-ориентированные факторы оказались критически важными для исхода политических преобразований», – подчеркивают Б.И. Макаренко и А.Ю. Мельвиль [Макаренко, Мельвиль, 2014].

Переосмысливается и роль структурных факторов: например, В.Я. Гельман подчеркивает, что «наследие прошлого» – не столько объективные структурные предпосылки, сколько социально сконструированный феномен, благодаря которому прежние институты и практики становятся своего рода опорами для институционального строительства и выработки политических курсов как для правящих групп, так и для общества [Гельман, 2016, с. 95].

На рис. 7 представлены варианты объяснительных моделей процесса постсоветских политических трансформаций.



Рис. 7

Объяснительные модели процесса постсоветских политических трансформаций

Результаты постсоветских политических трансформаций: проблемы «гибридности» и стабильности

Одно из перспективных исследовательских направлений, формирующееся в российской политической науке в последнее

десятилетие, связано с определением и классификацией политических режимов, возникающих в результате постсоветских политических трансформаций. Если раньше эти режимы в большинстве случаев определялись как «гибридные» и «переходные», в силу чего подчеркивался их временный, промежуточный характер, то теперь мейнстримом стала тенденция характеризовать их как устойчивые и воспроизводящиеся даже после смены лидеров. С этой проблемой тесно связана и проблема трактовок переворотов (или так называемых революций) в государствах постсоветского пространства.

Автором одного из первых исследований, в котором постсоветский режим (в частности, российский) характеризуется как гибридный, была Л.Ф. Шевцова. Она отмечала, что в «режиме-гибриде», который сформировался после 1993 г., можно обнаружить демократизм, авторитаризм, популизм, олигархические методы. Вместе с тем основной особенностью такого режима является доминирование неформальных связей и «теневых» политических институтов, на которых построена система сдержек [Шевцова, 1996]. В то же время автор полагает, что отсутствие традиционного набора предпосылок демократизма в России уравнивается рядом факторов, которые препятствуют установлению авторитарного режима, а тем более диктатуры.

Еще в 2004 г. участники круглого стола обратили внимание на то, что при анализе процессов в постсоветских государствах мы сталкиваемся с феноменом эволюции недемократических режимов одного типа (вероятно, разных подтипов) и трансформации их в недемократические же режимы иных разновидностей. А.Ю. Мельвиль отмечал, что это ставит перед научным сообществом задачу разработать концептуальную рамку разворачивающихся режимных изменений, предложить детализированную и дифференцированную типологию современных политических режимов [Новые демократии, 2004].

А. Фисун полагает, что адаптированное к современности веберовское понятие «патримониализм» обладает гораздо большим эвристическим потенциалом при объяснении ключевых особенностей политического развития и режимной динамики постсоветских государств, чем концепции «волн демократизации», модернизации, транзитов [Фисун, 2010, с. 172].

Н.С. Розов, соглашаясь с определением большинства постсоветских режимов как неопатримониальных, подчеркивает, что специфика постсоветских стран состоит в наследии коммунистических режимов советского типа, а главным условием удержания власти выступают сохранение сплоченности элит и поддержание лояльности силовых структур. При этом такие режимы следует рассматривать не как переходные, а как весьма устойчивые. Только глубокий социально-политический кризис режима может открывать «окно возможностей» для его демократизации [Розов, 2016].

Д.В. Ефременко и его коллеги рассматривают концепцию неопатримониализма в контексте проблемы «структуры и агента» [Ефременко, Долгов, Евсева, 2017].

Еще один концепт, воспринятый российскими исследователями для описания постсоветских политических режимов, – концепт **электорального (состязательного) авторитаризма**. Вслед за С. Левицким и Л. Вэем [Levitsky, Way, 2006] В.Я. Гельман предлагает отличать его от классического авторитаризма по критерию проведения регулярных относительно конкурентных выборов, при которых существуют «неоправданно высокие барьеры для вхождения в этот процесс, заведомо неравный доступ его участников к ресурсам, систематическое использование государственного аппарата в целях максимизации голосов, поданных за проправительственные партии и кандидатов, а также злоупотребления на всех стадиях выборов» [Гельман, 2012 b, с. 66]. В качестве важнейших институциональных механизмов, поддерживающих такой режим, автор выделяет суперпрезидентализм, субнациональный авторитаризм и доминирующую партию [Гельман, 2012 b, с. 73]. Вместе с тем эта концепция с трудом подвергается строгой операционализации. Остается неясным, почему запрос на демократизацию будет расти, по каким причинам режим сохранит низкую степень репрессивности и что произойдет в случае изменения этих условий.

Полемизируя с В.Я. Гельманом, Л.В. Поляков отмечает, что российский случай не просто не является критическим для концепции электорального авторитаризма, но и вообще представляет особую сложность с точки зрения концептуализации в рамках дихотомии «демократия – авторитаризм», что ведет к признанию уникальности российского случая [Поляков, 2015, с. 18]. Однако в

этой ситуации остается неясным, как концептуализировать российский случай и встраивать его в исследовательский контекст.

С.Н. Шкель ставит проблему факторов устойчивости и разновидностей авторитаризма в постсоветских государствах Центральной Азии, которая исследуется, в частности, через понятие институционализации [Шкель, 2013; 2014 б; 2015; 2016].

Р. Саква, критикуя концепцию гибридных режимов, предлагает характеризовать российскую политику как борьбу между формальным конституционным порядком и миром фракционно-групповой борьбы и параконституционных политических практик и обозначать ее термином «дуалистичное (dual) государство» [Саква, 2010].

А.В. Гилев предлагает определять устойчивость различных типов режимов на постсоветском пространстве через понятия конституционного баланса и монолитности [Гилев, 2010 а]. Автор выделяет три модели политического развития на постсоветском пространстве: суперпрезидентализм, смешанный баланс и режим зависимого от парламента правительства.

А.Ю. Мельвиль и его соавторы обращают внимание на взаимосвязь уровня государственной состоятельности и уровень демократии, в том числе на постсоветском пространстве [Мельвиль, 2013; Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2013]. Модель «Царя горы», предлагаемая авторами, направлена на объяснение того, почему среди посткоммунистических стран нет автократий с высокой государственной состоятельностью и с качественными институтами. В модели «Царя горы» у монополиста политической и экономической ренты нет мотивов для улучшения качества институтов и политической конкуренции, поскольку отказ от стабильности создает реальную угрозу утраты экономической ренты [Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2013].

Ю.А. Нисневич и А.В. Рябов обращают внимание на то, что ключевыми факторами формирования авторитаризма как результата постсоветских трансформаций стала незаинтересованность победителей в дальнейших преобразованиях и изоляция новых элит от общества [Нисневич, Рябов, 2017].

Заслуживает внимание вывод авторов о том, что, несмотря на постоянное изменение формальных институтов, постсоветские авторитарные режимы следует рассматривать не как нестабильные, а как весьма устойчивые. Изменения формы правления, избирательной и партийной систем, поправки в конституции могут

проводиться непрерывно, однако это не несет угрозы стабильности режима. Это полностью совпадает с выводами о том, что изменения институтов в условиях постсоветских режимов носят ситуативный характер и в большинстве случаев направлены на сохранение статус-кво и сохранение политической стабильности [Борисов, 2018].

Эволюция постсоветского авторитаризма связывается с демонтажом всей системы власти-собственности и патрон-клиентских отношений [Нисневич, Рябов, 2017, с. 95].

Ю.А. Нисневич делает вывод о том, что в постсоветской России в качестве правящего сформировался авторитарный режим корпоративного типа и произошел коррупционный захват государства правящими номенклатурно-олигархическими кланами [Нисневич, 2013].

Заслуживает внимания концепт «недостойное правление» (англ. *bad governance*, более точным переводом которого было бы воспринимаемое в качестве оценочного «плохое правление»), который В.Я. Гельман применяет к анализу политического развития постсоветских государств. Он отмечает, что низкое качество институтов является не причиной, а следствием регулирования и отсутствия верховенства права. Среди причин «недостойного правления» выделяется «наследие прошлого», узость каналов обновления элит и воспроизводство правящих групп, слабое международное влияние со стороны Запада [Гельман, 2016, с. 105].

В основании постсоветского «недостойного правления» лежит извлечение ренты политическими и экономическими игроками, связанными с правящими группами. Вокруг этого «ядра» создается «оболочка» таких формальных институтов, как официальные конституции или электоральные системы [Гельман, 2019, с. 90]. Вместе с тем в ситуации «недостойного правления» следует поставить вопрос о стабильности и управляемости государства, показатели которых могут быть весьма высокими. Напротив, отсутствие выделенных характеристик режима в постсоветских государствах часто ведет к потере управляемости и дезорганизации власти. В связи с этим возникает вопрос, не является ли такое «недостойное правление» единственной формой относительно эффективной организации государственного управления на постсоветском пространстве.

Н.С. Розов полагает, что гибридные режимы могут демонстрировать разнообразную динамику, включающую маятниковые движения между полюсами демократии и авторитаризма, кризисы,

глубокие потрясения вплоть до революций, свержения власти и государственного распада, а также трансформации, укрепляющие или, напротив, снижающие их устойчивость. При определенных условиях гибридные режимы могут трансформироваться в неоталитаризм [Розов, 2018].

Анализируя итоги развития постсоветских государств за двадцать семь лет, Б.И. Макаренко высказывает интересную мысль о том, что постсоветские государства возвращаются в цивилизационную нишу своих регионов – периферии Европы или наследников восточных империй, чем объясняется ретрадиционализация [Макаренко, 2019, с. 109–110].

Таким образом, большинство российских авторов соглашались с тем, что режимы, сформировавшиеся в результате трансформации на постсоветском пространстве, с одной стороны, нельзя отнести к демократическим, с другой – нецелесообразно просто зафиксировать их «гибридность» (рис. 8). Для определения новых политических режимов предложены концепты неопатримониализма, нового авторитаризма, электорального авторитаризма, недостойного правления. Произошло и смещение предмета изучения: от поисков ответа на вопрос, почему итогом трансформаций не стала консолидированная демократия, через концепт «гибридности» намечен переход к анализу факторов формирования, причин устойчивости и разновидностей новых недемократических режимов.

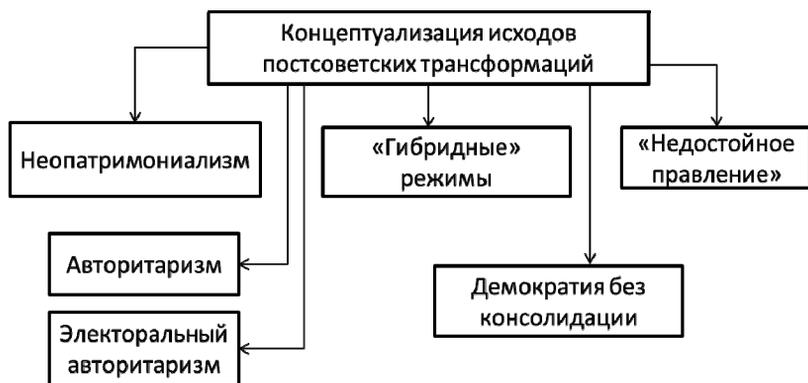


Рис. 8

Концептуализация исходов постсоветских трансформаций

Осмысление практик передачи власти на постсоветском пространстве: «переворот», «преемничество», «цветные революции»

Отдельно стоит остановиться на осмыслении процессов передачи власти на постсоветском пространстве. Здесь интересна постановка вопросов о том, насколько и почему сложившиеся практики передачи власти могут быть устойчивыми.

В начале 2000-х годов применительно к постсоветскому пространству стали развиваться концепции «цветных революций», а немного позднее – концепт преемничества. Все это свидетельствовало о том, что специфика передачи власти требовала от исследователей обратиться к ее концептуализации в сравнительной перспективе. Существенным здесь является трактовка термина «цветные революции» и определение факторов таких революций, а также проблема концептуализации преемничества.

А.В. Манойло полагает, что главный признак цветной революции – это внешнее искусственное воздействие на политическую ситуацию в стране. По его определению, цветные революции – это «технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях *искусственно созданной* [курсив мой. – Н. Б.] политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения» [Манойло, 2015; Карпович, Манойло, 2015]. Его подход имеет явное морально-этическое измерение: он указывает, что цветные революции «не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения», «это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов западными странами» [Манойло, 2015]. С ним не соглашались большинство других исследователей, которые не вводят внешнее воздействие в определение цветных революций.

А.В. Гилев справедливо предлагает трактовку «цветных революций» как процесс смены правящей группы при широкой массовой мобилизации, причиной которой стал протест против официальных итогов выборов в органы государственной власти [Гилев, 2010 b, с. 107]. Автор приходит к выводу о том, что «цветные революции» не привели к смене политических режимов, а

развилкой их возможных исходов является соотношение потенциалов правящей элиты и оппозиции. Капитуляция старой элиты вследствие недостатка ресурсов влечет за собой либо оформление неформального картельного соглашения, либо доминирование одной группы [Гилев, 2010 b, с. 119].

По мнению К.М. Труевцева, цветные революции произошли в тех странах, где системные проблемы усилились в ходе политического транзита, при этом внешний фактор лишь стимулировал внутренние процессы, но не был определяющим [Труевцев, 2005, с. 9].

Интересные практики анализа «цветных революций» на основе концепции стратегий сетей повседневности (voice – loyalty – exit) А. Хиршмана предложили А.С. Кузьмин и М.А. Зорин [Зорин, Кузьмин, 2006].

О.Г. Харитонова предлагает трактовать цветные революции (без кавычек) как постэлекторальные широкие движения оппозиции, направленные на восстановление провозглашенных режимом институциональных основ демократии, нарушенных в ходе выборов [Харитонова, 2014 b]. Как правило, они направлены исключительно на смену политических элит, а не на смену политических режимов.

«Цветные революции» на постсоветском пространстве, по мнению А. Фисуна, являются процессом распада модели консолидации неопатримониального режима на основе политико-экономической гегемонии главы государства и выстраиваемого вокруг него клиентарно-патронажной сети эксплуатации публичных ресурсов [Харитонова, 2014 b, с. 181]. Совершенно справедливым представляется тезис автора о том, что подобные «революции» приводят не к смене политических режимов, а являются лишь элементом внутрорежимной динамики (цикличности). С этим согласен и ряд зарубежных исследователей [Czachor, 2015, p. 261–262; Hale, 2005].

Д.М. Фельдман ставит вопрос о том, в состоянии ли правящая элита найти ответ на действия своих противников, реализующих сценарий «цветных» революций? Единственным ответом в этом случае становится поиск внешнего игрока, «донора» [Фельдман, 2005, с. 94–95]. Здесь внешнее воздействие отмечается не столько со стороны оппозиции, сколько со стороны правящей элиты. Именно поэтому такие «революции» не приводят к прорывам в социально-экономическом и политическом развитии государств.

Представляется, что термин «цветные революции» в последнее время подвергся в российской политической науке серьезному переосмыслению. Возобладало мнение о том, что термин «революция» может применяться к ним только в переносном смысле, означая лишь смену элит, а не политического режима в целом. Вероятно, следовало бы отказаться и от самого термина, который имеет значительную ценностную нагрузку и не соответствует трактовке революции.

При рассмотрении случаев передачи власти политическим «преемникам» на постсоветском пространстве российская политическая наука обратилась к концептуализации этих практик, используя латиноамериканский опыт. В частности, значительный вклад в концептуализацию преемничества и его анализ на материале постсоветских государств в сравнительной перспективе внесла пермская школа политических исследований.

Под преемничеством представители этой школы предлагают понимать такую модель воспроизводства власти, при которой субъектом принятия решения о том, кто будет следующим лидером, является власть, но не общество, при этом решение внутри власти (правлящей элиты) касательно кандидатуры «следующего» лидера принимается при относительном согласии [Борисова, Сулимов, 2012, с. 110].

Выделяются основные переменные для анализа преемничества: субъект принятия решения; бассейн рекрутирования кандидатов в преемники; характер элитного поля; сегментация элит и оппозиция. Важнейший тезис заключается в том, что ключевым препятствием для реализации варианта «преемник» оказывается публично-политическая сегментация элит – она принципиально меняет политическое пространство, в котором действует политический лидер [Панов, Сулимов, 2011; Панов, Сулимов, 2014].

В целом можно прийти к выводу о том, что власть инкубентов на постсоветском пространстве чрезвычайно устойчива и может оспариваться только в результате переворотов, а институт выборов при передаче президентской власти играет незначительную роль [Борисов, 2018].

Вместе с тем проблематика переворотов и преемничества на постсоветском пространстве нуждается в дальнейшей разработке с учетом накопления эмпирического материала и концептуализации всех имеющихся случаев.

Некоторые итоги и перспективы

В целом можно утверждать, что за прошедшие тридцать лет российской политической наукой достигнуты определенные успехи в понимании политических процессов, происходящих на постсоветском пространстве, и накоплен значительный потенциал для обеспечения политических прогнозов.

Это стало возможным прежде всего на основе использования и переосмысления основных постулатов, выработанных западной политической наукой теории трансформации политических режимов и неинституциональной методологии на материале постсоветских государств. Для получения новых научных результатов исследователям пришлось отказаться, с одной стороны, от характеристики постсоветских случаев в качестве уникальных, с другой – признать, что применение транзитологической парадигмы к изучению постсоветских трансформаций дает крайне ограниченные и далеко не всегда адекватные результаты. В процессе анализа были поставлены под сомнения почти все ключевые допущения транзитологии: о «пакте» как наиболее перспективном сценарии трансформации, о необходимости «двукратной смены власти», о ключевом значении периодических выборов для демократизации, о линейном пути к демократии и др.

Основные достижения постсоветских политических исследований, на наш взгляд, заключаются в следующем.

Фиксируется нелинейность (или цикличность) политических процессов на постсоветском пространстве, в отличие от первоначальных тезисов о «демократизации» и переходе к демократии в качестве единственного магистрального (и «правильного») пути. Демократизация в исследовательском сообществе больше не воспринимается как основной тренд, а демократия – как обязательный конечный результат трансформации. С этим связан рост интереса к более глубокому изучению и классификации недемократических режимов на постсоветском пространстве, а самое главное – констатация того, что эти режимы являются не переходными, а вполне устойчивыми. Причины и факторы стабильности таких режимов нуждаются в осмыслении. В то же время наблюдается консенсус по поводу вопроса о том, что установление подобных режимов не означает окончательного «закрытия» окна возможностей для демократизации.

Объяснения постсоветских политических трансформаций через культуру, менталитет, «заданный путь», «колею», уходят на периферию политических исследований, уступая место анализу процедурных факторов, в том числе действий политических лидеров. В то же время произошло переосмысление роли институциональных трансформаций формальных институтов: выбор формы правления понимается теперь не как определяющий фактор трансформации, а скорее как продукт уже сложившихся элитных взаимоотношений, изменения которого носят ситуативный и «прикладной» характер. Использование методологии неинституционализма в постсоветских исследованиях помогло, в частности, получить выводы о том, что институциональные изменения, инициированные правящими элитами, носили ситуативный характер и не являлись основными факторами трансформационных процессов.

В качестве основного фактора формирования и равновесия («эквилибриума») новых политических режимов указывается незаинтересованность политических элит в проведении реформ, нарушающих их каналы доступа к ренте.

В дискуссии о роли структурных и процедурных факторов в процессе трансформации российские исследователи ушли от однозначных трактовок. На смену им пришло более сложное понимание проблемы: структурные факторы могут оказывать существенное влияние на современный политический процесс, но не в качестве раз и навсегда заданной «колеи» или «культуры», а в качестве некоторых ограничений, в рамках которых действуют политические акторы: это может быть, например, как количественное измерение степени государственности, так и субъективное представление политических акторов о значимости тех или иных структурных факторов. Справедливо и то, что такие факторы со временем могут меняться, в силу чего особенно важно их количественное измерение.

Если говорить об **основных общих трендах** развития политологического знания о постсоветском пространстве, то необходимо отметить следующее (в таблице эти тренды систематизированы с учетом контекста западных исследований, проанализированного А.Ю. Мельвилем).

Таблица

**Тренды и перспективы исследовательских установок
и практик в постсоветских исследованиях
в российской политической науке
в контексте западных исследовательских трендов**

Исследовательские установки и практики 1990-х – начала 2000-х гг. в российской политической науке	Динамика исследовательских установок и практик в 2010–2020-е гг. в российской политической науке	Основные тренды постсоветских исследований в англоязычной литературе [Мельвиль, 2020, Мельвиль, 2021]	Перспективы исследований
1	2	3	4
Четкое разграничение структурных и процедурных факторов при анализе постсоветских трансформаций, исследовательская дихотомия в объяснении результатов трансформации	Гибкое понимание дилеммы «структура / агент»: «структура» может являться продуктом социального конструирования	Новая трактовка дилеммы «структура / агент»: расширительное понимание структурных элементов и факторов, отсутствие однозначных выводов о соотношении факторов	Продолжение сравнительных исследований на новом материале с целью выявления соотношения факторов
«Плотные описания», анализ конкретных случаев, исследования с использованием качественных и описательных методов; констатация уникальности российской («постсоветской») политической модели	Возможность и необходимость сравнительного анализа случаев, теоретические обобщения эмпирического материала, концептуализация, исследования с построением моделей с использованием количественных методов, в том числе индексного анализа	Построение математических моделей на основе математических методов	Дальнейшая концептуализация на основе сочетания количественных и качественных методов
Исследования причин и неудач перехода к демократии, «отклоняющихся» путей развития	Исследования проблем государственной состоятельности и факторов стабильности постсоветских политических режимов вне их морально-ценностной оценки	Вывод о том, что высокие уровни государственной состоятельности не являются обязательным условием устойчивости авторитарных режимов	Изучение процессов взаимосвязи государственной состоятельности и стабильности политических режимов, качества государственного управления
Исследования «гибридных» и «промежуточных» режимов как основного результата постсоветских трансформаций	Концептуализация многообразия постсоветских авторитарных политических режимов, разработка новых типологий политических режимов	Исследования стабилизации и легитимации постсоветского авторитаризма	Разработка новых типологий политических режимов на материале постсоветских государств в мировом контексте

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Сравнительные исследования постсоветских государств между собой или сравнения с государствами Восточной Европы	Сравнительные исследования с дополнением в качестве случаев незападных внерегиональных государств	Накопление и углубление политического знания, проверка и уточнение гипотез и теоретических конструкций	Вписывание постсоветских случаев в мировой контекст, привлечение более широкого эмпирического материала
«Советское наследие» как пережиток прошлого, влияние которого со временем ослабевает	«Советское наследие» как основной фактор институционального и внеинституционального развития постсоветских государств и обществ, его роль в политической культуре и идентичности	Изучение «патронажности» и «неформальности», анализ linkage and leverage как факторов политического развития постсоветских государств и дивергенции политических режимов	Выявление специфики «советского наследия» в постсоветских государствах в сравнительной перспективе всех постсоциалистических случаев трансформации

От признания уникальности российской (или «постсоветской») политической модели большинство исследователей пришло к возможности и необходимости сравнительного анализа: «Конструирование какой-то особой чисто российской модели демократии вряд ли возможно и целесообразно», – замечает В.В. Петухов [Петухов, 2017].

От описательных и историко-философских исследований российская политическая наука перешла к исследованиям с построением моделей с использованием количественных методов, а также индексного анализа, что находится в общем русле развития мировой политической науки (см., например: [Токарев, 2017; Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019; Иванов, Исаев, 2019]). От макротеорий, претендующих на объяснение всей совокупности общественных процессов и явлений, российские авторы все более активно переходят к формированию теорий среднего уровня.

Фокус внимания ученых сместился с изучения причин и неудач перехода к демократии на исследования проблем государственной состоятельности и факторов стабильности постсоветских политических режимов вне их морально-ценностной оценки, а также проблем качества государственного управления в контексте политической стабильности. Оценочные суждения и рассуждения о том, почему демократия «не получилась», хотя почему-то «должна была» возникнуть, сменяются попыткой объективного

анализа политических институтов и прогнозирования политических процессов.

В сравнительные исследования постсоветских и восточно-европейских государств со временем все чаще стали включать другие государства, прежде всего незападные (Китай, Монголия, Иран, Турция, Мексика, Бразилия). Именно они воспринимаются теперь в качестве «референтных моделей» для большинства случаев постсоветских трансформаций.

Возрастает исследовательское внимание к «советскому наследию» в институциональном и внеинституциональном аспектах. «Советское» изучается как фактор формирования и постсоветских политических институтов, и постсоветской политической идентичности, символической памяти и политической культуры.

Наконец, растет число исследований, которые носят обобщающий и теоретический характер. Доля теоретических статей в общем числе публикаций возросла в два раза, хотя по-прежнему остается невысокой (13,5%). Намечается рост интереса к неевропейским государствам постсоветского пространства, хотя в этом отношении по-прежнему сохраняется неравномерность в исследовательском интересе.

Перспективным направлением представляется продолжение сравнительного анализа политических процессов в постсоветских государствах на основе соотношения уровня государственности и государственной состоятельности в динамике и уровня институционализации политических институтов и институциональных основ демократии, а также встраивание изучения постсоветских случаев в общий контекст постсоциалистических трансформаций, что уже успешно делают многие российские авторы. Тем самым расширяется исследовательский контекст и снимается исследовательский «провинциализм».

Постсоветские исследования, отказавшись от изучения вариаций «демократий с прилагательными», могут привести к разработке новых типологий политических режимов на материале постсоветских государств в мировом контексте.

Представляется, что задачу, вынесенную в эпиграф этой статьи, можно считать если не полностью решенной, то по крайней мере успешно решаемой с учетом тех исследовательских трендов, по которым развиваются постсоветские исследования в России.

Все это дает основания для вывода о том, что исследования российскими авторами политических институтов и процессов на постсоветском пространстве внесли вклад в теоретическое развитие политической науки, включив постсоветский материал в общий контекст сравнительного анализа современных политических трансформаций, учитывая их сложный, нелинейный и многомерный характер, а прогнозы, сделанные относительно развития политических процессов в постсоветских государствах, оказываются вполне достоверными.

N.A. Borisov*
**Thirty years of post-Soviet research
in Russian political science: trends and prospects¹**

Abstract. The article presents the results of the analysis of the main works of Russian political scientists devoted to the transformation of post-Soviet states' political regimes from the point of view of their contribution to political theory and methodology. The main debatable problems that are in the focus of attention of Russian researchers of political processes in the post-Soviet space are considered, the evolution of the theoretical foundations and of research on the transformation of political regimes of post-Soviet states methodology is analyzed.

The author analyzes the «structural» and «procedural» approaches to the study of post-Soviet transformations, the problem of trajectories and outcomes of post-Soviet transformations, research concepts of color revolutions and succession.

The author concludes that the results of post-Soviet research not only led to an increase in knowledge about politics, but also enriched political theory as a whole. The non-linearity (or cyclicity) of political processes in the post-Soviet space is fixed.

There has been a transition to a deeper study and classification of non-democratic regimes in the post-Soviet space and the study of these regimes not as transitional, but as quite stable. Institutional transformations as factors of the political process are being rethought.

A promising direction is to continue the comparative analysis of political processes in post-Soviet states based on the correlation between the level of statehood in dynamics and the level of institutionalization of political institutions and the institutional foundations of democracy, as well as embedding the study of post-Soviet cases in the general context of post-socialist transformations.

Keywords: post-Soviet studies; political regime; transformation; theoretical and methodological foundations.

* **Borisov Nikolay**, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), e-mail: nborisov@rggu.ru

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20–111–50027.

For citation: Borisov N.A. Thirty years of post-Soviet research in Russian political science: trends and prospects. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 15–55. DOI: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.01>

References

- Achkasov V.A. Transitology – scientific theory or ideological construct? *Polis. Political Studies*. 2015, N 1, P. 30–37. (In Russ.)
- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A. Yu. How and why should we measure and compare state capacity of different countries? theoretical and methodological foundations. *Polis. Political Studies*. 2019, N 2, P. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02> (In Russ.)
- Blyakher L.E. Whether post-imperial project is possible: from mutual claims to common future. *Politeia*. 2008, N 1, P. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2008-48-1-6-16> (In Russ.)
- Borisov N.A. Presidency institution institutionalization and consolidation prospects of post-Soviet political regimes. *Politeia*. 2011, N 4, P. 93–103. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2011-63-4-93-103> (In Russ.)
- Borisov N.A. *Presidency in the post-Soviet space. Genesis and transformations processes*. Moscow: RSUH Publ., 2018, 537 p. (In Russ.)
- Borisova N.V., Sulimov K.A. Power succession in contemporary Russia: preemnichestvo as an invariant? *Political science*. 2012, N 3, P. 105–124. (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Korolev P.A. Democratic transit on postcommunist space: definition, models, stages. *Proceedings of the Tula State University. Humanities*. 2013, N 2, P. 10–16. (In Russ.)
- Czachor R. *Postradzieckie reżimy polityczne w perspektywie neopatrymonialnej: wstęp do badań*. Wrocław : Fundacja Instytut Polsko-Rosyjski, 2015, 304 s. (In Polish)
- Democratic transits: variants of the ways and uncertainty of the results. *Polis. Political studies*. 1999, N 3, P. 30–51. (In Russ.)
- Easter G. Preference for presidentialism: postcommunist regime change in Russia and the NIS. *World politics*. 1997, N 2, P. 184–211. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.1997.0002>
- Efremenko D.V., Dolgov A. Yu., Evseeva Ya.V. Russia between system catastrophes and evolutionary transformations: aspects of political ontology. *Polis. Political studies*. 2017, N 5, P. 24–42. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.03> (In Russ.)
- Eliseev S.M. To break out of the “Bermudas triangle”: on methodology of the research of post-communist transformations. *Polis. Political Studies*. 2002, N 6, P. 71–82. (In Russ.)
- Elizarov V.P. The elitist theory of democracy and the contemporary Russian political process. *Polis. Political studies*. 1999, N 1, P. 72–78. (In Russ.)
- Feldman D.M. Political interaction of the CIS countries’ elites. *Polis. Political studies*. 2005, N 4, P. 89–98. (In Russ.)
- Fisun A.A. Towards rethinking post-Soviet politics: a neopatrimonial interpretation. *Political Conceptology*. 2010, N 4, P. 158–187. (In Russ.)

- Gareeva N.E., Shkel S.N. Dynamics of political regime transformation in post-Soviet space: evolution of political thought. *The Bashkir university bulletin*. 2011, N 3, P. 803–806. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. “Transition” in Russian: concepts of the transition period and political transformation in Russia (1989–1996). *Social sciences and modernity*. 1997, N 4, P. 64–81. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. Post-Soviet regime transformations: toward a theory building. *Polis. Political Studies*. 2001 a, N 1, P. 15–29. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. “Encounter with an iceberg”: concept formation and misformation in the study of Russian politics. *Polis. Political Studies*. 2001 b, N 6, P. 6–17. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. Preface. Russian politics in theoretical and comparative contexts: new perspectives of analysis. *Political science (RU)*. 2003, N 1, P. 4–12. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. Out of the frying pan into the fire? (Post-Soviet regime dynamics in comparative perspective. *Polis. Political studies*. 2007, N 2, P. 81–108. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. Political science and contemporary research on Russian politics: changes and challenges. *Political science*. 2012 a, N 1, P. 8–23. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. The rise and decline of electoral authoritarianism in Russia. *Politeia*. 2012 b, N 4, P. 65–88. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-67-4-65-88> (In Russ.)
- Gelman V.Ya. The political foundations of “bad governance” in post-Soviet Eurasia: rethinking the research agenda. *Politeia*. 2016, N 3, P. 90–115. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-82-3-90-115> (In Russ.)
- Gelman V.Ya. *The politics of bad governance in contemporary Russia*. Saint-Petersburg: European University publishing house, 2019, 254 p. (In Russ.)
- Gilev A.V. Dynamics of transformations in the post-Soviet space in a comparative perspective: stability and prerequisites for the diversity of political regimes. PhD thesis. Perm: Perm State University, 2010 a, 256 p. (In Russ.)
- Gilev A.V. Political transformations in the post-Soviet space: do “color revolutions” matter? *Politeia*. 2010 b, N 2, P. 107–121. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-57-2-107-121> (In Russ.)
- Hale H. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-soviet Eurasia. *World politics*. 2005, N 1, P. 133–165. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>
- Huntington S. *The Third Wave*. Moscow: ROSSPEN, 2003. 368 p. (In Russ.)
- Ivanov E.A., Isaev L.M. On methods of estimating current condition and of forecasting social instability in Central Asia. *Polis. Political studies*. 2019, N 2, P. 59–78. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.05> (In Russ.)
- Kapustin B.G. The End of “transitology” “? (Reflecting on the first post-communist decade as subject of theoretical interpretation). *Polis. Political studies*. 2001, N 4, P. 6–26. (In Russ.)
- Karpovich O.G., Manoylo A.V. *Color revolutions: theory and practice of dismantling modern political regimes*. Moscow: Uniti-Dana, 2015, 111 p. (In Russ.)
- Kharitonova O.G. Post-soviet constitutions: do only institutions matter? *Political science (RU)*. 2014 a, N 1, P. 69–93. (In Russ.)
- Kharitonova O.G. Color revolutions in the context of democratization theories. *Political science (RU)*. 2014 b, N 3, P. 184–210. (In Russ.)

- Klyamkin I.M. Post-communist democracy and its historically specific features in Russia. *Polis. Political studies*. 1993, N 2, P. 6–24. (In Russ.)
- Kuvaldin V.B. Presidential and parliamentary republics as forms of democratic transit (Russian and Ukrainian experience in the global context). *Polis. Political studies*. 1998, N 5, P. 134–138. (In Russ.)
- Makarenko B.I. Twenty seven years later: are there post-communist states? *Politeia*. 2019, N 1, P. 97–113. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-92-1-97-113> (In Russ.)
- Makarenko B.I., Melville A. Yu. How do transitions to democracy get stuck and where? Lessons from post-communism. *Political science (RU)*. 2014, N 3, P. 9–39. (In Russ.)
- Manoylo A.V. Color revolutions and technologies for dismantling political regimes. *World politics*. 2015, N 1, P. 1–19. (In Russ.)
- Marganiya O.L. (ed). *USSR after collapse*. Saint-Petersburg: Economic School HSE, 2007, 542 p. (In Russ.)
- Markedonov S.M. The post-Soviet space: farewell to the definition. In: *The evolution of the post-Soviet space: past, present, future: a textbook*. Moscow: RSMD Publ., 2017, P. 374–381. (In Russ.)
- Medushevsky A.N. Trends of post-Soviet political regimes in the light of the latest wave of constitutional amendments. *Social sciences and modernity*. 2018, N 2, P. 49–66. (In Russ.)
- Meleshkina E.Yu. The “funnel of causality” in electoral studies. *Polis. Political studies*. 2002, N 5, P. 47–53. (In Russ.)
- Melville A.Yu. An essay of theoretical and methodological synthesis of the structural and the procedural approaches to democratic transits. *Polis. Political studies*. 1998, N 2, P. 6–38. (In Russ.)
- Melville A.Yu. The “funnel of causality” methodology as intermediary synthesis of “structure and agency” in the analysis of democratic transitions. *Polis. Political studies*. 2002, N 5, P. 54–59. (In Russ.)
- Melville A.Yu. Delayed and / or failed democratizations: why and how? *Polis. Political studies*. 2010, N 4, P. 73–76. (In Russ.)
- Melville A.Yu. Does the “Tsar of the mountain” need good institutes? *Political science*. 2013, N 3, P. 151–169. (In Russ.)
- Melville A.Yu. “Out of the ghetto”: on the contribution of post-Soviet/Russian Studies to contemporary political science. *Polis. Political studies*. 2020, N 1, P. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03> (In Russ.)
- Melville A.Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. “The King of the mountain”, or Why post-communist autocracies have bad institutions. *Polis. Political studies*. 2013, N 2, P. 125–142. (In Russ.)
- Melville A.Yu. Five unfulfilled hopes: political and theoretical expectations of the “epoch – 1989”. In: *Dismantling Communism: thirty years later*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, P. 66–92. (In Russ.)
- New democracies and / or new autocracies? (Materials of the round table). *Polis. Political studies*. 2004, N 1, P. 169–177. (In Russ.)

- Nisnevich Yu.A. Post-Soviet Russia: twenty years later. *Polis. Political studies*. 2013, N 1, P. 100–111. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. Post-Soviet authoritarianism. *Social sciences and modernity*. 2017, N 4, P. 84–97. (In Russ.)
- Panov P.V. Transformations of political institutions in Russia: cross-temporal comparative analysis. *Polis. Political Studies*. 2002, N 6, P. 58–70. (In Russ.)
- Panov P.V., Sulimov K.A. Succession as a way of reproduction of power: problems of conceptualization. *The Perm University Bulletin. Series "Political Science"*. 2011, N 4, P. 31–42. (In Russ.)
- Panov P.V., Sulimov K.A. Leadership succession and limits of personalist presidentialism: the perspectives of “preemniks” in the Caucasus and Central Asia. *Political science*. 2014, N 1, P. 134–158. (In Russ.)
- Pastukhov V.B. The end of postcommunism. *Polis. Political Studies*. 1997, N 4, P. 33–43. (In Russ.)
- Petukhov V.V. Democratization of the Russian society: is second attempt possible? *Polis. Political studies*. 2017, N 5, P. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.02> (In Russ.)
- Pivovarov Yu.S. Russian power and public policy (A historian’s notes about the reasons of unsuccess of the democratic transit). *Polis. Political studies*. 2006, N 1, P. 12–32. (In Russ.)
- Pivovarov Yu.S. “...And a century in ruins”. *Polis. Political studies*. 2011, N 6, P. 52–77. (In Russ.)
- Pivovarov Yu.S. About the “Soviet” and ways to overcome it (article two). What to do? *Polis. Political studies*. 2014, N 2, P. 31–60. (In Russ.)
- Polokhalo V. Political science of post-communism in Ukraine and Russia (To the methodology of political analysis). *Polis. Political studies*. 1998, N 3, P. 7–15. (In Russ.)
- Polyakov L.V. Electoral authoritarianism and Russian case. *Politeia*. 2015, N 2, P. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-77-2-6-20> (In Russ.)
- Post-Soviet states: 25 years of independent development. In 2 vol. Moscow: IMEMO RAN Publ., 2017. (In Russ.)
- Rozov N.S. Neopatrimonial regimes: diversity, dynamics, and prospects for democratization. *Polis. Political studies*. 2016, N 1, P. 139–156. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.10>. (In Russ.)
- Rozov N.S. Dynamics of hybrid regimes and sustainability/fragility of neototalitarianism. *Politeia*. 2018, N 1, P. 30–46. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-88-1-30-46> (In Russ.)
- Sakva R. The dual state in Russia: paraconstitutionalism and parapolitics. *Polis. Political studies*. 2010, N 1, P. 8–26. (In Russ.)
- Shevtsova L.F. Dilemmas of post-communist society. *Polis. Political studies*. 1996, N 5, P. 80–91. (In Russ.)
- Shevtsova L.F. How Russia failed to cope with democracy: the logic of political roll-back. *Pro et Contra*. 2004, N 3, P. 36–55. (In Russ.)
- Shkel S.N. New wave: authoritarianism’s multiformity in reflection of modern political science. *PolitBook*. 2013, N 4, P. 120–139. (In Russ.)

- Shkel S.N. Political reshaping in the post-soviet time reflected by the contemporary political thought. *Historical and socio-educational thought*. 2014 a, N 6–2, P. 287–291. (In Russ.)
- Shkel S.N. *Post-Soviet authoritarianism in a comparative perspective*. Ufa: Gilem Publ., 2014 b, 349 p. (In Russ.)
- Shkel S.N. Regime changes of post-soviet states of Central Asia and the Caucasus. *The Perm University Bulletin. Series "Political Science"*. 2015, N 1, P. 5–23. (In Russ.)
- Shkel S.N. Neopatrimonial practices and stability of authoritarian regimes in Eurasia. *Politeia*. 2016, N 4, P. 94–107. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-83-4-94-107> (In Russ.)
- Shvyrvkov A.I. Ukraine: patterns of collapse. *Politeia*. 2014, N 2, P. 34–47. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-73-2-34-47> (In Russ.)
- The evolution of the post-Soviet space: past, present, future: an anthology*. Moscow: RSMD Publ., 384 p. (In Russ.)
- The political atlas of modernity: the experience of multidimensional statistical analysis of the political systems of modern states*. Moscow: MGIMO-University Publ., 2007, 272 p. (In Russ.)
- Tokarev A.A. Comparative analysis of the post-communist secessions: the prognostic attempt of quantification of the factors' impact on secession. *Polis. Political studies*. 2017, N 4, P. 106–117. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.08> (In Russ.)
- Truevtsev K.M. "Colour revolutions" and terrorist threat in Central Asia. *Politeia*. 2005, N 2, P. 5–21. DOI: [10.30570/2078-5089-2005-37-2-5-21](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2005-37-2-5-21) (In Russ.)
- Valitova N.E. *The evolution of theoretical and methodological models for the study of political regime transformations in post-Soviet countries*: Ph.D. thesis. Ufa: Bashkir State University, 2012, 168 p. (In Russ.)
- Way L., Levitsky S. The Dynamics of Autocratic Coercion after the Cold War. *Communist and post-communist studies*. 2006, Vol. 39, N 3, P. 387–410. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2006.07.001>
- Zaznaev O.I. Index analysis of semi-presidential states of Europe and of post-Soviet expanse. *Polis. Political studies*. 2007, N 2, P. 146–164. (In Russ.)
- Zaznaev O.I. Superpresidential Systems in the Central Asia Republics: on the example of Uzbekistan, Kazakhstan, Tajikistan and Kyrgyzstan. *Russia and the Muslim world*. 2009, N 10, P. 145–154. (In Russ.)
- Zaznaev O.I. Constitutional amendments as a factor of strengthening presidential power in post-Soviet countries. *The spiritual sphere of society*. 2012, N 9, P. 88–91. (In Russ.)
- Zorin M.A., Kuzmin A.S. Political mirages and sociological reality (Ukraine 2000–2006: the nets of ordinariness, unstable informal institutions and colored revolutions. *Politeia*. 2006, N 1, P. 51–65. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2006-40-1-51-65> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ахременко А.С., Горельский А.Е., Мельвилль А.Ю.* Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // *Полис. Политические исследования.* – 2019. – № 2. – С. 8–23. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>
- Ачкасов В.А.* Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // *Полис. Политические исследования.* – 2015. – № 1. – С. 30–37.
- Бляхер Л.Е.* Возможен ли постимперский проект: от взаимных претензий к общему будущему // *Полития.* – 2008. – № 1. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2008-48-1-6-16>
- Борисов Н.А.* Институционализация института президентства и перспективы консолидации политических режимов на постсоветском пространстве // *Полития.* – 2011. – № 4. – С. 93–103. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2011-63-4-93-103>
- Борисов Н.А.* Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. – М.: РГГУ, 2018. – 537 с.
- Борисова Н.В., Сулимов К.А.* Воспроизводство власти в современной России: преемничество как инвариант? // *Политическая наука.* – 2012. – № 3. – С. 105–124.
- Бродовская Е.В., Королев П.А.* Демократический транзит на прокоммунистическом пространстве: подходы к определению, модели, этапы // *Известия Тульского государственного университета.* – Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 10–16.
- Валитова Н.Э.* Эволюция теоретико-методологических моделей исследования политико-режимных трансформаций в постсоветских странах: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2012. 168 с.
- Гареева Н.Э., Шкель С.Н.* Динамика политико-режимных трансформаций в странах постсоветского пространства: этапы эволюции политической мысли // *Вестник Башкирского университета.* – 2011. – № 3. – С. 803–806.
- Гельман В.Я.* «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989–1996) // *Общественные науки и современность.* – 1997. – № 4. – С. 64–81.
- Гельман В.Я.* Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // *Полис. Политические исследования.* – 2001 а. – № 1. – С. 15–29.
- Гельман В.Я.* «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // *Полис. Политические исследования.* – 2001 б. – № 6. – С. 6–17.
- Гельман В.Я.* Предисловие. Российская политика в теоретическом и сравнительном контекстах: новые перспективы анализа // *Политическая наука.* – 2003. – № 1. – С. 4–12.
- Гельман В.Я.* Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // *Полис. Политические исследования.* – 2007. – № 2. – С. 81–108.
- Гельман В.Я.* Политическая наука и современные исследования российской политики: перемены и вызовы // *Политическая наука.* – 2012 а. – № 1. – С. 8–23.

- Гельман В.Я.* Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. – 2012 г. – № 4. – С. 65–88. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-67-4-65-88>
- Гельман В.Я.* Политические основания «недостойного правления» в постсоветской Евразии: переосмысливая исследовательскую повестку дня // *Полития*. – 2016. – № 3. – С. 90–115. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-82-3-90-115>
- Гельман В.Я.* «Недостойное правление»: политика в современной России. – СПб.: Издательство Европейского ун-та, 2019. – 254 с.
- Гилев А.В.* Динамика трансформаций на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе: устойчивость и предпосылки многообразия политических режимов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010 г. – 256 с.
- Гилев А.В.* Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение «цветные революции»? // *Полития*. – 2010 г. – № 2. – С. 107–121. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-57-2-107-121>.
- Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: круглый стол // *Полис. Политические исследования*. – 1999. – № 3. – С. 30–51.
- Елизаров В.П.* Элитистская теория демократии и современный российский политический процесс // *Полис. Политические исследования*. – 1999. – № 1. – С. 72–78.
- Елисеев С.М.* Выйти из «бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // *Полис. Политические исследования*. – 2002. – № 6. – С. 71–82.
- Ефременко Д.В., Долгов А.Ю., Евсеева Я.В.* Россия между системными катастрофами и эволюционными трансформациями: политико-онтологические аспекты // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 5. – С. 24–42. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.03>
- Зазнаев О.И.* Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // *Полис. Политические исследования*. – 2007. – № 2. – С. 146–164.
- Зазнаев О.И.* Сверхпрезидентские системы в Републиках Центральной Азии: на примере Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Киргизии // *Россия и мусульманский мир*. – 2009. – № 10. – С. 145–154.
- Зазнаев О.И.* Конституционные поправки как фактор укрепления президентской власти в постсоветских странах // *Духовная сфера общества*. – 2012. – № 9. – С. 88–91.
- Зорин М.А., Кузьмин А.С.* Политологические миражи и социологическая действительность: Украина 2000–2006: сети повседневности, неустойчивые неформальные институты и «цветные революции» // *Полития*. – 2006. – № 1. – С. 51–65. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2006-40-1-51-65>
- Иванов Е.А., Исаев Л.М.* О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности в странах Центральной Азии // *Полис. Политические исследования*. – 2019. – № 2. – С. 59–78. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.05>
- Капустин Б.Г.* Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // *Полис. Политические исследования*. – 2001. – № 4. – С. 6–26.

- Карпович О.Г., Манойло А.В.* Цветные революции: теория и практика демонтажа современных политических режимов. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 111 с.
- Клямкин И.М.* Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 6–24.
- Кувалдин В.Б.* Президентская и парламентская республики как формы демократического транзита: российский и украинский опыт в мировом контексте // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 5. – С. 134–138.
- Макаренко Б.И.* Двадцать семь лет спустя: есть ли посткоммунистические государства? // Полития. – 2019. – № 1. – С. 97–113. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-92-1-97-113>
- Макаренко Б.И., Мельвиль А.Ю.* Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Политическая наука. – 2014. – № 3. – С. 9–39.
- Манойло А.В.* Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 1–19.
- Маркедонов С.М.* Постсоветское пространство: прощание с дефиницией? // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. – М.: РСМД, 2017. – С. 374–381.
- Медушевский А.Н.* Тенденции постсоветских политических режимов в свете новейшей волны конституционных поправок // Общественные науки и современность. – 2018. – № 2. – С. 49–66.
- Мелешикина Е.Ю.* «Воронка причинности» в электоральных исследованиях // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 5. – С. 47–53.
- Мельвиль А.Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 6–38.
- Мельвиль А.Ю.* Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры и агента» в анализе демократических транзитов // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 5. – С. 54–59.
- Мельвиль А.Ю.* Задержавшиеся и/или несостоявшиеся демократизации: почему и как? // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 73–76.
- Мельвиль А.Ю.* Зачем «Царю горы» хорошие институты? // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 151–169.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г.* «Царь горы», или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 2. – С. 125–142.
- Мельвиль А.Ю.* Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований / Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 22–43. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03>
- Мельвиль А.Ю.* Пять несбывшихся надежд: политические и теоретические ожидания «эпохи – 1989» // Демонтаж коммунизма: тридцать лет спустя. М.: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 66–92.
- Нисневич Ю.А.* Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 1. – С. 100–111.

- Нисневич Ю.А., Рябов А.В.* Постсоветский авторитаризм // *Общественные науки и современность*. – 2017. – № 4. – С. 84–97.
- Новые демократии и/или новые автократии? Материалы круглого стола // *Полис. Политические исследования*. – 2004. – № 1. – С. 169–177.
- Панов П.В.* Трансформации политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ // *Полис. Политические исследования*. – 2002. – № 6. – С. 58–70.
- Панов П.В., Сулимов К.А.* Преемничество как способ воспроизводства власти: проблемы концептуализации // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*. – 2011. – № 4. – С. 31–42.
- Панов П.В., Сулимов К.А.* Смена лидера и пределы персоналистского президентализма: перспективы варианта «преемник» в странах Закавказья и Центральной Азии // *Политическая наука*. – 2014. – № 1. – С. 134–158.
- Пастухов В.Б.* Конец посткоммунизма // *Полис. Политические исследования*. – 1997. – № 4. – С. 33–43.
- Петухов В.В.* Демократизация российского общества: возможна ли вторая попытка? // *Полис. Политические исследования*. – 1997. – № 5. – С. 8–23. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.02>
- Пивоваров Ю.С.* Русская власть и публичная политика: заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // *Полис. Политические исследования*. – 2006. – № 1. – С. 12–32.
- Пивоваров Ю.С.* «...И в развалинах век» // *Полис. Политические исследования*. – 2011. – № 6. – С. 52–77.
- Пивоваров Ю.С.* О «советском» и путях его преодоления (статья вторая). Что делать? // *Полис. Политические исследования*. – 2014. – № 2. – С. 31–60.
- Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.
- Полохало В.* Политология посткоммунистических обществ в Украине и России: к методологии политического анализа // *Полис. Политические исследования*. – 1998. – № 3. – С. 7–15.
- Поляков Л.В.* Электоральный авторитаризм и российский случай // *Полития*. – 2015. – № 2. – С. 6–20. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-77-2-6-20>
- Постсоветские государства: 25 лет независимого развития: в 2 т. М.: ИМЭМО РАН, 2017.
- Розов Н.С.* Динамика гибридных режимов и устойчивость / хрупкость неототалитаризма // *Полития*. – 2018. – № 1. – С. 30–46. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-88-1-30-46>
- Розов Н.С.* Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // *Полис. Политические исследования*. – 2016. – № 1. – С. 139–156. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.10>
- Саква Р.* Дуалистичное государство в России: параконституционализм и парapolитика // *Полис. Политические исследования*. – 2010. – № 1. – С. 8–26.
- СССР после распада / под ред. *О.Л. Марганя*. – СПб.: Экономическая школа ГУ ВШЭ, 2007. – 542 с.

- Токарев А.А.* Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 106–117. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.08>
- Труевцев К.М.* «Цветные революции» и террористическая угроза в Центральной Азии // Полития. – 2005. – № 2. – С. 5–21. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2005-37-2-5-21>
- Фельдман Д.М.* Политическое взаимодействие элит стран СНГ // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 4. – С. 89–98.
- Фисун А.А.* К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 158–187.
- Хантингтон С.* Третья волна: демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
- Харитонова О.Г.* Постсоветские конституции: только ли институты имеют значение? // Политическая наука. – 2014 а. – № 1. – С. 69–93.
- Харитонова О.Г.* Цветные революции в контексте теорий демократизации // Политическая наука. – 2014 б. – № 3. – С. 184–210.
- Швырков А.И.* Украина: закономерности распада // Полития. – 2014. – № 2. – С. 34–47. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-73-2-34-47>
- Шевцова Л.Ф.* Дилеммы посткоммунистического общества // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 80–91.
- Шевцова Л.Ф.* Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. – 2004. – № 3. – С. 36–55.
- Шкель С.Н.* Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки // PolitBook. – 2013. – № 4. – С. 120–139.
- Шкель С.Н.* Постсоветские политические трансформации в отражении современной политической мысли // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014 а. – № 6–2. – С. 287–291.
- Шкель С.Н.* Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, 2014 б. – 349 с.
- Шкель С.Н.* Режимная динамика постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2015. – № 1. – С. 5–23.
- Шкель С.Н.* Неопатримониальные практики и устойчивость авторитарных режимов Евразии // Полития. – 2016. – № 4. – С. 94–107. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-83-4-94-107>
- Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. – М.: РСМД, 2017. – 384 с.

С.В. РАСТОРГУЕВ, Р.В. ПАРМА*

**ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ:
АКТУАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА ИССЛЕДОВАНИЙ
В ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛАХ
ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ НАУКАМ¹**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос актуальности тематики политических исследований в профильных научных журналах. Дискурс научных статей ограничен временными лагами на проведение исследований и подготовку, рецензирование и редактирование публикаций, очередностью портфеля рукописей и выходом тематических номеров. Однако редакции журналов по политическим наукам находятся также под давлением соответствия времени, актуальности исследований, грантовой и читательской конъюнктуры. Предметом анализа были избраны темы статей первых десяти политологических журналов, лидирующих в рейтинге Science Index российских научных изданий. В ходе исследования был проанализирован общий массив из 787 статей, опубликованных с января 2022 до мая 2023 г. Маркерами исследовательской конъюнктуры стали экстраординарные события 2022 г., связанные с проведением Россией СВО на Украине, введением со стороны стран «коллективного Запада» бес-

* **Расторгуев Сергей Викторович**, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, профессор Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: SRastorguev@fa.ru; **Парма Роман Васильевич**, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: rvparma@fa.ru

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

прецедентных санкций и переустройством мирового порядка. Результаты исследования выявили незначительную долю статей по обозначенной тематике в аспекте международных отношений, геополитики, внутренней политики и санкционного давления. Актуальные темы СВО и санкций были в той или иной степени затронуты в 53 статьях (6,7%). Авторами абсолютного большинства публикаций оказались представители МИМО МИД России, ИМЭМО РАН, Института Европы РАН, НИУ ВШЭ и ИНИОН РАН, которые подтверждают статус ведущих исследовательских центров по политической тематике. При этом значимая доля статей по актуальной теме вышла при грантовой поддержке. Содержательное наполнение номеров ведущих научных журналов объясняется как длинными технологическими циклами отбора статей и формирования номеров, так и устоявшейся редакционной политикой.

Ключевые слова: политические исследования; научная повестка; дискурс исследований; СВО на Украине; режим санкций; мировой порядок.

Для цитирования: Расторгуев С.В., Парма Р.В. Отражение современной политики: актуальная повестка исследований в ведущих российских журналах по политическим наукам // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 56–80. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.02>

Аспекты исследования. Ряд исследователей полагают, что избирательность редакций научных журналов при отборе статей для публикации обусловлена, прежде всего, стремлением к росту рейтинга, который определяет качественный и символический статус издания в профессиональном сообществе [De Marchi, Lorenzetti, 2016]. Анализ подтверждает значимую корреляцию между цитируемостью статей и престижем публикующего журнала. Причем в большей степени от публикации статей в высокорейтинговых журналах выигрывают авторитетные часто цитируемые авторы [Abramo, D'Angelo, Di Costa, 2023]. В мировой практике научные журналы, имеющие высокий рейтинг, удерживают позиции благодаря отбору качественных публикаций посредством рецензирования. Политологические журналы подразделяются на политематические и узкотематические. Ведущие политологические журналы стремятся поддержать авторитет в условиях конкуренции между множеством качественных изданий [Зарубежные научные журналы..., 2021].

Рейтинги российских журналов по политическим наукам свидетельствуют о качестве публикуемых статей и цитирования с учетом особенностей области исследований [Авдонин, Мелешкина, 2019]. Институционализация политических исследований находит проявление как в увеличении количества профильных журналов, так и в использовании для их оценки наукометрических показателей. В содержании научных журналов отмечается изменение фокуса тематики,

расширение предметных полей и использование междисциплинарности в политических исследованиях [Авдонин, Мелешкина, 2020]. В российских журналах преобладает внутренняя политическая повестка, отражающая общественные трансформации, развитие процессов и институтов, а также противоречивые тенденции и проблемы [Ядова, 2021].

В 2022–2023 гг. политическая, экономическая, культурная, социальная сферы российского общества в большей или меньшей степени затронуты событиями, связанными со специальной военной операцией на Украине, санкционным давлением, противостоянием с коллективным Западом. Российские и зарубежные СМИ и СМК оперативно развивают, актуализируют данную повестку дня. Политологическое сообщество, наряду с экономистами, социологами, не может не перенастроить оптику исследований в ответ на вызовы времени. Цель представленной работы заключается в анализе первого этапа научного осмысления новой политической реальности, начавшейся после 24 февраля 2022 г.

Логика научного дискурса политологии и его репрезентации в научных журналах предполагает несколько ограничений, прежде всего, в форме временных лагов. Во-первых, методология качественного и количественного исследования, работа с источниками, литературой предполагает временные авторские затраты, которые формируют первый лаг. Во-вторых, редакционная политика предусматривает процедуры работы с рукописями, рецензирование, редактирование, что формирует второй временной лаг. В-третьих, высокорейтинговые научные журналы имеют портфель рукописей, одобренных к первоочередной публикации, что формирует третий временной лаг. В-четвертых, следование политике издания тематических номеров ограничивает возможность оперативно переключиться на иные объекты исследования, синхронизируясь с третьим временным лагом. В-пятых, сама сфера научных интересов авторов может оказаться не связанной с исследованием научных объектов, подверженных влиянию СВО и санкций (например, политическая философия, методология, зарубежная регионалистика и др.). Однако, несмотря на указанные ограничения с течением времени количество статей по интересующей нас тематике должно возрасти как в силу преодоления временных лагов, так и формирования нового контекста внутрироссийских и международных политических процессов.

Для выявления динамики перенастройки исследовательской оптики проанализированы публикации 2022–2023 гг. в десяти высоко-рейтинговых журналах по направлению политические науки в российской системе Science Index. Методика рейтингования научных журналов построена на основе показателей цитирования публикаций из ядра РИНЦ, которое включает издания, индексируемые в системах WoS, Scopus и RSCI. Для расчета рейтинга научных журналов Science Index используются интегральные библиометрические показатели по ядру РИНЦ: среднее цитирование (импакт-фактор) за прошедшие пять лет, индекс Хирша статей за последние 10 лет, индекс Хирша авторов статей за последние три года, средняя длина текста статей за последние три года. В следующей таблице представлена краткая характеристика ведущих журнала в области политических наук.

Таблица 1

**Рейтинг Science Index по тематике «Политика.
Политические науки»¹**

№	Название журнала, системы индексации, показатель Science Index, (процентиль)	Позиционирование журнала, периодичность выпуска
1	2	3
1.	Полис. Политические исследования WOS, Scopus, RSCI, BAK, 10,819 (1%)	Главный российский научный и просветительский журнал в области политических наук, интегрирующий в мировую политологию. Журнал призван консолидировать и структурировать российское сообщество политологов, выступая важным элементом политологического образования в стране. Содержание журнала направлено на обсуждение теории и методологии политической науки, изучение политических процессов в России и мире. Выходит 6 номеров в год.
2.	Мировая экономика и международные отношения WOS, Scopus, RSCI, BAK, Science Index 9,447 (3%)	Ведущее научное издание по актуальным теоретическим и практическим проблемам мировой политики, международных отношений, глобальной безопасности. Выходит 12 номеров в год.
3.	Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика WOS, Scopus, RSCI, BAK, Science Index 8,080 (7%)	Журнал ориентирован на российские и зарубежные исследования в сфере глобального управления и международного сотрудничества. В центре внимания журнала рассмотрение деятельности международных институтов и интеграционных объединений. Выходит 4 номера в год.

¹ Источник: <https://www.elibrary.ru/>

Продолжение таблицы 1

1	2	3
4.	Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право RSCI, BAK, Science Index 8,038 (7%)	Журнал посвящен актуальным проблемам политических наук, мировой политики, международных отношений, экономики и права, объединения представителей экспертного сообщества, научных направлений и школ. Выходит 6 номеров в год.
5.	Современная Европа WOS, Scopus, RSCI, BAK, Science Index 7,342 (10%)	Академический журнал посвящен общественно-политическим исследованиям, рассматривает вопросы политики, экономики и культуры стран современной Европы. Выходит 7 номеров в год.
6.	Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики) WOS, RSCI, BAK, Science Index 7,329 (10%)	Журнал представляет результаты исследований в области политических наук, в частности, политической философии и социологии политики. В центре внимания редакции рассмотрение развития политий, темы, связанные с политическими партиями, политическое преломление изменений социальных и экономических процессов, внешняя политика. Журнал призван стать площадкой для дискуссий и диалога теоретиков и экспертов в области политической науки. Выходит 4 номера в год.
7.	Политическая наука RSCI, BAK, Science Index 7,259 (11%)	Ведущее российское издание по политологии, которое сосредоточено на публикации научных статей методологического информационно-аналитического характера. Выходит 4 номера в год.
8.	Социология власти RSCI, BAK, Science Index 7,208 (11%)	В журнале выходят тематические номера, акцентируется внимание на теоретических дискуссиях и актуальных эмпирических исследований. Выходит 4 номера в год.
9.	Вестник МГИМО Университета WOS, Scopus, RSCI, BAK, Science Index 7,201 (11%)	Журнал ориентирован на развитие научной дискуссии по вопросам мировой политики и политической экономии в рамках российской школы международных отношений, продвигающей ценности плюрализма культур, цивилизаций и идентичностей. Редакция акцентирует внимание на истории международных отношений, прикладном изучении международных проблем, мировом комплексном регионоведении, а также глобальном и региональном управлении. Выходит 6 номеров в год.
10.	Международные процессы Scopus, RSCI, BAK, Science Index 6,973 (12%)	Научный журнал сосредоточен на изучении теории международных отношений для осмысления изменений мирового порядка, международных отношений и глобальной среды. Выходит 4 номера в год.

Методика исследования. Предметное содержание построено на контент-анализе названий статей, аннотаций, ключевых слов в публикациях десяти журналов за 2022–2023 гг. Публикационная активность текущего 2023 г. исследована по состоянию на 1 июня. В выборку попали 787 статей, которые изучены на предмет наличия маркеров новой повестки дня – «специальная военная операция», «СВО», «санкции» (в контексте санкций после 24 февраля 2022 г.) – и словосочетаний с названием страны «украинский» (в контексте событий после 24 февраля 2022 г.). Данная методика анализа не учитывает упоминание слов-маркеров внутри текстов, которые не вынесли маркеры в заглавие статей, аннотацию, ключевые слова, а также использование альтернативных смысловых конструкций, которые могут интерпретироваться неоднозначно (например, геополитическая напряженность, турбулентность и др.). Предполагается, что невключение слов-маркеров в метаданные является осознанным выбором авторов, не готовых представить результаты научной деятельности с учетом новых контекстов.

Авторы проанализировали тематику статей, в метаданных которых присутствуют слова-маркеры, аффилиацию авторов и при наличии информации дату поступления статьи в редакцию, грантовую поддержку публикации. Это позволяет выявить объекты и предметы научного исследования, изучаемые в интересующем нас контексте, принадлежность авторов к вузам и аналитическим центрам, скорость прохождения статей от момента получения до публикации, источники финансирования работы. Отраженные в табличной форме публикации расположены в порядке опубликования в номерах журналов.

Результаты исследования. В общей сумме были проанализированы 787 статей в первых десяти политологических научных журналах России рейтинге Science Index за 2022–2023 гг. Совокупность статей была сформирована исходя из опубликованных номеров журнала до 1 июня 2023 г. Далее избранные тематические маркеры исследования отмечаются в соответствии с занимаемой позицией журнала в рейтинге.

В девяти номерах журнала «Полис. Политические исследования» за 2022–2023 гг. опубликовано 103 статьи. Из них четыре обращаются к тематике СВО и санкций (3,9%), первые статьи по данной тематике были опубликованы в четвертом номере 2022 г., они поступили в редакцию в марте-апреле 2022 г. Статья академика РАН А.Г. Арбатова «Украинский кризис и стратегическая стабиль-

ность» может рассматриваться как первое концептуальное осмысление изучаемых событий в российском научном дискурсе.

Таблица 2

Избранные публикации в журнале «Полис. Политические исследования»¹

Тематика статьи	Слова-маркеры	Аффилиация автора	Грантовая поддержка	Дата поступления
Украинский кризис и стратегическая стабильность [Арбатов, 2022]	– СВО на Украине; украинский конфликт; – возвращение к холодной войне; – украинская трагедия; – украинская проблема	ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН	–	12.03.2022
Российское высшее образование в условиях санкций [Виньо, Байков, Калюжнова, 2022]	– вооруженный конфликт 2022 г. на Украине; – западные санкции	МГИМО МИД России, Центр евроазиатских исследований Бизнес-школы Хенли, Рединг, Великобритания	–	15.04.2022
Политика санкций в меняющемся мире [Тимофеев, 2023]	– усиление санкционного давления на страну после февраля 2022 г.	МГИМО МИД России	–	31.10. 2022
Израильско-украинские отношения [Крылов, Федорченко, 2023]	– конфронтация киевского режима с Россией; – русофобская позиция стран НАТО; – СВО	МГИМО МИД России	грант Института международных исследований МГИМО	28.10.2022

В 18 номерах журнала «Мировая экономики и международные отношения» за 2022–2023 гг. опубликовано 213 статей. Из них 12 связаны с тематикой СВО и санкциями (5,6%), первая статья по данной тематике была опубликована в шестом номере 2022 г., она поступила в редакцию в начале марта 2022 г. СВО и санкции рассматриваются как факторы, влияющие на отношения России с недружественными и нейтральными странами, экономическую политику России.

¹ Источник: составлено авторами.

Таблица 3

**Избранные публикации в журнале
«Мировая экономика и международные отношения»¹**

Тематика статьи	Слова-маркеры	Аффилиация автора	Грантовая поддержка	Дата поступления
1	2	3	4	5
Политика канцлера О. Шольца [Васильев, 2022]	– СВО	ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН	Грант Минобрнауки	06.03.2022
Публичная дипломатия США как инструмент «политической войны» [Артамонова, 2022]	– СВО на Украине	ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН		01.06.2022
Российско-швейцарские отношения [Чернявский, 2022]	– прокси-война блока НАТО на территории Украины; – антироссийские санкции	МГИМО МИД России		12.09.2022.
Российско-японские отношения [Киреева, 2022]	– украинский кризис; – санкции против России	МГИМО МИД России	Финансовая поддержка МГИМО МИД России	17.05.2022
Российская «матрица безопасности» в Сирии [Матвеев, 2023]	– украинский кризис	Институт востоковедения РАН	–	05.09.2022
Потенциал развития экспорта российской и казахстанской агропродукции в Китай [Карлова, Паюрова, 2023]	– санкционные ограничения; – переориентация с недружественных стран	НИУ ВШЭ	–	11.10.2022
Россия и Западные Балканы [Станоевич, 2023]	– конфликт на Украине; – недружественные государства	Институт международной политики и экономики, Республика Сербия	В рамках проекта Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия	03.10.2022
Перспективы интернационализации рубля [Поливач, 2023]	– беспрецедентные санкции против России	ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН		17.01.2023

¹ Источник: составлено авторами.

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
Российская политика поворота на Восток [Торкунов, Стрельцов, 2023]	– СВО; – западные санкции	МГИМО МИД России	грант РНФ	17.12.2022.
«Отмена» России: последствия для культурной дипломатии [Артамонова, Рустамова, 2023]	– СВО России на Украине	ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, МГИМО МИД России	грант МГИМО МИД РФ	22.11.2022
Энергетические инициативы Шанхайской организации сотрудничества. [Серегина, 2023]	– санкционное давление	Дипломатическая академия МИД России	–	09.01.2023
Национальная система платежных карт [Хетагуров, Гаглоева, 2023]	– санкционное давление	ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт; Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова	–	07.10.2022

В пяти номерах журнала «Вестник международных организаций» за 2022–2023 гг. опубликовано 34 статьи. Из них три связаны с тематикой СВО (8,8%), первая статья по данной тематике была опубликована в последнем выпуске 2022 г., она поступила в редакцию в июле 2022 г. В указанных статьях СВО рассматривается как контекст в деятельности международных организаций.

Таблица 4

Избранные публикации в журнале «Вестник международных организаций»¹

Тематика статьи	Слова-маркеры	Аффилиация автора	Грантовая поддержка	Дата поступления
Деятельность НАТО и ШОС [Фань, Кондакова, 2022]	– СВО; – политика НАТО как причина вооруженного конфликта на Украине	НИУ ВШЭ	–	12.07.2022
«Группа двадцати» в 2022 г. [Ларионова, 2023]	– СВО на Украине	РАНХиГС	в рамках НИР госзадания РАНХиГС	23.12.2022
Многовекторность во внешней политике Республики Казахстан [Юнеман, 2023]	– СВО на Украине	НИУ ВШЭ		12.11.2022

¹ Источник: составлено авторами.

В четырех номерах журнала «Контуры глобальных трансформаций» за 2022 г. опубликовано 54 статьи (в 2023 г. номера на начало июня не были опубликованы). Из них две связаны с тематикой СВО и санкциями (3,7%), первая статья по данной тематике была опубликована во втором выпуске 2022 г., она поступила в редакцию в марте 2022 г. Статьи упоминают СВО как фактор политических процессов на Ближнем Востоке и в Африке.

Таблица 5

Избранные публикации в журнале «Контуры глобальных трансформаций»¹

Тематика статьи	Слова-маркеры	Аффилиация автора	Грантовая поддержка	Дата поступления
«Исламское пробуждение» на Ближнем Востоке [Останин-Головня, 2022]	– украинский кризис	ИНИОН РАН	–	26.03.2022
Отношения России со странами Африки в свете специальной военной операции на Украине [Ефременко, 2022]	– санкционное давление Запада; – ЧВК Вагнера.	ИНИОН РАН	–	28.11.2022

В девяти номерах журнала «Современная Европа» за 2022–2023 гг. опубликовано 133 статьи. Из них 17 связаны с тематикой СВО и санкций (12,8%), первая статья по данной тематике была опубликована в третьем номере 2022 г., она поступила в редакцию в конце февраля 2022 г. В представленных статьях СВО и санкции проанализированы как факторы отношений России со странами Европы, как вызовы для внутренней и внешней политики европейских стран.

Таблица 6

Избранные публикации в журнале «Современная Европа»²

Тематика статьи	Слова-маркеры	Аффилиация автора	Грантовая поддержка	Дата поступления
1	2	3	4	5
Немецкий бизнес на российском рынке [Котов, 2022]	– начало СВО	Институт Европы РАН	–	28.02.2022

¹ Источник: составлено авторами.

² Источник: составлено авторами.

Продолжение таблицы 6

1	2	2	4	5
Отношения России и Германии в энергетике [Белов, 2022]	– СВО РФ на территории Украины; – масштабные хозяйственно-политические санкции; – лишение собственности «Газпрома» и «Роснефти»	Институт Европы РАН	–	17.04.2022
Политика санкций Британии [Тимофеев, 2022]	– санкции в отношении России	МГИМО МИД России	–	16.03.2022
Арктический туризм [Тимошенко, 2022]	– СВО на Украине	Институт Европы РАН	–	19.03.2022
Изменение международной роли Польши после начала российской спецоперации на Украине [Михалев, 2022]	– российская СВО на Украине	Воронежский государственный университет	–	22.04.2022
Антироссийские санкции (ограничительные меры) ЕС [Войников, 2022]	– усиление санкций в 2022 г.; – цель санкций – в наказании России, причинении ущерба	МГИМО МИД РФ, Федеральный университет им. И. Канта	–	12.06.2022
Шпицберген: прошлое, настоящее и будущее [Журавель, Тимошенко, 2022]	– санкции Евросоюза; – СВО	Институт Европы РАН	–	07.07.2022
Вишеградские страны на фоне российско-украинского конфликта [Шишелина, 2022]	– военный конфликт на Украине; – страхи после начала СВО; – углубление разрыва в отношениях с Россией	Институт Европы РАН	–	11.06.2022
Китайско-чешские отношения [Ведерников, 2022]	– СВО на Украине	Институт Европы РАН	–	17.05.2022
Гуманитарная политика Норвегии [Скрипка, 2022]	– гуманитарная и военная помощь Украине	Институт Европы РАН	–	11.06.2022
Политика Германии в отношении украинских беженцев [Хорольская, 2022]	– приток беженцев из Украины	ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН	–	12.08.2022

Продолжение таблицы 6

Венгрия и Польша: новый этап противостояния с Брюсселем [Русаква, 2022]	– события на Украине	Институт Европы РАН	–	16.09.2022
Военно-стратегический баланс в Европе и ограниченное применение ядерного оружия [Богданов, 2022]	– обострение отношений России и НАТО	ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН	Грант Минобрнауки	09.09.2022
Российско-британские отношения [Годованюк, 2022]	– Украина; – прокси-война	Институт Европы РАН	–	15.09.2022
Перспективы деятельности ОДКБ [Корнев, 2023]	– СВО РФ на Украине	Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского	–	13.08.2022
Российско-украинский конфликт и положение Украинской православной церкви. [Мудров, 2023]	– СВО на территории Украины; – помощь УПЦ ВСУ; – боевые действия	Полоцкий государственный университет	–	11.09.2022
Денежная система России в современных условиях [Дубянский, 2023]	– политические и экономические санкции	Санкт-Петербургский государственный университет	–	11.11.2022

В пяти номерах журнала «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» насчитывается 45 статей, из них одна касается тематики СВО (2,2%). Она опубликована в первом номере 2023 г., в контексте анализа политики германской партии «зеленых».

Таблица 7

Избранные публикации в журнале «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»¹

Тематика статьи	Слова-маркеры	Аффилиация автора	Грантовая поддержка	Дата поступления
Программа партии «зеленых» в Германии [Ровинская, 2023]	– поставки оружия на Украину; – ужесточение санкций	ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова РАН	–	Нет данных

В шести номерах журнала «Политическая наука» за 2022–2023 гг. опубликовано 77 статей. Из них три связаны с тематикой

¹ Источник: составлено авторами.

СВО и санкциями (3,9%), они все были опубликованы во втором номере 2023 г. Наряду с этими статьями еще в пяти статьях номера в тексте публикаций имеются отсылки к изучаемым событиям, но они не вынесены в заглавия, аннотации, ключевые слова. Это может свидетельствовать о неготовности авторов четко сформулировать проблематику СВО и санкций в качестве объекта анализа или контекста процессов.

Таблица 8

Избранные публикации в журнале «Политическая наука»¹

Тематика статьи	Слова-маркеры	Аффилиация автора	Грантовая поддержка	Дата поступления
Российские идентичность и политика памяти [Ефременко, 2023]	– многофакторная конфронтация с коллективным Западом; – политическое использование прошлого в условиях СВО	ИНИОН РАН	Финансирование Минобрнауки	Нет данных
Выступления Президента В.В. Путина по историческим вопросам в 2019–2022 гг. [Миллер, 2023]	– требование от Вашингтона письменных гарантий по Украине	Европейский университет в Санкт-Петербурге	Финансирование Минобрнауки	Нет данных
Политическое использование памяти о нацистских преступлениях в современной России [Пахалюк, 2023]	– конфликт с Украиной с 2014 г.	ИНИОН РАН	Финансирование Минобрнауки	Нет данных

В четырех номерах журнала «Социология власти» за 2022 г. было опубликовано 23 статьи, никак не связанных с тематикой СВО и санкций.

В восьми номерах журнала «Вестник МГИМО» за 2022–2023 гг. опубликовано 76 статей. Из них 10 связаны с тематикой СВО и санкций (13%), первая статья по данной тематике была опубликована в последнем выпуске 2022 г., а самая ранняя статья поступила в конце сентября 2022 г. Основные публикации пришлись на тематический номер, посвященный российско-индийским отношениям, причем четыре написаны авторами из Индии.

¹ Источник: составлено авторами.

Таблица 9

Избранные публикации в журнале «Вестник МГИМО»¹

Тематика статьи	Слова-маркеры	Аффилиация автора	Грантовая поддержка	Дата поступления
Исторические корни современного украинского кризиса [Артизов, 2022]	– истоки современного украинского кризиса	Федеральное архивное агентство	–	10.12.2022
Глобальная экономическая война [Лебедев, 2022]	– СВО; – цель антироссийских санкций – экономическое ослабление, дестабилизация ситуации в стране; – санкции как экономическая война	МИД РФ	–	25.09.2022
Отношения Индии с Россией [Капур, 2023]	– ухудшение отношений России с Западом	НИУ ВШЭ	–	20.12.2022
Индия и Россия в международных организациях [Шарма, Атри, 2023]	– коридор «Север – Юг» для борьбы с санкциями.	Делийская школа транснациональных отношений	–	20.12.2022
Российско-китайские отношения [Луконин, 2023]	– кризис между Россией и Западными странами; – антироссийские санкции; – избегание вторичных санкций	ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова	–	20.12.2022
Восприятие Китаем России [Кондапалли, 2023]	– СВО России на Украине; – конфликт на Украине	Университет имени Джавахарлала Неру	–	20.12.2022
Военно-техническое сотрудничество России и Индии [Кашин, 2023]	– вооруженный конфликт на Украине	МГИМО МИД, России НИУ ВШЭ	–	20.12.2022
Индийско-российское партнерство в оборонной сфере [Рой, 2023]	– конфликт на Украине	Институт оборонных исследований и анализа	–	20.12.2022
Российско-индийское экономическое сотрудничество [Мукхопадхьяй, 2023]	– СВО на Украине	Исследовательский фонд Observer	–	20.12.2022
Транспортный коридор «Север–Юг» [Захаров, 2023]	– санкционные риски морских перевозок	НИУ ВШЭ	–	20.12.2022

¹ Источник: составлено авторами.

В четырех номерах журнала «Международные процессы» за 2022 г. опубликовано 29 статей (в 2023 г. номера журнала на начало июня не выходили). Из них только одна отсылает к исследуемой тематике (3,5%), она появилась в последнем выпуске 2022 г. и поступила в редакцию в декабре 2022 г.

Таблица 10

Избранные публикации в журнале «Международные процессы»¹

Тематика статьи	Слова-маркеры	Аффилиация автора	Грантовая поддержка	Дата поступления
Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века? [Шаклеина, 2022]	– украинский кризис как продукт социальной инженерии Запада	МГИМО МИД РФ	–	13.12.2022

Результаты исследования

1. Таким образом, из общего массива 787 публикаций за 2022–2023 гг. в десяти ведущих журналах России по политическим наукам актуальная тема СВО и санкций была в той или иной степени затронута в 53 статьях (6,7%). Интересующая нас тематика обозначалась, прежде всего, в публикациях, посвященных международным отношениям России с зарубежными странами, а также внешней и внутренней политики зарубежных стран. Третьи и четвертые позиции делят публикации о новом идеологическом, геополитическом положении России и о влиянии санкций на российскую экономику.

2. Основная масса публикаций по интересующей теме началась в конце 2022 – начале 2023 г. Первые публикации появились в июне 2022 г. и были присланы в редакцию в марте 2022 г. Первенство по оперативности отправки статьи в редакцию принадлежит публикации в журнале «Современная Европа», статья в доработанном виде была принята 28 февраля 2022 г. Всего в 2022 г. выявлено 26 публикаций по тематике, за первые пять месяцев 2023 г. – 27 публикаций. Таким образом, второе полугодие 2022 г. фактически не отличается по публикационной активности от первого полу-

¹ Источник: составлено авторами.

годия 2023 г. (с учетом того факта, что два журнала не имели выпусков в 2023 г.).

3. Наибольшее число публикаций приходится на авторов, аффилированных с МГИМО МИД России – 11, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН – 9, Институтом Европы РАН – 9, НИУ ВШЭ – 6, ИНИОН РАН – 4. Таким образом на пять указанных учебно-научных организаций пришлось три четверти публикаций. Вероятно, на подобный результат оказало влияние приоритетное сотрудничество указанных структур с конкретными журналами, отражающими профиль авторских исследований.

4. Каждая пятая статья с отражением интересующей тематики (11 статей) была подготовлена в рамках грантовых исследований. Учитывая тот факт, что тематика грантов утверждалась до начала СВО, отражение актуального контекста в публикациях свидетельствует об оперативном отклике на изменившиеся условия.

S.V. Rastorguev, R.V. Parma *
**Reflection of modern politics:
current research agenda in leading Russian
political science journals¹**

Abstract. The article deals with the issue of relevance of the political research topics in specialized scientific journals. The discourse of scientific articles is limited by time lags for conducting research and preparing, reviewing, and editing publications, manuscript portfolio queues and the release of thematic issues. However, the editorial offices of political science journals are also under pressure of the time relevance, research relevance, grant, and reader conjuncture. The subject of the analysis was the topics of articles of the first ten political science journals leading in the Science Index rating of Russian scientific publications. The study analyzed a total array of 787 articles published from January 2022 to May 2023. The markers of the research conjuncture were the extraordinary events of 2022 related to Russia's conduct of its Special military operation in Ukraine, the introduction of unprecedented sanctions by the countries of the «collective West» and the restructuring of the world order. The results of the study

* **Rastorguev Sergey**, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: SRastorguev@fa.ru; **Parma Roman**, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: rvparma@fa.ru

¹ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University.

revealed a small proportion of articles on the designated topics in the aspect of international relations, geopolitics, domestic politics and sanctions pressure. The current topics of Special military operation and sanctions were touched upon to one degree or another in 53 articles (6.7%). The authors of the absolute majority of publications were representatives of the MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia, IMEMO RAS, the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, HSE and INION RAS, which confirm the status of leading research centers on political topics. At the same time, a significant share of articles on the relevant topic was published with grant support. The substantial content of the issues of leading scientific journals is explained both by the long technological cycles of selecting articles and forming issues, and by the established editorial policy.

Keywords: political research; scientific agenda; research discourse; Special military operation in Ukraine; sanctions regime; world order.

For citation: Rastorguev S.V., Parma R.V. Reflection of modern politics: current research agenda in leading Russian political science journals. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 56–80. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.02>

References

- Abramo G., D'Angelo C.A., Di Costa F. Correlating article citedness and journal impact: an empirical investigation by field on a large-scale dataset. *Scientometrics*. 2023, N 128, P. 1877–1894. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-022-04622-0>
- Arbatov A.G. The Ukrainian crisis and strategic stability. *Polis. Political studies*. 2022, N 4, P. 10–31. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.03> (In Russ.)
- Artamonova U.Z. History rhymes itself: U.S. public diplomacy as a tool for “political warfare”. *World economy and international relations*. 2022, Vol. 66, N 11, P. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-11-41-49> (In Russ.)
- Artamonova U.Z., Rustamova L.R. “canceling” Russia: implications for cultural diplomacy. *World economy and international relations*. 2023, Vol. 67, N 4, P. 123–131. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-123-131> (In Russ.)
- Artizov A.N. Historical origins of the current Ukrainian crisis. *MGIMO review of international relations*. 2022, N 15(6), P. 7–25. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-7-25> (In Russ.)
- Avdonin V.S., Meleshkina E. Yu. Political science in journals: analysis of tools and indicators in information systems. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 87–111. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.04> (In Russ.)
- Avdonin V.S., Meleshkina E. Yu. What do ratings say? Political science journals in the RSCI system. *Polis. Political studies*. 2019, N 4, P. 69–88. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.06> (In Russ.)
- Belov V.B. Paradigm change in the energy cooperation between Germany and Russia. *Contemporary Europe*. 2022, N 4, P. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322040015> (In Russ.)
- Bogdanov K.V. The military-strategic balance in Europe and limited nuclear options. *Contemporary Europe*. 2022, N 7, P. 149–161. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322070129> (In Russ.)

- Chernyavskiy S.I. Russian Swiss relations: a sanction trap. *World economy and international relations*. 2022, Vol. 66, N 12, P. 80–88. (In Russ.)
- Crowley-Vigneau A., Baykov A.A., Kalyuzhnova Y. Russian higher education under sanctions: a constructivist perspective. *Polis. Political studies*. 2022, N 4, P. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.05> (In Russ.)
- De Marchi M., Lorenzetti E. Measuring the impact of scholarly journals in the humanities field. *Scientometrics*. 2016, N 106, P. 253–261. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-015-1787-z>
- Demchuk A.L., Kapistyn V.M., Abramov A.V., Dashkina I.V. Foreign academic journals of political sciences: a general review. *Bulletin of Moscow University. Episode 12: Political Science*. 2021, N 5, P. 88–128. (In Russ.)
- Dubyanskiy A.N. Reforming the Russian monetary system in modern conditions. *Contemporary Europe*. 2023, N 2, P. 131–141. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708323020109> (In Russ.)
- Efremenko D.V. Russia's relations with African Countries in the light of the special military operation in Ukraine. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2022, Vol. 15, N 4, P. 60–78. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/kgf/2022.04.04> (In Russ.)
- Efremenko D.V. Gaining certainty in our own past. Russian identity and politics of memory at a new historical fork. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 15–45. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.01> (In Russ.)
- Fan X., Kondakova K. NATO and the SCO: their conceptual foundations and implementation in the work of organizations. *International organisations research journal*. 2022, Vol. 17, N 4, P. 124–147 DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-04-05> (In Russ.)
- Godovanyuk K.A. The riddle of Russia-UK relations: systemic contradictions and national interests. *Contemporary Europe*. 2022, N 7, P. 185–197. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322070154> (In Russ.)
- Kapoor N. Multi-alignment under “Uneven Multipolarity”: India's relations with Russia in an evolving world order. *MGIMO Review of International Relations*. 2023, N 16 (2), P. 15–32. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-15-32> (In Russ.)
- Karlova N.A., Payurova E.N. development potential of Russian and Kazakh agricultural exports to China. *World economy and international relations*. 2023, Vol. 67, N 2, P. 17–29. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-67-2023-2-17-29> (In Russ.)
- Kashin V. The changing contours of Russia-India defense engagement. *MGIMO Review of International Relations*. 2023, N 16 (2), P. 104–119. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-104-119> (In Russ.)
- Khetagurov G., Gagloeva E. National system of payment cards as an instrument of Russia's security under sanctions. *World economy and international relations*. 2023, Vol. 67, N 6, P. 124–130. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-6-124-130> (In Russ.)
- Khorolskaya M.V. German policy towards Ukrainian refugees. *Contemporary Europe*. 2022, N 7, P. 57–69. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322070051> (In Russ.)

- Kireeva A.A. Russia-Japan relations in crisis: what are the reasons? *World economy and international relations*. 2022, Vol. 66, N 12, P. 108–119. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-108-119>. (In Russ.)
- Kondapalli S. China's perceptions of Russia during the Ukraine conflict. *MGIMO Review of International Relations*. 2023, N 16 (2), P. 87–103. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-87-103> (In Russ.)
- Korenev E.S. The prospects for CSTO activities after the end of the peacekeeping operation in Kazakhstan. *Contemporary Europe*. 2023, N 1, P. 139–150. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708323010114> (In Russ.)
- Kotov A.V. Current challenges for German business in the Russian market. *Contemporary Europe*. 2022, N 3, P. 104–116. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322030081> (In Russ.)
- Krylov A.V., Fedorchenko A.V. Israeli-Ukrainian relations in the context of the new geopolitical situation. *Polis. Political studies*. 2023, N 3, P. 86–97. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.07> (In Russ.)
- Larionova M., The G20 at a critical juncture. Indonesia's 2022 presidency: internal and external shocks, risks of power rebalancing and eventual demise, causes of resilience and re-equilibrium. *International organisations research journal*. 2023, Vol. 18, N 1, P. 33–74. DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-01-02> (In Russ.)
- Lebedev A.S. Anti-Russian sanctions in global economic warfare. *MGIMO Review of International Relations*. 2022, N 15 (6), P. 26–35. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-26-35> (In Russ.)
- Lukonin S. Russia-China relations: an asymmetrical partnership? *MGIMO Review of International Relations*. 2023, N 16 (2), P. 65–86. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86> (In Russ.)
- Matveev I.A. Russian “security matrix” in Syria. *World economy and international relations*. 2023, Vol. 67, N 1, P. 80–89. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-80-89> (In Russ.)
- Mikhalev O. Yu. Changes in the international role of Poland after the beginning of the Russian special operations in Ukraine. *Contemporary Europe*. 2022, N 5, P. 34–47. DOI: <http://www.doi.org/10.31857/S0201708322050035> (In Russ.)
- Miller A.I. President V.V. Putin's speeches on historical issues in 2019–2022: analysis of motives and addressees. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 46–64. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.02> (In Russ.)
- Mudrov S.A. The Russia-Ukraine conflict and the state of affairs for the Ukrainian Orthodox Church. *Contemporary Europe*. 2023, N 1, P. 163–172. DOI: <http://www.doi.org/10.31857/S0201708323010138> (In Russ.)
- Mukhopadhyay A. Indo-Russian economic engagement: legacy issues, dynamic shifts, and possibilities for the future. *MGIMO Review of International Relations*. 2023, N 16 (2), P. 142–158. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-142-158> (In Russ.)
- Ostanin-Golovnya V.D. Pivot to the Middle East: the factor of the “Islamic Awakening”. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2022, N 15(2), P. 209–221. DOI: <https://doi.org/10.31249/kgf/2022.02.11> (In Russ.)

- Pakhaliuk K.A. The transformation of the political use of the memory of Nazi crimes in contemporary Russia. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 65–93. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.03> (In Russ.)
- Polivach A. Prospects for the internationalization of the ruble in modern geopolitical conditions. *World economy and international relations*. 2023, Vol. 67, N 4, P. 64–74. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-64-74> (In Russ.)
- Rovinskaya T.L. “The greens” in Germany: political dilemmas and compromises. *Politeia*. 2023, N 1 (108), P. 182–203. DOI: <http://www.doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-182-203> (In Russ.)
- Roy R. India-Russia defense partnership: new challenges and future prospects. *MGIMO Review of International Relations*. 2023, N 16 (2), P. 120–141. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-120-141> (In Russ.)
- Rusakova M. Yu. Hungary and Poland: a new stage of confrontation with Brussels. *Contemporary Europe*. 2022, N 7, P. 82–91. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322070075> (In Russ.)
- Seregina A. Energy initiatives of the Shanghai Cooperation Organization. *World economy and international relations*. 2023, Vol. 67, N 6, P. 27–35. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-6-27-35> (In Russ.)
- Shakleina T. Turning point in global development. Will the West keep its predominant influence on world order in the 21 st century? *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. 2022, N 20 (4), P. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.2> (In Russ.)
- Sharma R., Atri G. India and Russia in international organizations: motives, strategies, and outcomes. *MGIMO Review of International Relations*. 2023, N 16 (2), P. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-49-64> (In Russ.)
- Shishelina L.N. Visegrad countries against the background of the Russian-Ukrainian conflict. *Contemporary Europe*. 2022, N 6, P. 67–81. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322060055> (In Russ.)
- Skripka I.R. Humanitarian policy of Norway. The cases of Afghanistan and Ukraine. *Contemporary Europe*. 2022, N 6, P. 194–206. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322060146> (In Russ.)
- Stanoevich N. Russia and the Western Balkans: Realized and lost opportunities in trade. *World economy and international relations*. 2023, Vol. 67, N 3, P. 33–43. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-3-33-43> (In Russ.)
- Timofeev I.N. Policy of sanctions in a changing world: theoretical reflection. *Polis. Political studies*. 2023, N 2, P. 103–119. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08> (In Russ.)
- Timofeev I.N. UK policy of sanctions: institutional design and the Russian track. *Contemporary Europe*. 2022, N 4, P. 22–36. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322040027> (In Russ.)
- Timoshenko D.S. A New vector of the arctic tourism and the EU and the US sanctions against Russia. *Contemporary Europe*. 2022, N 4, P. 50–56. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322040040> (In Russ.)
- Torkunov A., Streltsov D. Russian policy of turning to the East: problems and risks. *World economy and international relations*. 2023, Vol. 67, N 4, P. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16> (In Russ.)

- Vasiliev V.I. The chancellor O. Scholz's policy in the context of global transformation. *World economy and international relations*. 2022, Vol. 66, N 6, P. 62–78. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-62-78> (In Russ.)
- Vedernikov M.V. Dynamics of relations with China: value approach in the Czech foreign policy. *Contemporary Europe*. 2022, N 6, P. 82–97. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322060067> (In Russ.)
- Voynikov V.V. EU anti-Russian sanctions (restrictive measures): relationship with international law. *Contemporary Europe*. 2022, N 6, P. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322060018> (In Russ.)
- Yadova M.A. Current political agenda of Russian sociological journals. *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 287–309. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.13> (In Russ.)
- Yuneman R. How Kazakhstani Multivector Foreign policy works: analysis of its voting in UNGA. *International organisations research journal*. 2023, Vol. 18, N 1, P. 151–169 DOI: <http://www.doi.org/10.17323/19967845-2023-01-06> (In Russ.)
- Zakharov A. The international North-South transport corridor: the prospects and challenges for connectivity between Russia and India. *MGIMO Review of International Relations*. 2023, N 16 (2), P. 216–234. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234> (In Russ.)
- Zhuravel V.P., Timoshenko D.S. Spitsbergen: past, present, and future. *Contemporary Europe*. 2022, N 6, P. 98–111. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322060079> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Авдонин В.С., Мелешкина Е.Ю. О чем говорят рейтинги? Журналы по политической науке в системе РИНЦ // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 69–88. – DOI: [10.17976/jpps/2019.04.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.06).
- Авдонин В.С., Мелешкина Е.Ю. Политическая наука в журналах: анализ инструментов и показателей в информационных системах // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 87–111. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.04>
- Арбатов А.Г. Украинский кризис и стратегическая стабильность // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 4. – С. 10–31. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.03>
- Артамонова У. Все новое – это хорошо забытое старое: публичная дипломатия США как инструмент «политической войны» // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 11. – С. 41–49. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-11-41-49>
- Артамонова У., Рустамова Л. «Отмена» России: последствия для культурной дипломатии // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 4. – С. 123–131. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-123-131>
- Артизов А.Н. К вопросу об исторических корнях современного украинского кризиса // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – № 15 (6). – С. 7–25. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-7-25>

- Белов В.Б.* Смена парадигмы в энергетической кооперации Германии с Россией // Современная Европа. – 2022. – № 4. – С. 5–21. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322040015>
- Богданов К.В.* Военно-стратегический баланс в Европе и ограниченное применение ядерного оружия // Современная Европа. – 2022. – № 7. – С. 149–161. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322070129>
- Васильев В.* Политика канцлера О. Шольца в условиях глобальной трансформации // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 6. – С. 62–78. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-62-78>
- Ведерников М.В.* Динамика отношений с Китаем: ценностный подход во внешней политике Чехии // Современная Европа. – 2022. – № 6. – С. 82–97. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322060067>
- Виньо А., Байков А.А., Калужнова Е.* Российское высшее образование в условиях санкций: конструктивистский взгляд // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 4. – С. 47–62. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.05>
- Войников В.В.* Антироссийские санкции (ограничительные меры) ЕС: соотношение с международным правом // Современная Европа. – 2022. – № 6. – С. 5–17. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322060018>
- Годованюк К.А.* Головоломка российско-британских отношений: системные противоречия и национальные интересы // Современная Европа. – 2022. – № 7. – С. 185–197. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322070154>
- Зарубежные научные журналы по политическим наукам: общий обзор / *А.Л. Демчук, В.М. Капицын, А.В. Абрамов, И.В. Дашкина, Н.Н. Емельянова* // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2021. – № 5. – С. 88–128.
- Дубянский А.Н.* Переформатирование денежной системы России в современных условиях // Современная Европа. – 2023. – № 2. – С. 131–141. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708323020109>
- Ефременко Д.В.* Обретая уверенность в собственном прошлом // Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 15–45. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.01>
- Ефременко Д.В.* Отношения России со странами Африки в свете специальной военной операции на Украине // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – № 15(4). – С. 60–78. – DOI: <https://doi.org/10.31249/kgf/2022.04.04>
- Журавель В.П., Тymoшенко Д.С.* Шпидберген: прошлое, настоящее и будущее // Современная Европа. – 2022. – № 6. – С. 98–111. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322060079>
- Захаров А.И.* Международный транспортный коридор «Север – Юг»: вызовы и возможности для развития транспортной связности между Россией и Индией // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – № 16 (2). – С. 216–234. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234>
- Капур Н.* Многовекторность при «неравномерной многополярности»: отношения Индии с Россией в условиях меняющегося миропорядка // Вестник МГИМО-

- Университета. – 2023. – № 16(2). – С. 15–32. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-15-32>
- Карлова Н., Паюрова Е.* Потенциал развития экспорта российской и казахстанской агропродукции в Китай // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2023. – Т. 67, № 2. – С. 17–29. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-67-2023-2-17-29>
- Кашин В.Б.* Меняющиеся контуры военно-технического сотрудничества России и Индии // *Вестник МГИМО-Университета.* – 2023. – № 16 (2). – С. 104–119. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-104-119>
- Киреева А.* Кризис в российско-японских отношениях и его причины // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2022. – Т. 66, № 12. – С. 108–119. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-108-119>
- Кондапалли Ш.* Восприятие Китаем России в период украинского конфликта // *Вестник МГИМО-Университета.* – 2023. – № 16 (2). – С. 87–103. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-87-103>
- Корнев Е.С.* Перспективы деятельности ОДКБ после завершения миротворческой операции в Казахстане // *Современная Европа.* – 2023. – № 1. – С. 139–150. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708323010114>
- Котов А.В.* Актуальные вызовы для немецкого бизнеса на российском рынке // *Современная Европа.* – 2022. – № 3. – С. 104–116. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322030081>
- Крылов А.В., Федорченко А.В.* Израильско-украинские отношения в контексте новой геополитической ситуации // *Полис. Политические исследования.* – 2023. – № 3. – С. 86–97. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.07>
- Ларионова М.В.* «Группа двадцати» на критическом этапе. Председательство Индонезии в 2022 г.: внутренние и внешние потрясения, риски изменения баланса влияния и упадка, факторы устойчивости и восстановления равновесия // *Вестник международных организаций.* – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 33–74. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-01-02>
- Лебедев А.С.* Антироссийские санкции в глобальной экономической войне // *Вестник МГИМО-Университета.* – 2022. – № 15 (6). – С. 26–35. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-26-35>
- Луконин С.А.* Российско-китайские отношения: асимметричное партнерство? // *Вестник МГИМО-Университета.* – 2023. – № 16 (2). – С. 65–86. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86>
- Матвеев И.* Российская «матрица безопасности» в Сирии // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2023. – Т. 67, № 1. – С. 80–89. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-80-89>
- Миллер А.И.* Выступления Президента В.В. Путина по историческим вопросам в 2019–2022 гг.: анализ мотивов и адресатов // *Политическая наука.* – 2023. – № 2. – С. 46–64. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.02>
- Михалев О.Ю.* Изменение международной роли Польши после начала российской спецоперации на Украине // *Современная Европа.* – 2022. – № 5. – С. 34–47. – DOI: [10.31857/S0201708322050035](https://doi.org/10.31857/S0201708322050035)

- Мудров С.А.* Российско-украинский конфликт и положение Украинской православной церкви // Современная Европа. – 2023. – № 1. – С. 163–172. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708323010138>
- Мухомонадхьяй А.* Российско-индийское экономическое сотрудничество: наследие прошлого, динамичные перемены и открывающиеся возможности // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – № 16 (2). – С. 142–158. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-142-158>
- Останин-Головня В.Д.* Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – № 15 (2). – С. 209–221. – DOI: <https://doi.org/10.31249/kgf/2022.02.11>
- Пахалюк К.А.* Трансформация политического использования памяти о нацистских преступлениях в современной России // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 65–93. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.0>
- Полищач А.* Перспективы интернационализации рубля в современных геополитических условиях // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 4. – С. 64–74. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-64-74>
- Ровинская Т.Л.* «Зеленый в Германии»: политические дилеммы и компромиссы // Полития. – 2023. – № 1 (108). – С. 182–203. – DOI: <http://www.doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-182-203>
- Рой Р.* Устойчивость индийско-российского партнерства в оборонной сфере // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – № 16 (2). – С. 120–141. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-120-141>
- Русакова М.Ю.* Венгрия и Польша: новый этап противостояния с Брюсселем // Современная Европа. – 2022. – № 7. – С. 82–91. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322070075>
- Серегина А.* Энергетические инициативы Шанхайской организации сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 6. – С. 27–35. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-6-27-35>
- Скрипка И.Р.* Гуманитарная политика Норвегии на примере Афганистана и Украины // Современная Европа. – 2022. – № 6. – С. 194–206. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322060146>
- Станоевич Н.* Россия и Западные Балканы: реализованные и упущенные возможности в торговле // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 3. – С. 33–43. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-3-33-43>
- Тимофеев И.Н.* Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 2. – С. 103–119. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08>
- Тимофеев И.Н.* Политика санкций Британии: институциональные механизмы и российское направление // Современная Европа. – 2022. – № 4. – С. 22–36. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322040027>
- Тимошенко Д.С.* Новый вектор развития арктического туризма в период санкционной политики ЕС и США против России // Современная Европа. – 2022. – № 4. – С. 50–65. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322040040>

- Торкунов А., Стрельцов Д.* Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2023. – Т. 67, № 4. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16>
- Фань С., Кондакова К.С.* Концептуальные основы деятельности НАТО и ШОС и их воплощение в работе организаций // *Вестник международных организаций.* – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 124–147. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-04-05>
- Хетагуров Г., Гаглоева Э.* Национальная система платежных карт как инструмент безопасности России в условиях санкций // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2023. – Т. 67, № 6. – С. 124–130. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-6-124-130>
- Хорольская М.В.* Политика Германии в отношении украинских беженцев // *Современная Европа.* – 2022. – № 7. – С. 57–69. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322070051>
- Чернявский С.* Российско-швейцарские отношения: санкционный капкан // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2022. – Т. 66, № 12. – С. 80–88. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-80-88>.
- Шаклеина Т.А.* Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века? // *Международные процессы.* – 2022. – № 20 (4). – С. 6–22. – DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.2>
- Шарма Р., Атри Г.* Индия и Россия в международных организациях // *Вестник МГИМО-Университета.* – 2023. – № 16 (2). – С. 49–64. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-49-64>
- Шишелина Л.Н.* Вишеградские страны на фоне российско-украинского конфликта // *Современная Европа.* – 2022. – № 6. – С. 67–81. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322060055>
- Юнеман Р.А.* Реализация концепции многовекторности во внешней политике Республики Казахстан на примере голосования по резолюциям ГА ООН // *Вестник международных организаций.* – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 151–169.
- Ядова М.А.* Актуальная политическая повестка российских социологических журналов // *Политическая наука.* – 2021. – № 4. – С. 287–309. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.13>

РАКУРСЫ

А.В. КУЗНЕЦОВ*

ВАЖНОСТЬ ДОСТУПА К КАЧЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье показано, что в рамках политологических исследований и за рубежом, и в России методологическим вопросам традиционно уделяется большое внимание. Вместе с тем анализ проблем доступа к качественной информации оказывается на втором плане. Например, работа со статистикой обычно воспринимается политологами лишь как характерная черта небольшого сегмента исследований, связанных с количественным моделированием, хотя большинство политологических публикаций должны, на взгляд автора, опираться на использование статистики, причем учитывающее ее неточность и противоречивость. В качестве конкретной иллюстрации приведены данные о российской товарной торговле со странами глобального Юга – членами БРИКС (включая «новичков», присоединяющихся с 2024 г.), а также государствами, производящими большой ВВП, но пока оставшимися за бортом объединения. Вторая важная проблема доступа к информации для политологов связана с пренебрежением исследователей научными выводами монографий второй половины XX в. В статье подчеркивается, что нередко это связано лишь с отсутствием легкого доступа к текстам соответствующих книг, поэтому, как и в случае со статистикой, предлагаются меры по преодолению существующих проблем, в том числе благодаря активизации работы ИНИОН РАН. Наконец, на примерах тематики исследований выборов и элит показано игнорирование актуальных задач лишь на том основании, что они требуют кропотливого труда ученого, т.е. относятся к «медленной»

* Кузнецов Алексей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

науке, не позволяющей быстро опубликовать большое количество статей и отчитаться по гранту.

Ключевые слова: политологические исследования; связь политологии с экономикой; использование статистики; количественные методы; «классические» труды; политическая география; изучение элит.

Для цитирования: Кузнецов А.В. Важность доступа к качественной информации для современных политологических исследований // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 81–94. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.03>

Политология как наука растет последние несколько десятилетий очень динамично. Нарастание интенсивности политологических исследований и осязаемое расширение с соответствующей институционализацией профессионального сообщества политологов хорошо видно на примере России. В таких условиях вполне закономерно активизация дискуссий о методологии политической науки. Можно привести немало иллюстраций внушительных публикаций, где рассматриваются различные подходы к анализу разнообразных проблем политической жизни и смежных сфер, включая применение статистического моделирования и других количественных методов, иных подходов, более характерных для научных областей, традиционно не находившихся в центре внимания политологов [Box-Steffensmeier et al., 2008]. По крайней мере некоторые западные ученые вполне отдают себе отчет в том, что сохраняющееся доминирование в ведущих международных журналах статей североамериканских и европейских авторов по-прежнему ведет к определенному методологическому крену в политической науке, который будет меняться по мере превращения политологии в действительно интернациональную науку [Wilson, Knutsen, 2022] (если, как мы надеемся, со временем удастся преодолеть идеологические и цензурные барьеры).

Вместе с тем развитие политологических работ (в смысле действительно наблюдаемого прогресса научной дисциплины, приносящего пользу обществу) даже в рамках более-менее изолированных национальных кластеров не допускает незнание предпринятых усилий, неудач и достижений зарубежных коллег. Также нельзя говорить о нормальном состоянии политической науки в стране, если большинство авторов публикаций будут пренебрегать общепринятыми правилами научного анализа и представления общественности полученных результатов. В этой связи вполне за-

кономерно знаковым событием в России стал выход в 2019 г. фундаментальной коллективной монографии (переизданной уже через год) о нескольких десятках сформировавшихся методологических подходов и парадигмах в политической науке [Современная политическая наука..., 2020]. Несомненно, российские политологи должны понимать суть цивилизационной парадигмы, классического политического реализма, неореализма, либерализма, институционализма и т.д. Исследователям важно представлять и смежные области, приходящие оттуда в политическую науку подходы – антропологические, психологические, культурологические и др. Более того, в этой теме российскими учеными постоянно продолжают новые изыскания, что хорошо видно по работам в области политической географии, международных отношений, семиотики [Окунев, Тисленко, 2020; Алексеева, Дегтерев, 2017; Фомин, Ильин, 2016]. Однако для меня остается неясно, почему при таком массивном «методологическом десанте» без внимания оставлена проблема использования в политической науке качественной информации. Пожалуй, в данной сфере из известных российских исследователей активность проявляет главным образом Д.А. Дегтерев (например, [Дегтерев, 2020]), однако у него все-таки акцент делается на обсуждение использования данных для количественных исследований в политологии, тогда как проблема доступа и обработки информации актуальна для любых методологических подходов. Именно этому и посвящена представленная мною статья.

Работа со статистикой

Тесные связи с философией у политической науки на заре самостоятельности как научной дисциплины предопределили некоторый крен в современных работах в сторону умозрительных рассуждений. Не отрицая их продуктивность, напомним, что политическая наука развивается в большом семействе общественных наук, включая экономику и социально-экономическую и политическую географию. Это означает, что любые выводы на основе политологических концепций должны верифицироваться с помощью статистических показателей (в случае геополитических работ – количественными данными, полученными общественной географией). Подчеркну, что речь совсем не идет об обязательном

применении математического моделирования, однако факты, выраженные в статистике, не могут отвергаться в угоду умозрительным конструкциям, освященным именами авторитетных ученых-политологов.

Хорошие примеры связаны с интерпретацией начала «войны санкций» между Россией и коллективным Западом в 2014–2015 гг. в связи с возвращением Крыма в состав Российской Федерации по итогам референдума на полуострове. В частности, тогда сразу несколько известных российских исследователей отметились дилетантскими работами о ничтожном значении российских ответных мер в торговле продовольственной продукцией с ЕС. Апофеозом стало высказывание одного из отечественных политологов в том духе, что не надо быть экономистом, чтобы понимать, что российские «контрсанкции» не могут влиять на экономику стран ЕС, являясь выстрелом в ногу для самой Российской Федерации. Понятно, что в первый год действия ответных мер нельзя было сказать определенно о долгосрочных эффектах импортозамещения и изменениях в географии поставок, обусловивших к 2020–2022 гг. дополнительное сближение России с рядом важных стран глобального Юга. Однако уже в 2015 г. имевшаяся статистика ЕС позволяла убедительно доказать, что российские «контрсанкции» стоили Литве 1,5–1,6% ВВП, а ряду соседних стран Балтийского региона – 0,1–0,2% ВВП [Кузнецов, 2016].

При этом политологи должны понимать всю приблизительность существующей статистики даже самых авторитетных международных организаций и государственных ведомств. Например, при анализе интенсивности связей государств для иллюстрации их экономических контактов чаще всего используется статистика двусторонней внешней торговли и встречных потоков прямых иностранных инвестиций. Однако сопоставление «зеркальной статистики» (т.е. данных об одном и том же потоке, который одним партнером воспринимается как входящий, а другим – соответственно как исходящий) обычно показывает серьезные разрывы вплоть до фиксации противоположных трендов. Такие разрывы связаны обычно либо с невозможностью собрать у компаний необходимые сведения (в результате показатели досчитываются с помощью разных сконструированных экспертами моделей), либо искажениями из-за использования офшоров и иных «перевалочных» баз.

Это особенно хорошо видно на примере стран глобального Юга, в том числе БРИКС (см. таблицу). В 2021 г., если верить статистике российских партнеров, у России в БРИКС со всеми партнерами был положительный баланс товарной торговли, хотя ФТС России фиксировало отрицательное сальдо с Китаем и ЮАР. При этом не было никакой общей закономерности по завышению или занижению экспорта либо импорта. С учетом отказа от обнародования детальной внешнеторговой статистики в России начиная с 2022 г. в связи с обострением «войны санкций» с Западом, становится довольно сложно интерпретировать динамику торговли Российской Федерации в 2022–2023 гг. Например, согласно южноафриканским данным, российский товарный экспорт в 2022 г. снизился по сравнению с 2021 г. на 12% до 549 млн долл. Российский импорт упал еще сильнее – на 31% до 285 млн долл. Однако оборот российско-южноафриканской торговли мог на самом деле и вырасти в 2022 г., если российская статистика точнее южноафриканской (что вполне возможно, учитывая стремление партнеров России скрывать свои контакты с нашей страной от США из-за опасений «вторичных» санкций). Ведь ФТС России показывал лишь 342 млн долл. экспорта, но 796 млн долл. импорта, а в 2022 г., по озвученным В.В. Путиным данным, взаимный товарооборот двух стран вырос еще на 16,4%, превысив 1,3 млрд долл.¹ (против 0,83 млрд согласно статистике ЮАР).

Показанные расхождения, однако, ни в коем случае нельзя трактовать как убедительную причину отказа многих политологов от работы со статистикой. Знание специфики методологии сбора и обработки официальных данных, а также использование сразу двух-трех разных источников информации как раз позволяет выявлять очень важные фундаментальные тренды. Например, в приведенном примере хорошо видно, что расширение БРИКС с 1 января 2024 г. до 11 членов укрепляет позиции России как участника внешней торговли в пределах данного объединения, поскольку вступили преимущественно страны с положительным сальдо товарной торговли для Российской Федерации. Так, если смотреть на цифры 2021 г. (а показатели за последние два года лишь вырос-

¹ Путин оценил товарооборот России и ЮАР в 2022 году // ПРАЙМ. – 29 июля 2023. – Режим доступа: https://1prime.ru/state_regulation/20230729/841227145.html?ysclid=llqhtmdw2t12579725 (дата посещения: 11.09.2023).

ли), то товарооборот с БРИКС от расширения вырос на 8–11%, а сальдо – минимум на 33%, а может, и вообще более чем в 4 раза, если ориентироваться на сведения ФТС России.

Таблица

Внешняя торговля товарами России в 2021 г. с 10 странами, которые будут членами БРИКС в 2024 г., а также Индонезией, Таиландом, Бангладешем, Вьетнамом и Нигерией¹

Страна	Данные ФТС России, млрд долл. (данные за 2022 г. решено не обнародовать)				Данные международной статистики на базе статистики стран-партнеров, млрд. долл.			
	из РФ	в РФ	оборот	сальдо	из РФ	в РФ	оборот	Сальдо
Китай	68,03	72,68	140,70	−4,65	78,14	67,55	145,69	+10,59
Индия	9,13	4,43	13,56	+4,70	8,70	3,33	12,03	+5,37
Бразилия	5,26	2,22	7,48	+3,04	5,70	1,59	7,29	+4,11
ЮАР	0,34	0,80	1,14	−0,46	0,62	0,41	1,03	+0,21
ОАЭ	5,08	0,28	5,36	+4,80	3,71	1,45	5,16	+2,26
Египет	4,18	0,59	4,77	+3,59	2,48	0,40	2,88	+2,08
Иран	3,07	0,97	4,04	+2,10	1,66	0,58	2,24	+1,08
Саудовская Аравия	1,92	0,34	2,26	+1,58	1,20	0,08	1,28	+1,12
Аргентина	0,37	1,01	1,38	−0,64	0,65	0,68	1,33	−0,03
Эфиопия	0,19	0,03	0,22	+0,16	0,20	0,02	0,22	+0,18
Индонезия	0,68	2,63	3,31	−1,95	1,25	1,49	2,74	−0,24
Таиланд	0,49	1,79	2,29	−0,50	1,77	1,02	2,79	+0,75
Бангладеш	1,72	1,27	2,99	+0,45
Вьетнам	2,24	4,90	7,13	−2,66	2,30	3,20	5,50	−0,90
Нигерия	0,88	0,04	0,92	+0,84	2,11	0,00	2,11	+2,10

Источники: Внешняя торговля Российской Федерации по странам. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата посещения: 11.09.2023); Trade Statistics. – Режим доступа: <https://intracen.org/resources/data-and-analysis/trade-statistics> (дата посещения: 11.09.2023).

Из всего этого следует сделать один важный прикладной вывод – в российское политологическое образование надо внедрять больше учебных курсов по работе со статистикой. Для уже состоявшихся специалистов в области политической науки возможна организация отдельных лекций и мастер-классов – например, на базе ИНИОН РАН, который относится к числу ведущих в России политологических центров, но имеет при этом достаточно

¹ Согласно СМИ, эти пять стран подавали заявки на вступление в БРИКС, а по ВВП в расчете по ППС заметно превосходят Эфиопию и ОАЭ, обгоняя также Аргентину (а Индонезия опережает даже ЮАР и Бразилию).

специалистов в смежных общественных науках, в том числе экономике.

Опора на достижения предшественников

Существует и другой пласт научной информации, который в современной российской политологии обычно недооценивают – работы предшественников, многие из которых творили в силу институциональной молодости политической науки в нашей стране в рамках иных научных дисциплин, прежде всего представляя исторические науки. Подчеркнем, что видимая борьба научного сообщества в последние годы за корректное и обильное цитирование коллег проблемы не решает – благодаря наукометрии и ее учету при распределении грантов, ином финансовом поощрении ученых приветствуются главным образом ссылки на недавние журнальные статьи. Второй проблемой становится меньшая доступность фундаментальных монографий, изданных в XX в., по сравнению с современными журналами, которые постепенно все полностью выкладываются в сеть Интернет.

Разумеется, доступ к «классическим» отечественным монографиям, интересным политологам, в бумажном виде не составляет большой проблемы – есть Российская государственная библиотека, филиальная сеть Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН при академических институтах со специализацией в политических науках, Государственная публичная историческая библиотека России и т.д. Однако надо реалистично смотреть на современный процесс «производства научной продукции» – доступ к текстам в онлайн-формате через Интернет, пусть даже и за плату, оказывается для большинства исследователей предпочтительным. Формально эту функцию должен выполнять реализуемый с 2004 г. проект Минкультуры России «Национальная электронная библиотека» (НЭБ). На ее сайте сообщается о возможности доступа к более чем 5,8 млн изданий, в том числе свыше 4,9 млн находятся в общественном достоянии¹. Однако по факту можно найти преимущест-

¹ НЭБ в цифрах // Национальная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://rusneb.ru/neb-figures/?ysclid=llqm4lmew0157944663> (дата посещения: 11.09.2023).

венно книги, выпущенные до начала Второй мировой войны либо тексты диссертаций XXI в. Иначе говоря, наиболее продуктивный для отечественных общественных наук период – с середины 1950-х годов по рубеж XX–XXI вв. – представлен намного хуже. При этом поисковик системы НЭБ – один из самых неудобных, в чем легко убедиться. Фактически НЭБ из общенационального проекта с десятками миллионов рублей ежегодных инвестиций в свое развитие превратилась в электронную библиотеку РГБ, причем низкого качества, но с постоянными рапортами в сети Интернет о превышении целевых показателей реализации проекта.

Мой тезис легко проверить, попытавшись найти цитируемые книги известных авторов по какой-нибудь теме – например, по политической географии. Запрос в scholar.google выводит прежде всего на несколько пионерных монографий и базовых учебников: «Политическая география: проблемы и методы» В.А. Колосова 1988 г., «Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции» Н.И. Каледина 1996 г., «Политическая география» Р.Ф. Туровского 1999 г., «Геополитика и политическая география» В.А. Колосова и Н.С. Мироненко 2001 г., «Россия в лабиринтах географической судьбы» Ю.Н. Гладкого 2006 г. Простой поисковый запрос «политическая география» в НЭБ выдает ссылки на 17 дореволюционных книг, учебников и атласов. Расширенный поиск позволяет получить ссылки на почти тысячу уже послевоенных документов, в названии которых есть «политическая география». Однако выясняется, что РГБ может обеспечить хотя бы платный онлайн-доступ лишь к трем из пяти названных книг (работы 1988 и 1996 гг. уже доступны только в бумажном виде), причем на самом деле учебник профессоров Колосова и Мироненко находится в сети Интернет в свободном доступе.

Зарубежные «классические» монографии, важные для политологов, также далеко не всегда оцифрованы, во многих случаях их электронные версии расплывены по самым разным интернет-ресурсам, так что поиск книги, особенно бесплатной или дешевой версии, оказывается нетривиальной задачей. Многие заграничные книжные новинки в Россию в последние десятилетия просто не поступают, так что даже в ведущих библиотеках страны сейчас нельзя найти хотя бы бумажные экземпляры монографий, вышедшие в свет 15–25 лет назад и ставших за это время знаменитыми. Достаточно напомнить, что в постоянных ценах ежегодное финанси-

ние закупок иностранных книг в ИНИОН РАН во времена горбачевской перестройки превосходило нынешний уровень в 10–30 раз.

В этой связи, на мой взгляд, возникает две важных прикладных задачи. Во-первых, требуется объединение усилий ИНИОН РАН и Российской ассоциации политической науки для скорейшей разработки удобного пользователям навигатора по книжным изданиям, важным для политологов, а со временем создания полноценной электронной библиотеки по политической науке и смежным дисциплинам. Во-вторых, и это не менее важно, требуется вновь прививать культуру чтения книг для расширения своего научного кругозора у молодого поколения исследователей, которые были лишены такой возможности в последние пару десятилетий. Первый месяц работы Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН в новом здании на историческом месте, несмотря на предлагаемые сотни книжных новинок ведущих зарубежных издательств (в бумажном либо электронном виде), не привел к большому наплыву читателей-политологов. Я серьезно опасаясь, что есть риск для российской политической науки скатиться к имитации научной деятельности через наращивание публикационного вала, где в лучшем случае «изобретаются велосипеды», а в худшем – на все менее профессиональном уровне рассматриваются давно установленные факты и явления.

Тщательность в анализе

В мире в целом и в России, которая в XXI в. перенимала на Западе отнюдь не только положительный опыт, из-за крена в сторону легко проверяемой отчетности и ставки на краткосрочное грантовое финансирование расцвело мелкотемье. Хорошо известно чрезмерное увлечение многих исследователей количеством публикаций в ущерб их качеству (достаточно вспомнить принцип *publish or perish* – если мечтаешь о научной карьере, то «публикуйся или умри»). Однако последние 10–15 лет все громче слышны голоса о необходимости возрождать так называемую медленную науку (*slow science*), требующую тщательного анализа методом проб и ошибок, многочисленных обсуждений предварительных результатов с коллегами и длительного обдумывания объясняющих концепций (см., например: [Абрамов, Груздев, Терентьев,

2016]). Положение политологов во многом даже хуже, например, их коллег-экономистов. Более-менее грамотные специалисты по экономике все равно постоянно обсуждают свои выводы с коллегами – если не учеными, то практиками (бизнесменами и чиновниками), а также вынуждены их верифицировать по мере постоянного появления новых статистических данных. В то же время политологи часто выходят в свет уже с готовыми публикациями, идеи которых могут «закаменеть» в узком кругу единомышленников, а потом такие концепции уже редко принципиальным образом трансформируются.

Применительно к проблемам информации в политологии «медленная» наука означает возврат внимания к кропотливому анализу первичных статистических, социологических и иных данных, которые по крупицам собираются или сопоставляются ключевыми исследователями. К сожалению, уже многие годы можно видеть пренебрежение к работе с такого рода информацией, будто это удел специалистов невысокой квалификации (например, студентов), а настоящий ученый должен только строить модели или создавать концепции, используя «готовые наборы» информации. На мой взгляд, хорошей иллюстрацией служат проблемы электоральной статистики, по которой накоплен огромный массив первичных данных, пока проанализированный очень фрагментарно, притом что содержит кладезь информации о политических предпочтениях и стратегиях поведения населения. В частности, например, в рамках Москвы на основе опубликованных данных участковых избирательных комиссий с сопоставлением характера жилого фонда в домах, отнесенных к соответствующим участкам, можно было не только ловить фальсификаторов, но и разобраться, какие группы населения (в том числе с особым социально-профессиональным или миграционным статусом) характеризуются какой электоральной активностью и политическими предпочтениями. Полученные гипотезы можно проверять на других регионах и в конце концов прийти к фундаментальным выводам, которые не описаны уже существующими концепциями.

Описанная задача находится на стыке политологии с электоральной географией и отнюдь не является архаичной по методам, так как позволяет задействовать, например, ГИС-технологии. Можно привести и другие иллюстрации исследовательских задач, к которым политологи даже не пытаются подступаться при всей их

востребованности российским обществом. Например, в СМИ неоднократно поднимался вопрос о нацистских корнях родителей и дедов немецких и других европейских политиков, придерживающихся откровенно русофобской позиции. Однако пока мы имеем дело лишь с большим количеством сплетен, которые при ближайшей проверке обычно оказываются фейками¹. В данном случае разумно использовать биографический метод. Этот метод характерен для самых разных общественных и гуманитарных наук, но в случае ФРГ при политологическом анализе речь должна идти не только об изучении политической карьеры персонажей, их образования и других довольно легко доступных сведений, но и о кропотливой работе по выявлению возможного нацистского прошлого их родителей и учителей. В качестве примера можно привести бывшего замминистра иностранных дел ФРГ и многолетнего председателя Мюнхенской конференции по безопасности. Вольфганг Ишингер родился в 1946 г. в местечке Бойрен около г. Нюртинген², в котором его дедушка Аугуст Пфэндер (умерший вскоре после 25-летия В. Ишингера) стал бургомистром в 1943 г.³, будучи активным членом нацистской партии (до того он был многие годы при Гитлере бургомистром менее крупного населенного пункта). Случайно ли в начале 2023 г. В. Ишингер дал интервью, где указал, что не следует идти ни на какие уступки Москве, а надо Россию полностью вытеснить с признаваемой западными странами украинской территории? Очевидно, что один такой пример не подтверждает гипотезу, но если проверить биографии полсотни

¹ Латышев С. К власти в Европе пришли потомки нацистов: факты, которые удивят // Царьград. – 2022. – 12 мая. – Режим доступа: https://tsargrad.tv/articles/k-vlasti-v-evrope-prishli-potomki-nacistov-fakty-kotorye-udivjat_545606?ysclid=llqsb0cbu1215445889 (дата посещения: 11.09.2023).

² Wolfgang Ischinger // Wikipedia. – Mode of access: https://de.wikipedia.org/wiki/Wolfgang_Ischinger (accessed: 11.09.2023); этот факт подтверждает любой официальный сайт с более-менее детальной биографией политика – Mode of access: <https://www.daad.de/en/alumni/gallery/portrait/prof-dr-hc-wolfgang-ischinger/> (accessed: 11.09.2023).

³ August Pfänder // Wikipedia. – Mode of access: https://de.zxc.wiki/wiki/August_Pf%C3%A4nder (accessed: 11.09.2023); Nürtingen // Wikipedia. – Mode of access: <https://en.m.wikipedia.org/wiki/N%C3%BCrtingen> (accessed: 11.09.2023); в качестве подтверждения нацистского прошлого можно привести и иные источники, например, о нацистском прошлом Германии – Mode of access: <https://www.gedenkent.de/dokument/ns-frauenshaft> (accessed: 11.09.2023).

сотни видных немецких политиков с антироссийской или, напротив, относительно нейтральной позицией, то увидим ли мы корреляцию с реваншизмом, навеянным причастностью их предков к нацистской агрессии против России?

Вообще тема элит является весьма популярной в политической науке, в том числе в России. Тем не менее у нас по-прежнему мало детальных исследований, посвященных механизмам формирования элит и конкретным фактическим данным об образовании, деловых и иных связях между высокопоставленными политиками и чиновниками, влиятельными интеллектуалами в основных странах, с которыми взаимодействует Россия – как на Западе и в странах СНГ, так и в расширенном теперь БРИКС. Это исследования, требующие кропотливого сбора информации и не дающие быстрого результата в виде множества публикаций, но никто не мешает, например, МИД России делать соответствующие целевые оплачиваемые заказы на исследования профильным академическим организациям.

* * *

Подытоживая, следует признать, что в российской политической науке сохраняется множество проблем, особенно связанных с обеспечением доступа, а затем квалифицированной обработкой научной информации. Тем не менее открываются и новые возможности для исследователей в сложившейся в настоящий момент сложной для России международной обстановке, связанной с трансформацией мироустройства, которое при определенных усилиях нашей страны может стать более справедливым, в том числе по отношению к самой Российской Федерации. Российские политологи могут избавиться от идеологических шор последних десятилетий, но одновременно требуется лоббировать адекватное целевое финансирование для проведения высококлассных и нужных российскому обществу и государству исследований.

A.V. Kuznetsov*
**The importance of access to high-quality information
for contemporary political science research**

Abstract. The article shows that within the framework of political science research both abroad and in Russia, methodological issues have traditionally been given great attention. At the same time, the analysis of the problems of access to high-quality information is in the background. For example, working with statistics is usually perceived by political scientists only as a characteristic feature of a small segment of research related to quantitative modeling, although most political science publications should, in the author's opinion, rely on the use of statistics, taking into account its inaccuracy and inconsistency. In particular, data on Russian commodity trade with the BRICS member countries of the global South (including the «newcomers» joining in 2024), as well as states producing large GDP, but still remaining outside the association, are given. The second important problem of access to information for political scientists is connected with researchers' neglect of the scientific conclusions from monographs of the second half of the 20th century. The article emphasizes that the lack of easy access to the texts of relevant books determines the absence of interest to such monographs. Therefore, as in the case of statistics, measures are proposed to overcome existing problems, including through the activation of the work of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION). Finally, the examples of the research topics of elections and elites show the ignoring of urgent tasks only on the grounds that they require the painstaking work of a scientist, that is, they belong to a «slow» science that does not allow to publish a large number of articles quickly and report on a grant.

Keywords: political science research; the connection of political science with economics; the use of statistics; quantitative methods; «classical» works; political geography; research on elites.

For citation: Kuznetsov A.V. The importance of access to high-quality information for modern political science research. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 81–94. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.03>

References

- Abramov R.N., Gruzdev I.A., Terent'ev E.A. Academic profession and ideology of “Slow Scholarship”. *Higher education in Russia*. 2016, N 10, P. 62–70. (In Russ.)
- Alekseeva T.A., Degterev D.A. International relations: the dispute about science and method. *Vestnik RAN*. 2017, Vol. 87, N 9, P. 848–857. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0869587317090146> (In Russ.)

* **Kuznetsov Alexey**, INION RAN (Moscow, Russia), e-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

- Box-Steffensmeier J.M., Brady H.E., Collier D. (eds). *The Oxford handbook of political methodology*. Oxford: Oxford university press, 2008, 880 p.
- Degterev D.A. Replicability of research on international relations as a global trend. *Vestnik RAN*. 2020, Vol. 90, N 1, P. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.31857/s0869587320010041> (In Russ.)
- Fomin I.V., Ilyin M.V. What can semiotics contribute to political science? *Political science (RU)*. 2016, N 3, P. 12–29. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds). *Modern political science: methodology*. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press, 2020, 776 p. (In Russ.)
- Kuznetsov A.V. The effectiveness of Russia's economic “counter-sanctions” against the EU. *The herald of the diplomatic academy of the MFA of Russia. Russia and the world*. 2016, N 3, P. 136–153. (In Russ.)
- Okunev I.Yu., Tislenko M.I. Spatial dependence index: methodology for measuring the neighborhood effect in social science. *Bulletin of Perm University. Political science*. 2020, Vol. 14, N 3, P. 82–95. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-82-95> (In Russ.)
- Wilson M.Ch., Knutsen C.H. Geographical coverage in political science research. *Perspectives on politics*. 2022, Vol. 20, N 3, P. 1024–1039. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592720002509>

Литература на русском языке

- Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. Академическая профессия и идеология «медленной науки» // Высшее образование в России. – 2016. – № 10. – С. 62–70.
- Алексеева Т.А., Дегтерев Д.А. Международные отношения: спор о науке и методе // Вестник Российской академии наук. – 2017. – Т. 87, № 9. – С. 848–857. – DOI: <https://doi.org/10.7868/s0869587317090146>
- Дегтерев Д.А. Реплицируемость исследований по международным отношениям как мировой тренд // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 1. – С. 24–34. – DOI: <https://doi.org/10.31857/s0869587320010041>
- Кузнецов А.В. Результативность экономических «контрсанкций» России против ЕС // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. – № 3. – С. 136–153.
- Окунев И.Ю., Тисленко М.И. Индекс пространственной зависимости: методология оценки эффекта соседства в социальных науках // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 82–95. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-82-95>
- Современная политическая наука: методология. Научное издание / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2020. – 776 с.
- Фомин И.В., Ильин М.В. Зачем семиотика политологам // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 12–29.

Ю.Г. КОРГУНЮК*
**ТЕОРИЯ РАЗМЕЖЕВАНИЙ
И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Аннотация. В статье излагается, каким образом использование математических методов оптимизирует изучение электоральных размежеваний и политических (суб)измерений. Отмечено, в частности, что факторный анализ позволяет вычленять не только главное размежевание, но и менее заметные, лежащие в его тени, а также редуцировать множество межпартийных противостояний по отдельным вопросам (issues) к политическим измерениям (issue dimensions) и субизмерениям в отдельных предметных областях (issue domains).

Корреляционный и регрессионный анализ дают возможность проверить, в какой мере пространство электоральных размежеваний конгруэнтно пространству политических (суб)измерений и социально-демографических факторов. Полученные в результате показатели – факторные нагрузки электоральных размежеваний, политических (суб)измерений и социально-демографических факторов, квадраты коэффициентов парной и множественной регрессии (коэффициенты детерминации) – образуют базу для создания новых инструментов измерения размежеваний: коэффициентов максимального и эффективного ареалов, а также коэффициентов политизации и социализации электоральных размежеваний.

Ключевые слова: математические методы в политической науке; электоральные размежевания; политические измерения; инструменты измерения электоральных размежеваний.

Для цитирования: Коргунюк Ю.Г. Теория размежеваний и количественные методы в политической науке // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 95–126. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.04>

* **Коргунюк Юрий Григорьевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: partinform@mail.ru
DOI: 10.31249/poln/2023.04.04

Массовая компьютеризация – пожалуй, одна из главных новаций, коснувшаяся всех областей научного знания, включая социальное и гуманитарное. Она не только сильно облегчила процесс создания и редактирования текстов (хотя и это многого стоит), но и сделала возможным широкое применение количественных методов.

Эти методы начали применяться еще в первой половине XX в., когда никаких компьютеров и в помине не было. Первые компьютеры – так называемые большие компьютеры – работали медленно, ввод информации был крайне трудоемким, а желающих воспользоваться ими было очень много, и отнюдь не гуманитарии стояли первыми в очереди. Все это не могло не замедлять развитие ряда перспективных направлений, в том числе теории размежеваний С. Липсета и С. Роккана.

В первоначальной версии эта теория объясняла эволюцию партийных систем стран Западной Европы (точнее, северной ее части) фундаментальными конфликтами социальных интересов, воспроизводящимися на протяжении долгого времени: 1) между центром и периферией (столичными и региональными элитами); 2) государством и церковью (религиозно и секулярно настроенными избирателями); 3) сельскими хозяевами и промышленниками; 4) работодателями и наемными работниками [Lipset, Rokkan, 1967].

Большинство авторов редактируемой Липсетом и Рокканом коллективной монографии «Партийные системы и структура электората» [Lipset, Rokkan, 1967 a] пытались отследить эти размежевания посредством так называемого метода экологических исследований (ecological studies) – скрупулезного анализа результатов голосования за кандидатов от различных партий в близлежащих территориальных единицах. Например, если округа с более зажиточным населением голосовали за консервативные и либеральные партии, а округа с более бедным населением – за социалистические, это приводило исследователей к выводу о связи между социальным положением избирателей и их политическими предпочтениями.

Наличие в распоряжении исследователей персональных компьютеров и соответствующего программного обеспечения позволило бы им воспользоваться целым набором методов статистического анализа – корреляционным, регрессионным, факторным и пр. – и обнаружить с их помощью не только наиболее очевидные размежевания, но и лежащие в их тени. И тогда выводы опирались

бы не только на гипотезы, но и на цифры и при этом открывали бы пути для дальнейших исследований.

Однако в середине 1960-х доступ политологов и социологов к компьютерам был, мягко скажем, ограничен, да и потребность во владении минимальным набором математических методов еще не казалась очевидной.

С течением времени положение дел менялось, и уже к 1980-м годам в рамках проекта «Манифесто», изучавшего структуру политического пространства на базе исследования вопросов (issues) из предвыборных платформ и программ политических партий и положившего начало теории проблемных измерений (issue dimensions theory), методы статистического анализа, в том числе факторный анализ, а, следовательно, и компьютеры, использовались весьма активно [Budge et al., 1987]. Но опять же, персональные компьютеры в то время были слабыми, и расчеты приходилось делать на «больших» компьютерах, что требовало значительных трудозатрат. В результате не очень удачное использование факторного анализа (подробнее см.: [Коргунюк, 2019; Korgunyuuk, 2020]) надолго отбило у авторов проекта охоту использовать более-менее сложные методики. В результате они отказались, например, от факторного анализа, перейдя к более простой процедуре помещения партий в право-левое пространство: процент «левых» высказываний вычитали из процента «правых», после чего делался вывод, левой или правой является партия [Budge, Nomola, 2012, p. 75].

В 2000-х годах персональные компьютеры и соответствующее программное обеспечение уже имелись практически у всех исследователей. Так, А.С. Ахременко, готовя монографию «Структура электорального пространства» [Ахременко, 2007], был достаточно свободен в выборе средств. Активно применяя для выявления и интерпретации электоральных размежеваний корреляционный, факторный и регрессионный анализ, он в одиночку и в гораздо более короткие сроки выполнил работу, которую еще в 1980-е годы приходилось делать большим коллективом.

Новые средства существенно расширили возможность экспериментировать и искать новые пути, а главное, теснее приблизиться к предмету изучения. Ведь в основополагающей работе Липсета и Роккана [Lipset, Rokkan, 1967] размежевание (cleavage) являлось скорее некой спекулятивной конструкцией вроде марсианских каналов, которые были видны в слабенький телескоп, но при реальном

приближении растворялись в рельефе. Выявляемые многими авторами коллективной монографии [Lipset, Rokkan, 1967 a] размежевания зачастую не совпадали с теми, которые обозначили сами Липсет и Роккан [Lipset, Rokkan, 1967], – судя по всему, их собственная концепция сформировалась лишь к концу работы над книгой, и коллеги просто не успели с нею ознакомиться.

Более конкретные исследования, особенно с использованием математических методов, показали, что реальные размежевания не вписываются в «классическую» схему. Так, авторы монографии о посткоммунистических партийных системах Центральной и Восточной Европы Г. Китчелт, З. Мансфелдова, Р. Марковски и Р. Тока выявили ряд размежеваний (которые они, правда, предпочитали называть «водоразделами» и «измерениями»), не фигурирующих в монографии 1967 г.: «социальные протекционисты против рыночных либералов», «светские либералы против религиозных авторитаристов», «либералы против авторитаристов в политической сфере», «либералы против авторитаристов в социокультурной сфере» [Kitschelt et al., 1999, p. 226, 235, 259].

Дело даже не в том, что Липсет и Роккан в принципе игнорировали политическое содержание обозначенных ими «кливажей» – иначе им пришлось бы признать, что относительно стабильная социальная база не исключает широкого спектра политических противостояний, иногда самым причудливым образом накладывающихся друг на друга. Просто исследователи посткоммунистических партийных систем подошли ближе к микроуровню, чем Липсет и Роккан. Используя развитые математические методики (включая факторный анализ), они изначально были готовы к обнаружению паттернов, не совпадающих с «классическими» эталонами. Неудивительно, что эти паттерны не замедлили обнаружиться.

Можно даже утверждать, что применение математических методик сделало неизбежным открытие таких паттернов, поскольку любая конкретизация знания выводит на свет множество неточностей и натяжек в прежних представлениях о предмете изучения.

В данной статье автор постарался показать, как компьютерное применение математических методов конкретизирует знание о размежеваниях и позволяет перевести их исследование на новый уровень. С этой целью подробно описана процедура выявления и политической интерпретации электоральных размежеваний, а также определения их социальной базы. Также продемонстрированы

возможности математических методов для решения конкретных проблем, связанных с применимостью концепции размежеваний к анализу ситуации в режимах электорального авторитаризма.

Методология: от предположений к измерению

Первое, что бросалось в глаза ученым, использовавшим для выявления электоральных размежеваний методику «экологических исследований», – это то, что результаты одних партий в разных избирательных округах колеблются в такт друг с другом, а других – наоборот, в контрфазе. Из этого можно было сделать выводы относительно политического содержания наблюдаемых размежеваний: если, например, результаты аграрных партий колеблются в такт с результатами социал-демократов, но в контрфазе с результатами либералов и консерваторов, то, очевидно, имеет место доминирование размежевания по линии «социалисты – “буржуазные” партии». Если же, напротив, результаты аграриев резонируют с результатами консерваторов, но приходят в противоречие с результатами либералов и социал-демократов, то, скорее всего, доминирует либерально-консервативное противостояние.

Но эти наблюдения носили гипотетический характер, не выявляя силу указанных взаимосвязей и тем более не выражая их в конкретных цифрах. С этой задачей неплохо справляется корреляционный анализ, однако он выделяет только наиболее очевидную тенденцию. В применении к выборам в постсоветской России (начиная с 2003 г.) этой тенденцией были отрицательные парные корреляции между результатами «Единой России» и большинства остальных участников выборов [Коргунюк, 2013; Коргунюк, 2017; Коргунюк, 2019 а]. Обнаружить с помощью корреляционного анализа, скрываются ли под спудом этого размежевания какие-то другие, затруднительно. Для этого нужны более сложные методы, в частности факторный анализ.

Факторный анализ и электоральные измерения

Факторный анализ «редуцирует» данные, сжимая переменные в более компактные группы, обозначаемые как факторы. Он при-

сваивает переменным (variables), в роли которых выступают партии, факторные нагрузки (factor loadings), колеблющиеся в интервале от -1 до 1 . «Лицо» каждого из факторов определяют переменные с наиболее расходящимися факторными нагрузками. Случаям же (cases), в роли которых выступают территориальные единицы, т.е. субъекты Федерации, факторный анализ присваивает факторные оценки (factor scores), которые колеблются в более широком диапазоне, – здесь нас больше всего интересуют те случаи, чьи факторные оценки – отрицательные и положительные – превышают по модулю единицу. Они представляют своего рода полюса, где наиболее ярко проявляется суть соответствующих факторов.

Так, по результатам выборов 2021 г. факторный анализ выделил три размежевания (табл. 1). Правильнее, конечно, говорить не о размежеваниях, а о факторах территориальных различий в партийном голосовании. Являются ли они размежеваниями, а не случайными флуктуациями, предстоит выяснить позже.

Таблица 1

Факторы территориальных различий в голосовании за партии в 85 субъектах РФ

Variable	Способ извлечения: метод главных компонент (Выделенные нагрузки $> .700000$)		
	Factor 1	Factor 2	Factor 3
Недействительные бюллетени	-0,801	0,210	0,027
КПРФ	-0,686	0,402	0,158
РЭП «Зеленые»	-0,629	-0,091	0,206
ЛДПР	-0,713	0,170	-0,251
«Новые люди»	-0,855	0,167	0,162
«Единая Россия»	0,960	-0,152	0,040
«Справедливая Россия – За Правду»	-0,571	-0,054	-0,325
«Яблоко»	-0,476	-0,756	-0,027
Партия роста	-0,300	-0,815	0,034
Российская партия свободы и справедливости	-0,617	-0,318	0,100
КП «Коммунисты России»	-0,784	0,272	0,025
«Гражданская платформа»	0,019	-0,042	0,870
«Зеленая альтернатива»	-0,810	-0,351	0,060
«Родина»	-0,063	-0,147	-0,377
Российская партия пенсионеров за социальную справедливость	-0,887	0,128	-0,094
Expl. Var	6,757	1,871	1,189
Prp. Totl	45,04%	12,47%	7,92%

Первым фактором было то самое размежевание, которое становилось заметно уже при использовании корреляционного анализа: «Единая Россия» против всех остальных участников, но прежде всего против Российской партии пенсионеров, «Новых людей», «Зеленой альтернативы», «Коммунистов России» и ЛДПР. Как видим, расхождение в факторных нагрузках охватывает едва ли не весь интервал от -1 до $+1$.

В группу регионов с факторными оценками ниже -1 по этому размежеванию вошли субъекты Федерации, в которых «Единая Россия» получила меньше всего голосов: Хабаровский край, Карелия, Санкт-Петербург, Москва и пр. (табл. 2). Напротив, факторные оценки, превышающие $+1$, были прежде всего у республик Северного Кавказа, где «партия власти» набирала 80 и более процентов голосов.

Таблица 2

Факторные оценки субъектов Федерации по первому фактору территориальных различий в партийном голосовании с факторными оценками ниже -1 и выше $+1$

Регион	Факторные оценки	Процент голосов за «Единую Россию»
Хабаровский край	$-1,854$	24,51
Карелия	$-1,701$	31,69
Санкт-Петербург	$-1,311$	34,99
Москва	$-1,261$	36,97
...
Дагестан	2,004	81,18
Тува	2,122	85,34
Ингушетия	2,194	81,18
Карачаево-Черкесия	2,245	80,06
Кабардино-Балкария	2,403	79,20
Чечня	2,675	96,13

Что касается двух других факторов территориальных различий в партийном голосовании, то второй заключался в противостоянии «старых» рыночных либералов («Яблоко» и Партия роста) коммунистам (КПРФ и КПКР), третий – в конкуренции «Гражданской платформы» с «Родиной», «Справедливой Россией» и ЛДПР (табл. 1).

Но как понять, являются ли эти факторы размежеваниями с выраженным политическим содержанием? Ведь, допустим, противостояние «Единой России» всем остальным участникам выборов может объясняться результатом административного прессинга на

избирателей, а в некоторых регионах – и откровенным вбросом бюллетеней. Для этого необходимо сравнить положение партий в электоральном пространстве с их положением в пространстве политическом. Если в результате обнаруживается определенное совпадение, это не может быть простой случайностью.

Если в политическом пространстве сложилась некая система противостояний, не связанная с доминированием «Единой России» над остальными участниками, вброс голосов в пользу «партии власти» исказит главенствующие тенденции и никакой конгруэнтности между электоральным и политическим пространствами не обнаружится.

Политическое пространство: измерения и субизмерения

Как же вычленить структуру межпартийных противостояний в политическом пространстве? Прежде всего нужно выделить актуальные вопросы политической повестки, порождающие в межпартийной дискуссии наибольшую поляризацию позиций. Автор занимается этим с начала 1990-х (база данных «ПартАрхив»¹); с 2015 г. в ежедневном режиме проводится мониторинг партийных позиций по этим вопросам, проставляются оценки по шкале от -5 до +5, где -5 – резко отрицательная позиция, +5 – резко положительная, а 0 – центристская или отсутствующая (исходя из принципа: «и нашим и вашим» = «ни нашим ни вашим»).

Подробно о методике рассказано в других работах [Коргунюк, 2013; Коргунюк 2017; Коргунюк, 2019; Коргунюк, 2019 а], кратко же она такова.

Вопросы разделены на две группы: 1) более или менее долгосрочные, содержащиеся в официальных партийных документах (программах, манифестах, платформах, заявлениях, обращениях и т.п.) и 2) ситуативные, позиции по которым могут меняться достаточно быстро; их источник – публичные высказывания представителей партии (прежде всего лидеров).

Основные пункты на этой шкале – «резко отрицательное отношение» (-4), «умеренно отрицательное» (-2), нейтральное или

¹ Вся российская многопартийность в одном флаконе. – Режим доступа: <http://www.partinform.ru/pa98> (дата посещения: 11.08.2023).

отсутствующее (0), «умеренно положительное» (+2) и «безусловно положительное» (+4). Соответствующие оценки присваиваются вопросам, содержащимся только в партийных документах (долгосрочные вопросы) или упоминающимся только партийными лидерами (вопросы ситуационные).

Публичные выступления других партийных представителей могут корректировать эти баллы. Например, если представители партии активно и единогласно придерживаются безусловно положительной (отрицательной) позиции по тому или иному вопросу, оценка доводится до +5 (-5), если эту позицию оспаривают не очень влиятельные спикеры, оценка остается на уровне +4 (-4); при росте числа и политического веса участников внутрипартийной дискуссии, оценка может быть скорректирована до +3 (-3).

То же самое касается умеренно позитивной (негативной) позиции: если влиятельные представители требуют ее радикализации, оценка может быть скорректирована до +3 (-3), если, наоборот, требуют большей умеренности, смягчена до +1 (-1). В случае разногласий между представителями одной и той же партии средний балл выводится с учетом политического веса каждого дискуссанта.

Если партия имеет центристскую позицию по вопросу или не имеет никакой, но некоторые не очень влиятельные ее представители вербализуют умеренно отрицательную или умеренно положительную позицию, оценка может быть скорректирована до +1 (-1).

В каждом случае партийная позиция оценивается индивидуально, когда это возможно, к обсуждению привлекаются другие эксперты (это редко приводит к изменению оценок, но позволяет как минимум исправить «глазные» ошибки).

В качестве примера возьмем оценку партийных позиций по вопросу об отношении к муниципальному фильтру на губернаторских выборах (табл. 3, см. приложение).

Только две из 14 партий, участвовавших в выборах-2021 по пропорциональной системе, – Российская партия пенсионеров за социальную справедливость и «Зеленая альтернатива» – никак не коснулись данной проблемы.

Три партии – КПРФ, «Справедливая Россия – За Правду» и «Яблоко» – обозначили резко негативную позицию как в документах (здесь они не приводятся ради экономии места, к тому же эти документы датированы более ранним периодом), так и в публичных выступлениях своих представителей; оценка -5.

У «Новых людей» требование отмены муниципального фильтра содержалось в предвыборной платформе, но в публичных выступлениях ее представители этого вопроса не касались, отсюда оценка –4.

«Единая Россия» в своих документах данный вопрос не упоминает, но как «партия власти» она несет ответственность за его сохранение; уже этого достаточно, чтобы ей была выставлена оценка +5; однако в августе 2020 г. лидер думской фракции ЕР С. Неверов выразил готовность обсудить идею отмены фильтра для парламентских партий, поэтому оценка понижена до +4.

В документах ЛДПР вопрос муниципального фильтра не затрагивается; ранее ее представители неоднократно выступали с критикой этой нормы, но во время избирательной кампании 2021 г. представительница партии, спикер ЗС Хабаровского края И. Зикунова фактически высказалась в поддержку высокого муниципального фильтра в регионе, поэтому оценка партийной позиции – +1.

«Коммунисты России», «Зеленые», Партия роста, «Родина» при общем негативном отношении к муниципальному фильтру осмелились высказаться лишь за его снижение, отсюда оценка –1. «Гражданская платформа» и Российская партия социальной справедливости обошли проблему в документах, но их представители выступали с острой критикой нормы или даже требовали ее отмены; оценка – –2.

В ходе избирательной кампании 2021 г. было зафиксировано 186 вопросов, вызвавших поляризацию партийных позиций. Факторный анализ позиций партий, допущенных к выборам, выявил четыре фактора – вслед за Й. Баджем и его коллегами по проекту «Манифесто» будем называть их политическими измерениями (issue dimensions) (табл. 4).

Ориентируясь на наиболее расходящиеся факторные нагрузки, можно сделать выводы относительно того, какие партии противостоят друг другу по каждому политическому измерению.

Так, внутри первого политического измерения «Единая Россия», у которой факторная нагрузка имеет положительное значение, противостоит всем остальным участникам, но в первую очередь КПРФ, «Коммунистам России», ЛДПР, «Справедливой России – За Правду» и «Родине», имеющим наибольшие отрицательные факторные нагрузки. Внутри второго политического измерения «Единая Россия» противостоит либералам, прежде всего «Яблоку».

Таблица 4

Основные политические измерения на думских выборах 2021 г.

Variable	Способ извлечения: метод главных компонент (Выделенные нагрузки >.700000)			
	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4
КПРФ	-0,788	-0,065	-0,445	-0,181
РЭП «Зеленые»	-0,530	0,252	0,435	0,361
ЛДПР	-0,716	0,141	-0,063	0,130
«Новые люди»	-0,251	-0,598	0,216	-0,310
«Единая Россия»	0,135	0,838	0,187	0,053
«Справедливая Россия – За Правду»	-0,839	0,158	-0,133	-0,065
«Яблоко»	-0,141	-0,862	0,206	0,037
Партия роста	-0,540	-0,382	0,513	-0,078
Российская партия свободы и справедливости	-0,459	-0,384	-0,190	0,293
«Коммунисты России»	-0,812	-0,020	-0,371	-0,089
«Гражданская платформа»	-0,565	0,292	0,439	0,148
«Зеленая альтернатива»	-0,094	-0,266	-0,179	0,805
«Родина»	-0,729	0,387	-0,115	-0,110
Российская партия пенсионеров за соц. справедливость	-0,575	0,081	0,321	-0,186
Expl.Var	4,572	2,522	1,311	1,100
Prp.Totl	32,65%	18,01%	9,36%	7,86%

Если факторные нагрузки позволяют выявить главных участников соответствующих противостояний, то факторные оценки (factor scores), присваиваемые вопросам (cases), помогают понять, какие из них в наибольшей степени поляризуют партийные позиции по каждому из факторов (измерению). Самые большие по модулю факторные оценки как раз у таких вопросов.

Поскольку вопросов оказалось довольно много, они были разбиты на четыре группы (issue domains): 1) вопросы внутренней политики; 2) социально-экономические; 3) вопросы внешней политики; 4) мировоззренческие вопросы. Каждая из этих групп также была подвергнута факторному анализу, внутри них выделены отдельные субизмерения, каждое проинтерпретировано отдельно.

К сфере «Внутренняя политика» был отнесен 51 вопрос, касающийся политического устройства государства, проведения выборов, функционирования органов власти и других политических институтов и т.п. Факторный анализ выделил здесь три противостояния (субизмерения):

1) власть против оппозиции («Единая Россия» против всех остальных, в первую очередь КПРФ, «Коммунистов России», «Яблока», Партии роста, «Новых людей»); вопросы, вызвавшие наибольшую поляризацию (т.е. с самыми большими положительными либо отрицательными факторными оценками), – использование властью административного ресурса на выборах, расширение полномочий представительной власти, всенародное избрание глав местного самоуправления, отмена муниципального фильтра, сокращение пропорциональной системы выборов, ограничения в интернете, практика многодневного голосования, ограничения на проведение митингов (табл. 5);

2) лоялисты против оппозиционеров («Родина», РЭП «Зеленые», «Гражданская платформа» и др. против Российской партии социальной справедливости, «Яблока» и КПРФ); поляризующие вопросы – оценка политического режима в России как авторитарного, отношение к А. Навальному и его проектам, отношение к В. Путину и его поправкам в Конституцию;

3) особая позиция «Зеленой альтернативы» по ряду вопросов, в основном связанных с борьбой с коронавирусом.

Таблица 5

Поляризация по фактору «Власть против оппозиции (внутренняя политика)»

Вопросы	КПРФ	«Новые люди»	«Единая Россия»	«Яблоко»	Партия роста	«Коммунисты России»	Фактор. оценки
Использование властью на выборах административного ресурса	5	5	-5	5	5	5	-1,575
Расширение полномочий представительной власти за счет исполнительной	4	5	-4	5	5	4	-1,382
Всенародное избрание глав местного самоуправления	5	5	-5	5	5	5	-1,138
Отмена муниципального фильтра	5	5	-4	5	5	5	-1,136
...
Сокращение пропорциональной системы выборов в пользу мажоритарной	-5	-5	4	-5	0	-5	1,547
Ограничения в интернете	-4	-5	5	-5	-5	-4	1,696
Практика многодневного голосования	-5	0	5	-5	-5	-5	1,814
Ограничения на проведение митингов	-5	-3	5	-5	-5	-5	1,967

В социально-экономической предметной области (54 вопроса) обнаружены следующие субизмерения:

1) власть против оппозиции («Единая Россия» против остальных, прежде всего КПРФ, «Коммунистов России», «Родины», «Справедливой России – ЗП», ЛДПР); поляризующие вопросы – возвращение прежнего пенсионного возраста, отмена взносов на капремонт, отношение к «оптимизации» здравоохранения и образования, «мусорной» реформе, политике Центробанка и правительства и т.п.;

2) либералы («Новые люди», Партия роста, «Яблоко») против «Зеленой альтернативы»; «мусорная» реформа, распределение между гражданами природной ренты (безусловный базовый доход), перераспределение налогов в пользу регионов и муниципалитетов и некоторые другие (по большинству из них у ЗА позиция отсутствовала);

3) либералы и экологи против социал-протекционистов (КПРФ, «Коммунисты России», «Справедливая Россия – ЗП», Российская партия пенсионеров); «мусорная» реформа, распределение природной ренты, преимущества частной собственности перед государственной, пересмотр итогов приватизации 1990-х.

Во внешнеполитической сфере (46 вопросов) – три субизмерения:

1) «ястребы» против «голубей» (коммунисты и «патриоты» против «Яблока» при нейтралитете «Новых людей» и «Зеленой альтернативы»); Крым, Украина, поддержка путинской внешней политики, приоритет российского права над международным, малайзийский «Боинг» и пр.;

2) авторитаристы против демократов (КПРФ, «Единая Россия», «Родина» против экологов, РПСС и либералов); закон о нежелательных организациях, события 2020 г. в Белоруссии и пр.

3) «Новые люди» против РПСС и «Справедливой России – ЗП»; контроль над деятельностью иностранных соцсетей и IT-ресурсов, необходимость жесткого внешнеполитического курса, внешнеполитический поворот России на восток и др.

В мировоззренческой области (42 вопроса) – четыре субизмерения:

1) либералы («Яблоко») против консерваторов (коммунисты, «Родина», «Справедливая Россия – ЗП»); защита традиционных

ценностей, преследование за пропаганду ЛГБТ, отказ от ЕГЭ, патриотическое воспитание молодежи и пр.;

2) советские традиционалисты (КПРФ и КР) против прогрессистов (Партия роста, РЭП «Зеленые», «Новые люди»); отношение ко Дню России (12 июня), преимущество частной собственности перед государственной, самобытный путь России, неприятие капитализма, Октябрьская революция;

3) «Новые люди» против «Родины», ЛДПР, «Зеленой альтернативы», «Единой России»; ограничения, связанные с коронавирусом, самобытный путь России, госконтроль за просветительской деятельностью, отношение к Ельцину;

4) «Единая Россия» против РПСС и «Гражданской платформ»; расхождения по частным пунктам.

Как видим, многие субизмерения связаны с новыми партиями. У некоторых из них («Новые люди», «Зеленая альтернатива») просто отсутствовала позиция по значимым для основных участников выборов вопросам, а у Российской партии социальной справедливости набор мнений был весьма экзотическим: РПСС резко оппонировала власти в вопросах внутренней политики, занимала «ястребиные» позиции во внешней политике, сближалась с коммунистами в социально-экономических вопросах и не отличалась особенной последовательностью в мировоззренческих.

Далее с помощью корреляционного анализа было определено, с какими субизмерениями в наибольшей степени связаны основные политические измерения (табл. 6). Первое основное политическое измерение сильнее всего коррелировало с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере, второе – с противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешнеполитической сфере и лоялистов и оппозиционеров во внутривнутриполитической, третье – с противостоянием советских традиционалистов и прогрессистов в мировоззренческой сфере, четвертое – с противостоянием либералов и социал-протекционистов в социально-экономической сфере и особым местом «Зеленой альтернативы» в вопросах внутренней политики.

Можно сказать, что первое политическое измерение имело преимущественно властно-оппозиционную специфику с социально-экономическим уклоном; второе было связано с противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешнеполитической сфере и оппозиционеров и лоялистов во внутривнутриполитической; третье имело в

целом мировоззренческую природу, будучи связанным с отношением к советскому прошлому; четвертое сочетало противостояние либералов-рыночников и социал-протекционистов и специфику позиций «новых» партий.

Таблица 6

**Корреляционные связи между основными
политическими измерениями и субизмерениями
из отдельных политических областей в пространстве
межпартийной дискуссии на выборах-2021**

Variable	Корреляции			
	Выделенные корреляции значимы при $p < 0,05000$ N=14 (количество случаев)			
	Политическое измерение – 1	Политическое измерение – 2	Политическое измерение – 3	Политическое измерение – 4
Внутриполитическое: власть – оппозиция	0,592 p=,026	0,708 p=,005	0,246 p=,397	0,320 p=,265
Внутриполитическое: лоялисты – оппозиционеры	-0,178 p=,543	0,758 p=,002	0,481 p=,082	-0,056 p=,849
Внутриполитическое: «Зеленая альтернатива»	-0,262 p=,365	0,015 p=,961	0,223 p=,444	-0,891 p=,000
Социально-экономическое: власть – оппозиция	0,875 p=,000	0,239 p=,410	0,361 p=,205	0,238 p=,414
Социально-экономическое: «Новые люди» – «Зеленая альтернатива»	0,229 p=,431	-0,515 p=,060	0,679 p=,008	-0,490 p=,076
Социально-экономическое: рыночники – социал- протекционисты	0,540 p=,046	-0,184 p=,530	0,393 p=,165	0,822 p=,000
Социально-экономическое: «Новые люди» против лоялистов	0,045 p=,879	-0,645 p=,013	-0,417 p=,138	0,033 p=,910
Внешнеполитическое: «ястребы» – «голуби»	0,571 p=,033	-0,803 p=,001	0,167 p=,568	0,162 p=,580
Внешнеполитическое: авторитаристы – демократы	-0,209 p=,473	0,512 p=,061	-0,270 p=,351	-0,636 p=,014
Внешнеполитическое: «Новые люди»	0,165 p=,573	-0,351 p=,219	0,508 p=,064	-0,539 p=,047
Мировоззренческое: либе- ралы – консерваторы	0,639 p=,014	-0,623 p=,017	0,521 p=,056	0,371 p=,192
Мировоззренческое: совет- ские традиционалисты – прогрессисты	0,193 p=,509	-0,085 p=,773	0,897 p=,000	-0,251 p=,387
Мировоззренческое: «Новые люди» – «Зеленая альтернатива»	0,299 p=,300	0,307 p=,286	0,063 p=,830	0,795 p=,001

Эта картина весьма сильно отличается от сложившейся ранее. На протяжении всех прошлых избирательных кампаний (1993–2021) факторный анализ последовательно выделял в политическом пространстве России три основных измерения: 1) социально-экономическое; 2) авторитарно-демократическое; 3) системное, т.е. сочетание внешнеполитического и мировоззренческого [Коргунюк, 2013; Коргунюк, 2017; Korgunyuk, 2014].

Первое доминировало на европейской сцене на протяжении практически всей второй половины XX в. Его сердцевиной было «соотношение уровня налоговой нагрузки и социальных обязательств» («...партии правого центра отстаивают интересы налогоплательщиков, партии левого центра – интересы групп населения, получающих социальные выплаты и льготы или заработную плату за счет бюджета» [Гайдар, 2005, с. 635]), а само оно измерялось шкалой «социальное обеспечение / налоги» [Далтон, 2004, с. 240]. Социально-экономический характер по преимуществу носило «право-левое» размежевание у Й. Баджа [Budge et al., 1987], а также противостояние «социальные протекционисты против рыночных либералов» у Г. Китчельта и коллег [Kitschelt et al., 1999].

Авторитарно-демократическое измерение бытовало в Западной Европе (особенно в южной ее части) на протяжении значительной части XX в., но утратило актуальность после развала «социалистического лагеря». Вместе с тем оно по сию пору широко распространено в постсоветских странах и Латинской Америке [Stoll, 2004, p. 32; Torcal, Mainwaring, 2002; Ахременко, 2007], а в последнее время дает о себе знать и в некоторых странах Центральной и Восточной Европы [Sata, Karolewski, 2020]. В целом авторитарно-демократическое измерение проявляет себя в тех странах, где либо нарастают тенденции к электоральному авторитаризму (постсоветское пространство), либо еще жива память о недавней диктатуре (Чили) [Torcal, Mainwaring, 2002].

Третье измерение я условно называю системным – в целом оно соответствует социокультурному измерению западных демократий [Albright, 2010; Lachat, 2018; Rovny, Polk, 2019; Rovny, Whitefield, 2019]. Его можно считать полем битвы между сторонниками открытости либо закрытости общественных систем. Эта открытость / закрытость носит как временной, так и пространственный характер – в первом случае оппоненты ориентируются на

будущее / прошлое, во втором – на интеграцию наднациональных организаций или, наоборот, на изоляционизм.

Временную версию можно наблюдать в противопоставлении материалистов и постматериалистов [Inglehart, 1990], новой и старой политики [Franklin, 1992]. Пространственная версия находит выражение в противостоянии между демаркационистами и интеграционистами (т.е. теми, кто выиграл от глобализации, и теми, кто не выиграл) [Kriesi et al., 2012], универсалистами и партикуляристами [Häusermann, Kriesi, 2015], космополитами и коммунитаристами [Teney et al., 2014]. Существуют также комбинированные варианты, которые противопоставляют либертарианцев-универсалистов традиционалистам-коммунитаристам [Bornschier, 2010] или зеленых / альтернативистов / либертарианцев – традиционалистам / авторитаристам / националистам – GAL / TAN [Hooghe et al., 2002; Hooghe, Marks, 2018].

В 1993–2011 гг. иерархия политических измерений в России была следующей: на первом месте почти всегда было социально-экономическое, на втором – системное, на третьем – авторитарно-демократическое.

В 2012 г. авторитарно-демократическое измерение вышло вперед, оттеснив социально-экономическое и системное на второе и третье места (прямое следствие «белоленточной революции» 2011–2012 гг. и последовавшего за ней ужесточения репрессивного законодательства [Korgunyuk, 2014; Коргунюк, 2019]).

В 2014 г. украинский кризис вывел на первый план системное измерение – между «ястребами», или империалистами (подавляющее большинство российских партий), и «голубями», или антиимпериалистами (исключительно либералы). Авторитарно-демократическое и социально-экономическое измерения отодвинулись соответственно на второе и третье места [Коргунюк, 2019]. Та же ситуация сохранялась и на думских выборах 2017 г. [Коргунюк, 2017].

И вдруг в 2021 г. количество измерений увеличилось до четырех, а их характер стал менее определенным, более расплывчатым. Тому есть, как представляется, несколько причин.

В первую очередь, рост числа вопросов, относящихся к внешнеполитической и мировоззренческой сферам и их выделение из ранее единой системной области. Из табл. 6 видно, что противостояние «ястребов» и «голубей» доминировало во втором поли-

тическом измерении, а мировоззренческое противостояние между советскими традиционалистами и прогрессистами – в третьем.

Во-вторых, значительный рост социальных претензий к власти со стороны населения. Это привело к разделению социально-экономического измерения на две части: социальную и экономическую. Социальная, в наиболее ярком виде воплощенная в противостоянии власти и оппозиции, стала доминировать в первом политическом измерении, отодвинув на задний план внешнеполитическую и мировоззренческую (в сумме – системную) составляющую; а экономическая, выражающаяся в противостоянии либеральных рыночников и социал-протекционистов, – в четвертом.

Наконец, свою роль сыграло появление новых игроков, не вписывающихся в прежнюю расстановку сил, – прежде всего «Новых людей» и «Зеленой альтернативы». Их особая позиция по ряду важнейших вопросов (чаще всего просто отсутствующая) породила ряд субизмерений, которые наложили отпечаток и на основные политические измерения, за исключением, пожалуй, первого.

Политическая интерпретация электоральных размежеваний

Все вышесказанное относится к политическому пространству, формируемому межпартийной дискуссией и отражающему сознание элит, которым присуще хотя и субъективное, но достаточно целостное видение этого пространства. Совсем другое дело – пространство электоральное, подчиняющееся интенциям массового сознания. Последнее достаточно фрагментированно, поскольку большинство избирателей не способно воспринимать политический ландшафт целиком и смотрит на него через призму своих социальных проблем.

Чтобы понять, находят ли отклик поднимаемые элитами (партиями) вопросы у большинства избирателей, необходимо сравнить, насколько конгруэнтны политические (суб)измерения факторам территориального различия в партийном голосовании (электоральным размежеваниям). Это можно сделать с помощью корреляционного анализа (табл. 7).

Таблица 7

**Корреляционные связи между электоральными
размежеваниями и политическими измерениями
и субизмерениями на выборах-2021**

Variable	Корреляции		
	Выделенные корреляции значимы при $p < ,05000$ N=14 (количество случаев)		
	ЭР-1	ЭР-2	ЭР-3
Политическое измерение – 2	0,608	0,396	-0,021
	p=,021	p=,161	p=,944
Внутриполитическое: власть – оппозиция	0,743	-0,011	0,141
	p=,002	p=,971	p=,631
Социально-экономическое: власть – оппозиция	0,626	-0,208	0,256
	p=,017	p=,476	p=,377
Социально-экономическое: рыночники – социал-протекционисты	0,038	-0,534	0,381
	p=,898	p=,049	p=,179
Мировоззренческое: либералы – консерваторы	-0,044	-0,751	0,259
	p=,881	p=,002	p=,372

Определенное совпадение политического и электорального пространства налицо, но полной конгруэнтности нет. Первый фактор территориальных различий в партийном голосовании наиболее тесно связан с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере (авторитарно-демократическое субизмерение), но также и с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере, а заодно и со вторым основным политическим измерением, которое, напомним, представляло собой симбиоз внешнеполитического («ястребы» – «голуби») и авторитарно-демократического противостояний.

Второй фактор территориальных различий в наибольшей степени был связан с противостоянием либералов и консерваторов в мировоззренческой сфере, но также и с противостоянием рыночников и социал-протекционистов. На выборах 2016 г. противостояние рыночников и социал-протекционистов выигрывало у противостояния «ястребов» и «голубей» [Коргунюк, 2019].

Расхождение между электоральным и политическим пространствами России возникло в начале 2000-х. В 1990-х доминирующее электоральное размежевание в наибольшей степени коррелировало с социально-экономическим и мировоззренческим измерениями, которые занимали ведущие позиции и в политическом пространстве.

С приходом к власти В. Путина первое электоральное размежевание приобрело отчетливую авторитарно-демократическую окраску, притом что в иерархии политических измерений авторитарно-демократическое противостояние оставалось на третьем месте. Основными причинами этого были централизация административного ресурса (в 1990 г. он находился главным образом в руках региональных элит), усиление административного давления на избирателей, рост электоральных манипуляций и фальсификаций.

Ситуация не изменилась и после 2014 г., когда на первое место в политическом пространстве вышло противостояние «ястребов» и «голубей» (системное измерение), авторитарно-демократическое измерение отошло на второе место, а социально-экономическое на третье [Коргунюк, 2017; Коргунюк, 2019].

На выборах 2021 г., как можно заметить, усложнение структуры политического пространства не повлекло за собой особых изменений в пространстве электоральном, если не считать того, что у второго электорального размежевания ослабела социально-экономическая составляющая и усилилась мировоззренческая.

Социальная база электоральных размежеваний

Электоральное размежевание – это политическое противостояние, имеющее социальную подоплеку, и эту социальную составляющую в нем необходимо вычленить. Количественные методы и здесь облегчают процесс.

Выше уже говорилось, что факторный анализ присваивает переменным (партиям) факторные нагрузки (factor loadings), а случаям (территориальным единицам) – факторные оценки (factor scores). Последние, в частности, приведены в табл. 2. Эти факторные оценки можно сравнить с демографическими и социально-экономическими показателями соответствующих регионов.

Д. Слайдер, В. Гимпельсон и С. Чугров, впервые применившие факторный анализ для выявления электоральных размежеваний, использовали с этой целью корреляционный анализ [Slider, Gimpelson, Chugrov, 1994]. Позже данная методика была применена к польским выборам Т. Зарицким и А. Новаком [Zarycki, 1999; Zarycki, Nowak, 2000; Zarycki, 2002]. А. Ахременко использовал с той же целью множественную линейную регрессию [Ахременко,

2007]. Проблемой при этом оставался методологический запрет на включение в анализ высоко коррелирующих между собой демографических и социально-экономических показателей, используемых в качестве независимых переменных (присутствие таких показателей способно сильно исказить результаты множественной линейной регрессии). Чтобы решить эту проблему, я в свое время начал подвергать сами эти показатели факторному анализу и использовать для сравнения полученные в результате факторные оценки регионов [Коргунюк, 2013; Korgunyuk, 2014].

На основе 28 взятых с сайта Роскомстата¹ демографических и социально-экономических показателей субъектов Федерации на начало 2021 г. [Коргунюк, 2023, табл. 9] факторный анализ выделил пять факторов межрегиональной социально-демографической дифференциации, которые были интерпретированы как: 1) демографические характеристики; 2) уровень урбанизации; 3) социальное благополучие населения; 4) экономическая самостоятельность населения; 5) социальная поддержка населения.

Для поиска связей между факторными оценками регионов в электоральном и социально-демографическом пространствах была использована множественная линейная регрессия, позволяющая учитывать кумулятивный эффект наложения нескольких факторов социально-демографической дифференциации. Факторные оценки в электоральном пространстве использовались как зависимые переменные, факторные оценки в социально-демографическом пространстве – как независимые.

Регрессионный анализ обнаружил связь с социально-демографическими факторами только у первых двух электоральных размежеваний.

Первое электоральное размежевание («Единая Россия» против остальных) оказалось связано в первую очередь с урбанизацией, затем с социальным благополучием и в наименьшей степени с демографическими характеристиками (табл. 8) – чем выше уровень урбанизации, тем менее охотно избиратели голосовали за «Единую Россию», и напротив, уровень социального благополучия региона и его демографический состав (в частности, доля нетрудо-

¹ Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата посещения: 11.08.2023).

способного населения) положительно влияли на поддержку «партии власти».

Таблица 8

Регрессионные модели связей между факторами территориальных различий в партийном голосовании и факторами межрегиональной социально-демографической дифференциации

	Электоральное размежевание – 1	Электоральное размежевание – 2
Коэффициент детерминации- R^2 (p-level)	0,544 (0,000)	0,225 (0,000)
	Beta-коэффициент (стандартная ошибка)	
1. Демографические характеристики	0,163 (0,075)	0,220 (0,098)
2. Уровень урбанизации	-0,545 (0,075)	
3. Социальное благополучие	0,472 (0,075)	-0,318 (0,098)
4. Экономическая самостоятельность		-0,270 (0,098)

Второе электоральное размежевание (либералы против консерваторов и социал-протекционистов) связано прежде всего с социальным благополучием и экономической самостоятельностью населения: чем менее благополучен регион и более самостоятельно его население, тем более оно готово поддержать либералов, при этом к поддержке консерваторов и социал-протекционистов склоняет пожилой возраст.

Таким образом, с известной долей уверенности можно предположить, что противостояние власти и оппозиции во внутривнутриполитической и социально-экономической сферах связано прежде всего с уровнем урбанизации, а противостояние либералов и консерваторов (социал-протекционистов) – с социальным благополучием населения и с его экономической активностью.

Специальные инструменты измерения электоральных размежеваний

Предыдущие изыскания не отражают того, какая часть голосующих охвачена выявленными электоральными размежеваниями, сколько из них руководствуются политическими предпочтениями и в какой степени их выбор обусловлен социальными факторами.

Между тем высчитать эти показатели можно. Известны доли голосов, полученных партиями в целом по стране, а их факторные нагрузки (factor loadings) указывают на степень вовлеченности партии в каждое из размежеваний. Если перемножить проценты голосов и факторные нагрузки партий по каждому из размежеваний, получится своего рода коэффициент их участия в данных размежеваниях. Они будут носить как отрицательный, так и положительный характер, но если сложить их модули, то получится коэффициент **максимального ареала** (M_c), указывающий максимально возможное число избирателей, участвующих в каждом размежевании.

Его формула имеет следующий вид:

$$M_c = \sum_p^n |FLp|,$$

где p – доля голосов, полученных каждой партией по пропорциональной системе; n – количество партий, участвовавших в голосовании; $|FLp|$ – модуль факторной нагрузки каждой партии по данному размежеванию.

Коэффициенты участия партий в размежеваниях с положительным и отрицательным знаками указывают соотношение сторон. Если одна из них значительно превосходит другую, нельзя говорить о равной борьбе. Скорее всего, она ведется на периферии ареала более сильного противника, имеющего некие преимущества. Поэтому полезнее ориентироваться на слабейшую сторону, показатели которой сообщают, для какой части электората борьба была относительно конкурентной.

Отсюда возникает понятие **эффективного ареала** электорального размежевания, коэффициент которого рассчитывается путем удвоения ареала слабейшей стороны противостояния по следующей формуле: $E_c = 2M_{c_{\min}}$, где $M_{c_{\min}}$ – ареал более слабой стороны размежевания¹.

Коэффициент максимального ареала показывает, какую долю избирателей то или иное электоральное размежевание могло охватить теоретически, а коэффициент эффективного ареала – какую долю оно охватывало скорее всего на самом деле. Выяснить же, для какой доли избирателей выбор обуславливался политическими

¹ Образец таблицы расчета коэффициентов максимального и эффективного ареалов можно найти в [Коргунюк, 2019 а, табл. 10].

предпочтениями и социальным положением, можно с помощью еще двух инструментов – коэффициентов политизации (P_c) и социализации (S_c).

Они получаются умножением коэффициента эффективного ареала размежевания на коэффициент детерминации связи факторных нагрузок партий в электоральном пространстве с их же факторными нагрузками в политическом и социально-демографическом пространствах. Использование коэффициентов детерминации, т.е. возведенных в квадрат коэффициентов корреляции (парной и множественной), для расчетов в электоральной сфере, – практика хрестоматийная [Ахременко, 2006, с. 129–130, 141–142].

Формула **коэффициента политизации**: $P_c = E_c \times R^2$, где R^2 – наиболее высокий коэффициент детерминации связи ЭР с одним из политических (суб)измерений.

Формула **коэффициента социализации**: $S_c = E_c \times R^2$, где R^2 – коэффициент детерминации, отражающий связь ЭР с набором социально-демографических факторов.

Для расчета коэффициента политизации пришлось использовать парную корреляцию, поскольку число случаев (14 – по количеству участвующих в выборах партий) слишком мало для множественной регрессии. А вот количество случаев (субъектов Федерации) – 85 – при расчете коэффициента социализации оказалось достаточно и для множественной регрессии.

В табл. 9 приведены все вышеуказанные коэффициенты для думских выборов 2021 г. Как видим, самый большой коэффициент максимального ареала у первого электорального размежевания (более 80), у второго он почти вчетверо ниже (более 20), у третьего еще вдвое ниже (чуть больше 11). Разница между коэффициентами максимального и эффективного ареалов, которая указывает на уровень конкуренции (чем она меньше, тем больше конкуренция), оказывается максимальна в первом ЭР – почти 15%, во втором эти показатели практически равны, в третьем разница тоже невелика.

Что касается коэффициентов политизации и социализации электоральных размежеваний, то у первого электорального размежевания они практически равны по значению, а вот у второго P_c более чем вдвое превысил S_c , из чего можно заключить, что политические мотивы повлияли на выбор избирателей сильнее, чем их социальное положение.

По третьему электоральному размежеванию о коэффициентах политизации и социализации говорить не приходится – статистически значимых связей с политическим и социально-демографическим пространствами у него не выявлено. Следовательно, его можно считать случайной флуктуацией.

Таблица 9

Коэффициенты максимального и эффективного ареалов, политизации и социализации электоральных размежеваний на думских выборах 2021 г.

	Электоральное размежевание – 1	Электоральное размежевание – 2	Электоральное размежевание – 3
Максимальный ареал	80,56	20,57	11,22
Эффективный ареал	65,70	20,14	9,75
Коэффициент политизации	36,24	11,35	–
Коэффициент социализации	35,76	4,53	–

Трактовать эти показатели можно следующим образом. Первое электоральное размежевание охватывало от 65 до более 80% избирателей, принявших участие в голосовании, но, скорее всего, разницу между этими двумя значениями обеспечило подыгрывание властей «Единой России» – посредством как односторонней пропаганды и неравных правил игры, так и прямых вбросов [Выборы строгого режима... 2022]. Доля же избирателей, чей выбор был обусловлен политическими предпочтениями и социальным положением, составляла около 36%.

Соотношение сил по второму электоральному размежеванию было примерно равным, что говорит о его вполне конкурентном характере. Оно охватывало немногим более 20% избирателей, половина из которых сделала свой выбор исходя из политических предпочтений. Выбор примерно 5% имел социальную подоплеку.

Третий фактор территориальных различий в партийном голосовании, судя по всему, был «мусорным». Охватывая около 10% избирателей, он не имел тем не менее ни политической интерпретации, ни социальной базы и не может быть признан электоральным размежеванием.

Разумеется, приведенные цифры носят условный и не очень надежный характер. Вероятно, они обозначают некие границы, которые не может превысить доля избирателей, охваченных тем или иным электоральным размежеванием. Но и такие приближи-

тельные данные позволяют сравнивать различные случаи не «на глаз», а опираясь на конкретику, что открывает путь для дальнейшего совершенствования методик.

Заключение

Массовая компьютеризация существенным образом повлияла на развитие социального знания, создав, в частности, широкое поле для использования математических методов. То, что раньше требовало приглашения специалистов со стороны, теперь сделалось рутинной, доступной в том числе и гуманитариям.

В результате расширились возможности исследователей свободно экспериментировать, не сталкиваясь с проблемой дефицита машинных мощностей. Там, где в былые времена требовались усилия целых институтов, теперь достаточно не самого мощного персонального компьютера.

В статье продемонстрировано, каким образом использование математических методов, входящих в стандартный статистический пакет (SPSS, Statistica и пр.) углубляет и расширяет возможности изучения электоральных размежеваний и политических (суб)измерений.

Выявлять размежевания стало возможным не «на глаз», как прежде, но опираясь на конкретные данные, получаемые с помощью корреляционного и факторного анализа. Последний, в частности, позволил вычленять не только главное размежевание, но и менее заметные, лежащие в его тени.

То же самое касается и политической интерпретации электоральных размежеваний, ранее основывавшейся больше на исследовательской интуиции. Тот же факторный анализ позволил редуцировать множество межпартийных противостояний по отдельным вопросам (issues) в политические измерения (issue dimensions) и суб-измерения в отдельных предметных областях (issue domains).

Корреляционный и регрессионный анализ сделали возможным определить степень соответствия пространства электоральных размежеваний пространству политических (суб)измерений и социально-демографических факторов.

Полученные в результате показатели – факторные нагрузки (factor loadings) электоральных размежеваний, политических (суб)измерений и социально-демографических факторов, квадраты

коэффициентов парной и множественной регрессии (коэффициенты детерминации) – создали базу для выработки новых инструментов измерения размежеваний: коэффициентов максимального и эффективного ареалов, а также коэффициентов политизации и социализации электоральных размежеваний.

Можно надеяться, что в дальнейшем использование этих инструментов позволит дать ответ на многие другие интересующие исследователей вопросы.

Yu.G. Korgunyk*

Cleavage theory and quantitative methods in political science

Abstract. The article demonstrates how the use of mathematical methods deepens and expands the possibilities of studying electoral cleavages and political (sub)dimensions. It is noted that factor analysis makes it possible to reveal not only the main cleavage, but also less noticeable, lying in its shadow, as well as to reduce the set of inter-party confrontations on individual issues into political (issue) dimensions and sub-dimensions in issue domains.

Further, correlation and regression analyses provide an opportunity to check to what extent the space of electoral divisions is congruent with the space of political (sub)dimensions and socio-demographic factors. The resulting indicators – factor loadings of electoral cleavages, political (sub)dimensions and socio-demographic factors, determination coefficients – form the basis for creation of new tools for measuring cleavages: coefficients of maximum and effective range, as well as politicization and socialization coefficients of electoral cleavages.

Keywords: mathematical methods in political science; electoral cleavages; political dimensions; tools for measuring electoral cleavages

For citation: Korgunyk Yu.G. Cleavage theory and quantitative methods in political science. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 95–126. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.04>

References

- Akhremenko A.S. *Political analysis and forecasting: textbook*. Moscow: Gardariki, 2006, 333 p. (In Russ.)
- Akhremenko A.S. *The structure of the electoral space*. Moscow: Socio-political thought, 2007, 319 p. (In Russ.)

* **Korgunyk Yuri**, INION RAN (Moscow, Russia), e-mail: partinform@mail.ru

- Albright J.J. The multidimensional nature of party competition. *Party politics*. 2010, Vol. 16, N 6, P. 699–719.
- Bornschieer S. *Cleavage politics and the populist right: the new cultural conflict in Western Europe*. Philadelphia: Temple university press, 2010, 260 p.
- Budge I., Homola J. How far have european political parties followed the Americans to the right in the later post-war period? *Cambio. Rivista sulle Trasformazioni Sociali*. 2012, N 2 (4), P. 71–86.
- Budge I., Robertson D., Hearl D. (eds). *Ideology, strategy and party change: spatial analyses of post-war election programmes in 19 democracies*. Cambridge: Cambridge university press, 1987, P. 15–38.
- Dalton R. The structure of political relations. *Political science (RU)*. 2004, N 4, P. 235–241. (In Russ.)
- Franklin M. The decline of cleavage politics. In: Franklin M., Mackie T., and H. Valen (eds). *Electoral change: Responses to evolving social and attitudinal structures in Western countries*. Cambridge, UK: Cambridge university press, 1992, P. 381–402.
- Gaidar E.T. *A long time. Russia in the World: essays on economic history*. Moscow: Delo, 2005, 1070 p. (In Russ.)
- Häusermann S., Kriesi H. What do voters want? Dimensions and configurations in individual-level preferences and party choice. *The politics of advanced capitalism*. Cambridge: Cambridge university press, 2015, P. 202–230.
- Hooghe L., Marks G. Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage. *Journal of European public policy*. 2018, Vol. 25, N 1, P. 109–135.
- Hooghe L., Marks G., Wilson C.J. Does left/right structure party positions on European integration? *Comparative political studies*. 2002, Vol. 35, N 8, P. 965–989.
- Inglehart R. *Cultural shift in advanced industrial society*. Princeton, NJ: Princeton university press, 1990, 504 p.
- Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Toka G. *Post-communist party systems: competition, representation, and interparty cooperation*. Cambridge: Cambridge university press, 1999, 476 p.
- Korgunyuk Yu. Cleavage theory and elections in post-soviet Russia. *Perspectives on European politics and society*. 2014, Vol. 15, N 4, P. 401–415.
- Korgunyuk Yu.G. Presidential elections in post-Soviet Russia through the prism of the concept of disengagement. *Politeia*. 2018, N 4, P. 32–69. (In Russ.)
- Korgunyuk Yu. Issue dimensions and cleavages: how the Russian experience helps to look for cross-points. *Russian politics*. 2020, N 5, P. 206–235. DOI: <https://doi.org/10.30965/24518921-00502004>
- Korgunyuk Yu.G. 2016 presidential campaign: electoral divisions, their political interpretation and social background. In: Kuznetsov A. (ed.). *The Trump Phenomenon*. Moscow: Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2020, P. 50–67. (In Russ.)
- Korgunyuk Yu.G. Cleavage theory and the issue dimensions theory: intersection points. *Polis. Political studies*. 2019, N 6, P. 95–112. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.08> (In Russ.)

- Korgunyuik Yu.G. Elections by proportional system as a mass poll of public opinion. *Political science (RU)*. 2017, N 1, P. 90–119. (In Russ.)
- Korgunyuik Yu.G. Electoral cleavage structure: 2021 State Duma Election. *Electoral politics*. 2023, N 1 Mode of access: <http://electoralpolitics.org/en/articles/struktura-elektoralnykh-razmezhevaniy-po-itogam-dumskikh-vyborov-2021-goda> (accessed: 07/11/2023).
- Korgunyuik Yu.G. New tools for measuring electoral divisions: from macro to micro level. *Electoral politics*. 2019 a, N 1. Mode of access: <http://electoralpolitics.org/en/articles/novye-instrumenty-izmereniya-elektoralnykh-razmezhevaniy-ot-makro-k-mikrourovniu/> (accessed: 07.11.2023).
- Korgunyuik Yu.G. The concept of demarcations and factor analysis. *Politeia*. 2013, N 3, P. 31–51. (In Russ.)
- Kriesi H., Grande E., Dolezal M., Helbling M., Hoglinger D., Hutter S., Wuest B. *Political conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, 349 p.
- Lachat R. Which way from left to right? On the relation between voters' issue preferences and left–right orientation in West European democracies. *International political science review*. 2018, Vol. 39, N 4, P. 419–435.
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction. In: Lipset S.M., Rokkan S. (eds). *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*. New York; London: The Free Press, Collier-MacMillan limited, 1967, P. 1–64.
- Lipset S.M., Rokkan S. (eds). *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York; London: The Free Press, Collier-MacMillan limited, 1967 a, 554 p.
- Lukyanova E., Poroshin E. (ed.). *High security elections. How Russian elections became non-elections, and what to do about it? Political and legal research with elements of mathematics*. Moscow: Thought, 2022, 400 p. (In Russ.)
- Rovny J., Polk J. New wine in old bottles: explaining the dimensional structure of European party systems. *Party politics*. 2019, Vol. 25, N 1, P. 12–24.
- Rovny J., Whitefield S. Issue dimensionality and party competition in turbulent times. *Party politics*. 2019, Vol. 25, N 1, P. 4–11.
- Sata R., Karolewski I.P. Caesarean politics in Hungary and Poland. *East European politics*. 2020, Vol. 36, N 2, P. 206–225.
- Slider D., Gimpelson V.E., Chugrov S. Political tendencies in Russia regions – evidence from the 1993 parliamentary elections. *Slavic review*. 1994, Vol. 53, N 3, P. 711–732.
- Stoll H. *Social cleavages, political institutions and party systems: putting preferences back into the fundamental equation of politics*. A dissertation submitted to the department of political science and the committee on graduate studies in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Santa Barbara: University of California, 2004. Mode of access: <http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf> (accessed: 27.06.2023).
- Teney C., Laceywell O.P., de Wilde P. Winners and losers of globalization in Europe: attitudes and ideologies. *European political science review*. 2014, Vol. 6, N 4, P. 575–95.
- Torcal M., Mainwaring S. The political recrafting of social bases of party competition: Chile, 1973–95. *British journal of political science*. 2002, N 33, P. 55–84.

- Zarycki T. Four dimensions of center-periphery conflict in the Polish electoral geography. In: *Social change. Adaptation and resistance*. Warsaw: Warsaw University – Institute for Social Studies, 2002, P. 19–38.
- Zarycki T. The New electoral geography of central Europe. *Research support scheme electronic library*, Open Society Institute, Budapest, 1999, 81 p.
- Zarycki T., Nowak A. Hidden dimensions: the stability and structure of regional political cleavages in Poland. *Communist and post-communist studies*. 2000, Vol. 33, N 2, P. 331–354.

Литература на русском языке

- Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2006. – 333 с.
- Ахременко А.С. Структура электорального пространства. – М.: Социально-политическая мысль, 2007. – 319 с.
- Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. – М.: Дело, 2005. – 1070 с.
- Даттон Р. Структура политических связей // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 235–241.
- Коргунюк Ю.Г. Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения // Политическая наука. – 2017. – № 1. – С. 90–119.
- Коргунюк Ю.Г. Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 95–112. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.08>
- Коргунюк Ю.Г. Концепция размежеваний и факторный анализ // Полития. – 2013. – № 3. – С. 31–51.
- Коргунюк Ю.Г. Новые инструменты измерения электоральных размежеваний: от макро- к микроуровню // Электоральная политика. – 2019 а. – № 1. – Режим доступа: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/novye-instrumenty-izmereniia-elektoralnykh-razmezhevanii-ot-makro-k-mikrourovniu/> (дата посещения: 11.07.2023).
- Коргунюк Ю.Г. Президентская кампания 2016 г.: электоральные размежевания, их политическая интерпретация и социальный бэкграунд // Феномен Трампа / под ред. А.В. Кузнецова. – М.: ИНИОН РАН, 2020. – С. 50–67.
- Коргунюк Ю.Г. Президентские выборы в постсоветской России через призму концепции размежеваний // Полития. – 2018. – № 4. – С. 32–69.
- Коргунюк Ю.Г. Структура электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2021 года: тенденции трансформации и подходы к изучению // Электоральная политика. – 2023. – № 1 Доступ: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/struktura-elektoralnykh-razmezhevanii-po-itogam-dumskikh-vyborov-2021-goda/> (дата посещения: 11.07.2023).
- Выборы строгого режима. Как российские выборы стали невыборами, и что с этим делать? Политико-правовое исследование с элементами математики / под ред. Е. Лукьяновой, Е. Порошина. – М.: Мысль, 2022. – 400 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Позиции партий по отношению
к муниципальному фильтру на лето 2021 г.**

Партия	Позиция	Средний балл (от -5 до +5)
1	2	3
«Единая Россия»	С. Неверов: «В Госдуме готовы обсуждать идею отмены муниципального фильтра для парламентских партий» (05.08.2020)	+4
КПРФ	Заксобрание Санкт-Петербурга: «Фракция [КПРФ] принципиально выступала за: ...выборы губернатора Санкт-Петербурга без “муниципального фильтра”...» (18.06.2021) А. Наумов: «КПРФ решительно выступает за отмену вала запретов и “фильтров”...» (26.06.2021) О. Смолин: «...сказав “а” – верните прямые выборы, нужно говорить и “б” – давайте отменим муниципальный фильтр» (14.07.2021)	-5
«Справедливая Россия – За Правду»	М. Емельянов: «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ЗА ПРАВДУ выступает за отмену муниципального фильтра на выборах губернаторов и др.» (02.06.2021) О. Шенин: «...мы за то, чтобы ...были прямые всенародные выборы, без всяких муниципальных фильтров» (14.07.2021) Г. Семигин: «Вернуться к проведению всенародных выборов глав регионов, муниципальных образований, городов и районов без каких-либо барьеров и “фильтров”» (22.07.2021) С. Миронов: «...мы ...много лет боремся против муниципального фильтра – этого позорного явления, которое превращает выборы в фикцию» (28.07.2021)	-5
ЛДПР	И. Зикунва: «Подвергать сомнению ответственность депутатов муниципального уровня как минимум необоснованно, так как этих людей выбрали граждане. Там муниципальный фильтр становится сигналом для избирателей быть внимательными к своему праву избирателя, интересоваться кандидатами, их репутацией, опытом работы, политической платформой» (05.03.2021) А. Шерин: «И мы прекрасно понимаем, зачем ... устанавливают муниципальный фильтр для участия в выборах губернаторов» (27.04.2021)	+1

Продолжение таблицы

1	2	3
«Яблоко»	Б. Вишневецкий: «... избирались они без реальной конкуренции, при заранее заботливо отсеченных при помощи “муниципального фильтра” мало-мальски опасных соперниках и при полном господстве административного ресурса» (24.03.2021) С. Митрохин: «Это просто заградительный барьер, который даже при поддержке партии преодолеть невозможно» (24.03.2021) А. Гнездилов: «За счет муниципального фильтра избирательная борьба практически всегда фиктивна» (11.05.2021)	-5
«Коммунисты России»	Предвыборная платформа: «Мы ...снизим муниципальный фильтр на выборах губернаторов регионов» (30.06.2021) «Хабаровское краевое отделение ...не будет принимать участие в выборах губернатора... Крайне сложно преодолеть искусственно созданный буржуазный фильтр» (02.08.2021)	-1
Рос. партия пенсионеров за социальную справедливость		0
РЭП «Зеленые»	«Алексей Гусенков особо остановился на минимизации формальных фильтров на участие партий в выборах различных уровней» (10.12.2013)	-1
«Гражданская платформа»	«[А.] Юшин выступает за ...выборность мэров и губернаторов, отмену муниципальных фильтров и запрет любому выборному лицу занимать должность более двух сроков подряд» (13.09.2021)	-2
Партия роста	О. Чернов: «...новые политические структуры не хотят пускать во власть, устанавливая всевозможные фильтры» (11.03.2021)	-1
«Родина»	М. Косенков: «Бессмысленно выдвигаться тогда, когда зарегистрироваться невозможно. прежде чем стать зарегистрированным кандидатом на должность главы администрации области, необходимо собрать в поддержку такого выдвижения подписи муниципальных депутатов, большинство которых представители партии власти» (10.06.2020)	-1
«Новые люди»	Предвыборная платформа: «Отменить барьеры ... отменить муниципальный фильтр на выборах губернаторов» (22.08.2021)	-4
«Зеленая альтернатива»		0
Российская партия социальной справедливости	М. Шевченко: «...власть нагло использует административный ресурс ...не допускает кандидатов оппозиционных до выборов губернаторов, контролируя муниципальный фильтр» (03.06.2021)	-2

КОНТЕКСТ

В.С. АВДОНИН, В.Л. СИЛАЕВА*

НЕЙРОСЕТИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Аннотация. В статье процессы влияния технологических изменений на политическую науку исследуются на примере технологии нейросетей нового поколения (чат GPT и др.), вызвавших большой резонанс в медиасфере на рубеже 2022–2023 гг. Анализу собственно этого влияния авторы предпосылают краткий историко-научный обзор возникновения и развития нейросетевых технологий и тех их особенностей и возможностей, которые нашли воплощение в системах нового поколения. Само появление этих систем и демонстрация их возможностей в различных областях и сферах деятельности рассматривается не только как важный этап в развитии компьютерных технологий, прокладывающий путь к созданию «сильного» искусственного интеллекта (ИИ), но и как событие в мировом технологическом развитии, способное влиять на самые разные области жизни и деятельности человечества, что показывает беспрецедентная реакция на него в мировой политике (вплоть до мирового саммита и СБ ООН). В статье также освещается философский контекст, в котором предпочтительно вести осмысление этих новых технологий и их возможностей. Таковым может быть область философии информации и ее трактовка в трудах философа Лючано Флориди, обла-

* **Авдонин Владимир Сергеевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: avdoninvla@mail.ru; **Силаева Виктория Леонидовна**, кандидат философских наук, научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: seva@starlink.ru

DOI: 10.31249/poln/2023.04.05

дающая рядом преимуществ перед другими подходами. В анализе влияния этих новых технологий на социально-политические науки авторы исходят из концепции гибридных междисциплинарных научных областей, которые возникают на стыках наук и обладают особенностями, отличающими их от традиционных полей этих наук. В статье рассматриваются гибридные области вычислительных социальных наук, развивающиеся на стыке компьютерных и социальных наук. На примере политической науки авторы предлагают рассмотреть два сценария («адаптационный» и «ревизионистский») влияния на нее появившихся технологий ИИ нового поколения, каждый из которых уже находит некоторое проявление в ряде новейших публикаций политологов.

Ключевые слова: нейронные сети; искусственный интеллект; большие языковые модели; философия ИИ; философия информации; Лючано Флориди; инфосфера; социальные науки; гибридные области; вычислительные социальные науки; традиционная политология; реформа политических теорий.

Для цитирования: Авдонин В.С., Силаева В.Л. Нейросети нового поколения в контексте технологий искусственного интеллекта, философии и социально-политических наук // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 127–154. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.05>

Введение

Исследования и практическое применение искусственного интеллекта (ИИ) получили новый мощный импульс в наступившем третьем десятилетии XXI в. Пока трудно оценить в полной мере все его масштабы, аспекты и тем более последствия для дальнейшего развития различных областей науки и практики. Но среди лежащих на поверхности причин и условий можно обратить внимание на появление и быстрое распространение в широком публичном доступе новых сервисов ИИ, связанных с нейросетями нового поколения. Оно вызвало в последний год буквально взрыв разного рода оценок, прогнозов и действий как в кругах специалистов разного профиля (не только связанных с ИИ), так и среди широкой публики и даже в мировой политике. Возможно, что мы здесь имеем дело с событием, способным повлиять на ход мирового технологического развития и затрагивающим многие стороны жизни, в том числе и область социально-политических наук.

В нашем подходе мы исключаем жесткое противопоставление социально-политических и технико-технологических аспектов этой проблематики, а, напротив, основываемся на принципе их взаимодействия и взаимовлияния. Исходя из этого, методологиче-

скому анализу потенциала влияния нового поколения нейросетевого интеллекта на социально-политические науки должно предшествовать его хотя бы краткое технологическое рассмотрение, позволяющее лучше понять и проблемы развития этих новых технологий и характер, и потенциал их влияния на познавательные, социальные и политические процессы. Мы полагаем сначала кратко остановиться на истории появления и развития нейросетевых технологий, включая условия их перехода к новому современному этапу. Затем рассмотрим сам этот этап сквозь призму открывающихся возможностей, сфер применения, перспектив развития, а также рисков этих технологий, вызывающих столь бурную общественную реакцию. Далее мы полагаем поместить их в контекст современной философской проблематики, сопоставляя оптику и особенности двух смежных контекстных подходов – философии искусственного интеллекта и философии информации. И, наконец, перейти к оценке влияния этих технологий в области социально-политических наук, используя науковедческую концепцию междисциплинарных трансферов и междисциплинарных (гибридных) научных областей. И уже в этом контексте проанализировать их влияние на политическую науку.

Метод исследования, используемый в данной статье, преимущественно эмпирико-описательный, историко-технологический, историко-философский, историко-научный, дополненный в ряде случаев элементами науковедческого и теоретико-категориального анализа.

Возникновение и развитие технологий нейронных сетей

Большинство новых сервисов ИИ, вызвавших столь бурную реакцию в последнее время, в основном базируется на технологиях искусственных нейронных сетей, разработка которых началась еще в середине прошлого века. В истории компьютерных технологий появление нейронных сетей и нейрокомпьютеров обычно связывается с применением к области разработки компьютерной техники тех знаний, идей и подходов, которые были получены при изучении естественных нейронов и нейронных сетей, обнаруженных в мозгу человека и животных. Уподобление работы компьютеров работе нейросетей мозга ведет в этом случае к переворачи-

ванию известной «компьютерной» метафоры, сравнивающей работу мозга с работой компьютеров. На этой почве возникли и определенные междисциплинарные связи между биологической нейронаукой и исследованиями искусственного интеллекта как отрасли компьютерных наук (область нейроинформатики), составившими часть еще более обширного поля так называемых когнитивных наук, сформировавшегося несколько позднее.

Как часть компьютерных наук, исследование нейросетей за почти восемь десятилетий прошло значительный путь развития. Сегодня мы не только значительно лучше знаем, что происходит в накапливающих, сохраняющих, обрабатывающих и преобразующих информацию искусственных нейросетях, но и можем их моделировать, обучать, совершенствовать, использовать и управлять ими. Ключевыми вехами на этом пути считаются: создание математической модели искусственного нейрона и создание первых алгоритмов обучения искусственной нейронной сети (1940-е годы); создание первого нейрокомпьютера (перцептрона), моделирующего работу нейронной сети мозга (1950-е годы); создание многослойных нейронных сетей и алгоритмов обучения по правилам «градиентного спуска» (1960-е годы)¹; разработка нейронных сетей, обладающих памятью и обучающихся по правилам «обратного распространения (ошибки)» (1970-е годы); теоретическое обоснование работы и создание нейросетей с различной архитектурой и различными типами алгоритмов обучения (1980-е годы); рост вычислительной мощности компьютеров и создание сетей и алгоритмов «глубокого обучения», работающих с большими объемами данных (1990–2000-е годы); разработка и внедрение технологии «больших языковых моделей» и разнообразных интернет-сервисов и программ, работающих на основе искусственных нейронных сетей (2010-е годы). [Russel, Norvig, 2021]

Технология нейросетей является сегодня важной и наиболее быстро развивающейся составной частью области технологий ис-

¹ Важным моментом, повлиявшим на развитие нейросетей в этот период, стали работы [Minsky, Pappert, 1969], указавшие на трудности корректного выполнения в этих сетях операции логической дизъюнкции (операции XOR – «исключающего ИЛИ»). Считается, что это тормозило развитие нейросетей в 1970-е годы, но было преодолено к концу 1980-х годов, когда были найдены средства корректного обеспечения этой операции в нейросетях с помощью статистических методов.

кусственного интеллекта. В самой этой области обычно условно выделяются две большие группы подходов или вычислительных формализмов: логико-символические и сетевые (коннекционистские). Первые представляют собой подходы, ориентирующиеся на сложные логические формализмы и создание ИИ «высокого уровня», способного решать, прежде всего, сложные интеллектуальные задачи (проводить сложные вычисления, решать трудные головоломки, доказывать сложные теоремы и т.д.), и уже во вторую очередь пытаться заниматься решением более простых задач. Вторая группа, напротив, предлагает при строительстве ИИ использовать самые простые, элементарные вычислительные формализмы, доступные для клеточных автоматов, объединяемые в многослойные сети, что позволяет переходить от простых решений к сложным, опираясь на обучение и моделирование естественного интеллекта (естественные языки, биологические нейросети и др.). История разработки технологий ИИ с середины прошлого века позволяет проследить своего рода конкуренцию этих подходов [Charniak, McDermott, 1985; Bringsjord, Govindarajulu, 2022].

На первых порах определенным приоритетом пользовались подходы первой группы, которые в основном ассоциировались с так называемым символическим моделированием ИИ, базирующемся на высокоуровневом символическом представлении задач, символической логике, семантических базах знаний и алгоритмах поиска. Символическая (семиотическая) парадигма в технологиях ИИ считалась доминирующей с 50-х до середины 90-х годов XX в. Она демонстрировала как важные достижения, так и определенные проблемы, связанные в основном с «жесткостью» и «неподатливостью» воплощенных в ней логик. Исследователи отмечают, что в развитии этой парадигмы технологий ИИ возникали как периоды подъема, так и «зимы», т.е. периоды, когда успехи и надежды сменялись разочарованием и стагнацией [Bringsjord, Govindarajulu, 2022].

На этом фоне развитие технологии нейросетей, которые входили в группу технологий, «восходящих» от простых операций к сложным через обучение, выглядело маргинальным. Оно тоже прошло периоды расцвета и стагнации, но в целом по концентрации финансовых и интеллектуальных ресурсов заметно уступало символической или классической парадигме технологий ИИ. Это положение изменилось в середине 2000-х годов, когда в технологиях развития нейросетей начался новый подъем. Современные

исследователи истории ИИ, ретроспективно оценивая причины этого явления, отмечают, что новому взлету нейросетей в этот период способствовало сочетание нескольких факторов [Russel, Norvig, 2021].

Во-первых, важным обстоятельством стало наращивание вычислительной мощности компьютеров за счет широкого внедрения новой аппаратной базы (микропроцессоры, графические процессоры, микропроцессорные системы на кристалле и др.), что повлекло как заметное снижение стоимости и энергозатрат на единицу вычислений, так и миниатюризацию аппаратного обеспечения, а также рост доступности всей этой техники. Во-вторых, растущая компьютеризация многих областей жизни и создание глобальных компьютерных сетей вело к накоплению огромных массивов информации («больших данных»), доступных для компьютерной обработки. Наконец, в-третьих, с учетом этих новых возможностей были предложены разработки и усовершенствования программ обработки информации, многие из которых были связаны с нейросетевой парадигмой развития ИИ.

В отличие от символической парадигмы ИИ, основанной на методах логически строгого и корректного оперирования символами формальных систем, нейросетевая парадигма нашла возможность усиления своей вычислительной мощности с помощью статистических вычислений. Именно включение в нейросети методов статистической обработки большого массива поступающих данных создало для них определенные преимущества в условиях быстрого роста производительности компьютеров и накопления баз «больших данных». Ориентированные на нее компьютерные технологии могли лучше справиться с информационно-вычислительной обработкой процессов повышенной сложности и неопределенности, которые труднее поддавались обработке с помощью символических вычислений. В одном из исследований, объясняя преимущества сетевой парадигмы, авторы выразились так: «Общая тенденция в вычислительном оборудовании отдает предпочтение алгоритмам, способным выполнять большое количество простых операций, которые не так уж зависят друг от друга, по сравнению с меньшим количеством, но сложных и запутанных операций» [Bringsjord, Govindarajulu, 2022].

Помимо освоения статистических вычислений, среди которых особенно важное место занимали методы байесовской стати-

стики, развитие нейросетевой парадигмы ИИ базировалось на интегрировании знаний таких логико-математических направлений, как нечеткая логика (fuzzy logic), эволюционные, генетические и эвристические алгоритмы, естественные вычисления, роевой интеллект, исследования естественных языков и др. На ставшей популярной в современных исследованиях ИИ карте знаний, технологий и парадигм ИИ нейросети занимают место в центре этого поля – между парадигмами символических и субсимволических вычислений, основываясь на вероятностно-статистической вычислительной парадигме машинного обучения [Corea, 2019].

В современных технических устройствах парадигма сетевого ИИ, как правило, интегрирована в той или иной мере с системами логико-символических вычислений. И в этом смысле большинство этих устройств с точки зрения воплощения в них вычислительных формализмов являются гибридными. Но ядром и фундаментом устройств современного сетевого ИИ является, разумеется, нейросеть, осуществляющая вычисления с помощью вероятностно-статистических методов.

Появление нейронных сетей нового поколения

Нейросети нового поколения относятся к классу систем генеративного искусственного интеллекта, которые способны производить (генерировать) понятные для пользователей тексты, изображения, программные коды и другие продукты, а также уточнять (улучшать) их по определенным обучающим подсказкам. В отличие от других моделей генеративного ИИ, ограниченных производством продуктов по специализированным задачам, новые нейросети представляют собой модели, способные генерировать значительно более качественный и разнообразный контент по широкому кругу вопросов, областей и тематик. Скачок в повышении качества и разнообразия контента происходит в этих сетях потому, что они реализуют так называемые «Большие языковые модели» (LLM – Large language model) или модели, состоящие из огромного числа (миллиардов) параметров (или «весов» нейронов в слоях сети) и обученные в режиме «глубокого обучения» и «обучения без учителя» на огромном (миллиарды слов / токенов) корпусе

текстов¹. Осуществлять огромный объем вычислительных операций за короткое время сетям позволяет сетевая архитектура «трансформер», выполняющая множество вычислений параллельно. Аббревиатура самого известного семейства этих сетей – GPT – так и расшифровывается – Generative Pre-trained Transformer (генеративный предварительно обученный преобразователь).

Большие языковые модели стали воплощаться в технологии искусственных нейронных сетей с конца 2010-х годов и достигать уровня широкого коммерческого применения и выхода на рынки в 2021–2023 гг. Особенно шумным стал выход на рынок нейросетей ChatGPT 3 и ChatGPT 4 в конце 2022 – начале 2023 г., произведенных компанией Open AI. Он вызвал беспрецедентный взрывной рост числа пользователей этим сервисом по всему миру (до 100 млн за 2 месяца)².

О возможностях этих сетей и областях применения уже имеется много публикаций как рекламного, так и аналитического характера, которые продолжают пополняться все новыми «лайфхаками» (полезными советами по применению). Кратко можно сказать, что они используются для написания сравнительно небольших текстов, а также реферирования (краткого изложения) и редактирования более объемных текстов, для перевода текстов с языка на язык, для поиска и анализа разнообразной информации, для написания и улучшения программных кодов, для обсуждения в диалоговом режиме различных вопросов, в том числе и в целях оптимизации решений. В новой модели (ChatGPT 4) также заложена «мульти-modalность», т.е. возможность преобразовывать тексты в изображения, создавать, редактировать и оптимизировать визуальные изображения. Об областях применения глава компании Open AI Сэм Альтман сказал следующее. На первое место он поставил сферу науки и образования, где возможности новых сетей проявятся наиболее заметно и окажут наибольшее влияние. Также он указал на область компьютерного программирования, область аналитики и прогнозирования (экономической, социальной, медицинской, коммерческой), сферу СМИ, некоторых твор-

¹ Best language models and their implications // OpenAI. – Mode of access: <https://openai.com/research/better-language-models> (accessed: 20.07.2023).

² Altman S. The Future of AI and ChatGPT: Interview with Sam Altman, CEO of OpenAI // Youtube. – 13.07.2023. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=aUrQ7CcNwM> (accessed: 20.07.2023).

ческих профессий и сферу досуга и безопасности. Делая обобщение социально-политического характера, он решился отметить, что зримое влияние ИИ на человечество начинается с довольно высоких по статусу областей и профессий, оставляя менее затронутыми области с относительно низким социальным статусом и престижем, что может создать определенные проблемы и риски¹.

Относительно того, как новые нейросети могут применяться и влиять на сферу политики, мы решили обратиться к самой нейросети. Вот, что она (ChatGPT, общедоступная версия) ответила авторам (ответ был сгенерирован менее чем за 1 минуту).

«1. Анализ общественного мнения: нейросети могут использоваться для анализа общественного мнения по поводу того или иного кандидата или той или иной повестки. Это может помочь политическим кампаниям понять, какие идеи и сообщения более эффективны для привлечения избирателей.

2. Прогнозирование результатов выборов: нейросети могут использоваться для прогнозирования результатов выборов на основе данных о предыдущих выборах, опросах общественного мнения и других факторах.

3. Создание персонализированных сообщений: нейросети могут использоваться для создания персонализированных сообщений для избирателей на основе их профиля и интересов. Это может помочь политическим кампаниям увеличить эффективность своих сообщений и привлечь больше поддержки.

4. Обнаружение фейковых новостей: нейросети могут использоваться для обнаружения фейковых новостей и дезинформации, которые могут повлиять на выборы. Это может помочь избирателям получать более точную информацию и сделать более осознанный выбор.

5. Прогнозирование рисков: нейросети могут использоваться для прогнозирования рисков в политической сфере, таких как экономические кризисы, конфликты и террористические угрозы. Это может помочь правительствам и политическим лидерам прини-

¹ Altman S. The Future of AI and ChatGPT: Interview with Sam Altman, CEO of OpenAI // Youtube. – 13.07.2023. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=aUrQ7CcNwM> (accessed: 20.07.2023).

мать более обоснованные решения и уменьшить риски для общества¹».

Приведенный текст – результат работы далеко не самой продвинутой версии сети ChatGPT. К тому же этот текст – лишь один пример и не отражает всего спектра возможностей работы с этим чатом (возможности задавать новые, уточняющие, переформулированные вопросы²). Между тем с марта 2023 г. уже работает новая сеть ChatGPT 4, обладающая более широкими возможностями. А в уже упомянутом интервью Альтмана сообщается о подготовке его компанией трех новых, еще более совершенных моделей – GPT 5, GPT 6 и GPT 7. Есть данные и о подготовке к выпуску усовершенствованных нейросетей от других крупных компаний. И то, что их возможности существенно возрастут, уже не вызывает сомнений.

Здесь важно отметить, что в ходе изучения развития нейросетей была установлена четкая корреляция между способностями (возможностями) новых нейросетей и технико-технологическими параметрами реализуемых в них схемах / моделях функционирования. Сама по себе эта связь фиксировалась и раньше, и было хорошо известно, что возможности сети растут с ростом ее параметрической мощности. Но то, что будет происходить с сетью при возрастании ее параметров на порядки, оставалось неясным. Нейросети нового поколения определенно разрешают этот вопрос – многократный рост параметров сети ведет к качественным скачкам в спектре ее возможностей. В ставшей знаменитой анимированной диаграмме с блога Google³ хорошо показано, как возрастают возможности сети в зависимости от роста ее параметров. Если при 10 миллиардах параметров сеть способна отвечать лишь на примитивные вопросы, выполнять простые арифметические дей-

¹ Текст, сгенерированный в чате с ChatGPT, общедоступная версия.

² Мы также задавали вопросы, предполагающие связь политики с другими областями, и получали ответы. Например, об оптимизации бюджета политической партии (связная область – нейросети в финансовой аналитике), проверка личности избирателей (связная область – технология распознавания лиц), определение проблемных областей в политике здравоохранения (связная область – аналитика статистики здравоохранения) и т.д.

³ Pathways Language Model (PaLM): Scaling to 540 Billion Parameters for Breakthrough Performance. – 04.2022. – Mode of access: <https://ai.googleblog.com/2022/04/pathways-language-model-palm-scaling-to.html> (accessed: 20.07.2023).

ствия и находить грубый эквивалент при переводе, то при 200 млрд (это примерный уровень GPT 3) она не только значительно качественнее реализует все уже названные способности, но и приобретает ряд новых – составление программных кодов, рассуждения на уровне логики и здравого смысла, семантический анализ языка, «понимание» пословиц и поговорок, формирование общих знаний о мире и др. При 560 млрд параметров (на этом заканчивается анимация Google) эти способности качественно совершенствуются и намечаются «зародыши» и «побеги» все новых способностей.

По мнению таких экспертов как Билл Гейтс, Сэм Альтман, Рэй Курцвэйл и др., все это может означать, что путь к созданию «сильного» ИИ фактически открыт и в ближайшие годы он будет непременно создан просто посредством сравнительно небольшого (в 3–5 раз) наращивания параметрической мощности уже существующих нейронных сетей. Технологический комплекс для создания такого ИИ, включающий программное, аппаратное, архитектурное обеспечение функционирования и обучения нейросетей, уже сложился и активно развивается. Среди его ключевых компонентов, помимо дальнейшего развития «больших языковых моделей», называют совершенствование архитектуры сетей-трансформеров, технологий «глубокого обучения», параллельных вычислений, новые виды графических процессоров. Наблюдатели компьютерной отрасли прогнозируют в ближайшее десятилетие (2022–2032) существенный рост (более чем в 30 раз) доходов во всех ее сегментах, связанных с генеративным (нейросетевым) ИИ¹.

Не удивительно, что фактически происходящий на наших глазах поворот к созданию «сильного» ИИ вызывал вспышку озабоченности по поводу недостаточной контролируемости этого процесса. И дополнительным фактором здесь явился беспрецедентный ажиотаж вокруг взрывной популярности первых же пороговых моделей «сильного» ИИ в лице новых сервисов от Open AI. Для многих стало ясно, что пришествие «сильного» ИИ не только началось, но и встречает высокий спрос и готовность и в обществе,

¹ Рынок генеративного ИИ на горизонте 10 лет вырастет в 30 раз Bloomberg // RB.RU. – 06.06.2023. – Режим доступа: <https://rb.ru/news/generative-ai-market/> (дата посещения: 12.05.2023).

и в самой компьютерной отрасли к дальнейшему технологическому рывку в этом направлении.

В авангарде групп, забивших тревогу, парадоксальным образом оказались видные функционеры мировой компьютерной отрасли и даже часть самих разработчиков ИИ, в основном сотрудничающих с организацией Future of Life («Будущее жизни»)¹. Именно с их письма в марте 2023 г. с призывом о принятии мер контроля за развитием ИИ (и приостановки до этого практических работ по данному направлению) начался информационный шум в мировых СМИ. На первых порах его могли связывать с конкурентной борьбой самих компаний. Но вскоре стало ясно, что озабоченности присутствуют не только в среде профильных специалистов и ученых, но и во властно-политических и в широких общественных кругах многих развитых стран. Весной 2023 г. тема контроля ИИ затрагивалась на саммите «Большой семерки» в Хиросиме, а в июле, по инициативе Великобритании, прошло специальное заседание Совета Безопасности ООН с выступлением генерального секретаря ООН по проблемам ИИ.² До конца этого года намечено проведение мирового саммита в Лондоне по проблемам ИИ, подготовка которого поручена Великобритании.

Некоторые эксперты полагают, что регулирование технологий нейросетей может развиваться по модели, сходной с регулированием интернета, т.е. путем применения трех видов законов и правил: а) национальных законов, созданных до интернета, но ставших использоваться и по отношению к деятельности в интернете; б) законов, созданных и относящиеся к непосредственной деятельности в интернете; в) правил коммуникации в интернет-сообществах, введенных их модераторами или создателями. Сюда же можно добавить и международные конвенции в области интернета, выработанные международным сообществом. И движение в этом направлении, кажется, уже начинается. В некоторых странах уже принимаются или обсуждаются решения о блокировке сети ChatGPT, появляются иски к создателям сетей в связи с незаконным

¹ См. открытое письмо на сайте организации Future of Life. – Режим доступа: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата посещения: 12.05.2023).

² Генсек ООН – об искусственном интеллекте: «Это еще только начало...» // Новости ООН. – 18.07.2023. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2023/07/1442977> (дата посещения: 20.07.2023).

использованием в их обучении авторского контента, ряд ограничительных правил на работу сетей вводят и сами их создатели и владельцы, а также некоторые ИТ-компании. Принятие международной конвенции также уже, видимо, не за горами.

В то же время полагать, что регулирование генеративных сетей будет полностью совпадать с нынешней моделью регулирования интернета, возможно, не стоит. Даже специалисты, не говоря уже о футурологах и фантастах, прогнозируют появление в связи с новыми нейросетями множества ситуаций и практик, для регулирования которых опыт контроля интернета будет вряд ли применим. Некоторые из них описаны в фантастике (роман «Нейромант», 1984, фильмы – «Она», 2013, «Бегущий по лезвию», 1982, «Бегущий по лезвию 2049», 2017 и др.), а некоторые – уже существуют в реальности (например, скандальная попытка фракции ЛДПР принять в партию и передать мандат депутата Госдумы нейросети «Жириновский»¹).

Нейросети нового поколения в контексте философии

Философия искусственного интеллекта. Область, в которой ИИ находит свое философское осмысление, обычно называют «философией искусственного интеллекта». В основном она считается отраслью философии и сферой работы профессиональных философов, но заметное место в ней также занимают концепции и суждения специалистов компьютерных наук, разработчиков ИИ, математиков, логиков, а также историков и социологов науки, специалистов из областей психологии, лингвистики, нейробиологии и даже некоторые идеи и образы писателей-фантастов и популяризаторов науки. В философском плане философия ИИ считается наиболее близкой к областям эпистемологии и философии разума, в рамках которых предполагается осмысливать и философские аспекты ИИ, которые концентрируются вокруг вопросов о характере и природе его «разумности» и «субъектности», о его сравнении с человеческим разумом, о возможностях достичь уровня интеллекта

¹ Нейросеть «Жириновский» может стать членом ЛДПР // Газета.ру. – 13.07.2023. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/07/13/20862908.shtml> (дата посещения: 14.07.2023).

человека или даже превзойти его и т.д. [Ringle, 1979; Bolter, 1984; Boden, 1990].

В частности, в философии ИИ были предложены аргументы против «разумности» ИИ (аргумент «китайская комната» Сёрля, «аргумент Гёделя» и др.), ставящие под сомнение возможность достижения «сильного» (или универсального) ИИ; обсуждались проблемы «компьютерной метафоры», допустимость уподобления работы мозга работе компьютера и «обратной метафоры» уподобления работы компьютера работе мозга; «тестов Тьюринга», дискутировалась проблематика «вычислительного интеллекта» в природе, человеке, обществе, технологиях и др. [Burkholder, 1992; Nilsson, 1998].

Одним из аспектов философского осмысления ИИ является также проблема экзистенциальных рисков, возникающих для человечества ввиду появления и развития «сильного» ИИ. В этой связи обсуждаются вопросы регулирования и контроля ИИ, возможности ограничения этих технологий, а также этические проблемы взаимоотношений людей с технологиями ИИ. К этому примыкает и проблематика стратегий сближения и «воспитания» дружественного ИИ, предотвращения его враждебности или отчуждения.

Несомненно, что появление нейросетей нового поколения приведет, и уже привело, к активизации дискуссий и обсуждений в сфере проблематики философии ИИ и к появлению в ней новых тем и акцентов. Во-первых, этот технологический скачок означает заметное продвижение на пути к созданию «сильного» ИИ, что ставит под вопрос некоторые представленные в философии ИИ аргументы сомнения, требуя их пересмотра или переосмысления. Во-вторых, он продемонстрировал неожиданные, взрывные темпы и масштабы процесса, указывающие на его скрытый и не вполне осознаваемый потенциал, что требует от философии ИИ разработки концепций более углубленного и всестороннего осмысления этого потенциала, новых интерпретаций его явных и выявления скрытых компонентов. В-третьих, непосредственно возникают и новые направления анализа.

К числу последних, например, можно отнести проблематику «контроля ИИ над языком и другими кодами человеческой цивилизации», которая явно навеяна возможностями новых нейросетей генерировать большие осмысленные тексты и программные коды, основанные на больших языковых моделях. Ее, в частности, озву-

чивает известный историк и философ Ной Харари, также подписавший призыв о приостановке тренинга новых моделей ГPT. В центре его анализа находится способность овладения языком / многими языками и культурными кодами людей, которую уже демонстрируют новые нейросети. И в этом может заключаться опасность¹.

Философия информации. Импульс возможного изменения и обновления проблемного поля философии ИИ может повлечь за собой и усиление ее контактов и обменов и с другими, особенно с близкими и смежными философскими областями. И в этой связи мы хотели бы привлечь внимание к области *философии информации*. Она также, как и философия ИИ, относится в основном к философии, причем к значительно более широкому полю философских направлений (от онтологии и эпистемологии до этики, эстетики и социальной философии), и также инкорпорирует знания компьютерных и информационных наук. Но по отношению к последним она имеет особый статус, выполняя метатеоретические и методологические функции.

В целом, по сравнению с философией ИИ, философия информации является значительно более широкой и всеобъемлющей областью. Автор самого термина «философия информации» и наиболее известный исследователь этого направления Лючано Флориди считает, что философия ИИ исторически служила предшественницей философии информации [Floridi, 2002], пытаясь объединять эпистемологические вопросы информационно-вычислительных технологий с вопросами этики и социального развития. Но она не смогла выйти на достаточно широкий уровень философских обобщений, позволяющих более глубоко и всесторонне осмысливать эти вопросы. Выйти на такой уровень позволяет философия информации, которую Флориди позиционирует как первофилософию (*греч.* πρῶτῆ φιλοσοφία, *лат.* philosophia prima) современного общества, отсылая, в том числе, и к тому, что это общество само все настойчивее идентифицирует себя как информационное [Floridi, 2002].

Одно из ключевых понятий философии информации – понятие *инфосферы* (информационной сферы, среды) как окружающей среды жизни современного человечества. Оно было выработано по

¹ Harari Y.N. Will the future be human? – 25.01.2018. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=hL9uk4hKyq4> (accessed: 20.07.2023).

аналогии с понятиями биосферы, техносферы, ноосферы и т.д., подчеркивающими средовой, пространственный и одновременно глобальный характер соответствующих феноменов. Оно также отсылает к вопросам о ее происхождении, составе, процессуальных изменениях и (по аналогии с биосферой) о ее обитателях и отношениях с другими средами. Флориди раскрывает эти вопросы в своей работе «Четвертая революция: как инфосфера меняет человеческую реальность» [Floridi, 2014].

В самом общем виде инфосфера состоит из информации, информационных процессов. При этом важной ее чертой является семантическая природа, раскрываемая Флориди в его семантической теории информации, обосновывающей наличие в информации элементов истинности, правильности, эквивалентности, располагающихся на шкалах от полной истинности до полной ложности. В этом смысле его теория информации отличается от ее количественных версий (теория информации Шеннона и др.), где информация измеряется через обратное соотношение с энтропией (неопределенностью) [Floridi, 2002].

Инфосфера сопровождает человечество с древности, появление языков, письменности, книгопечатания, электронных СМИ были вехами в ее развитии. Но особый, грандиозный размах она приобретает в условиях современной информационной и компьютерной революции. Инфосфера многократно увеличивается, ее влияние и проникновение в жизнь людей становится более глубоким, устойчивым и всесторонним, в том числе и благодаря развитию информационных технологий. Адекватное понимание места людей в инфосфере Флориди называет «четвертым коперниканским поворотом» в истории науки, связывая его с именем Алана Тьюрига. И этот поворот, как и первые три, связанные, соответственно, с именами Коперника, Дарвина и Фрейда в своих областях, также порывает в познании инфосферы с принципом антропоцентризма [Floridi, 2014].

В инфосфере, по Флориди, можно выделить три вида сущностей: документы (данные), информационные агенты (сущности, способные оперировать с данными) и операции. «Документы» – это любой тип данных, информации и знаний, кодифицированных и реализованных в любом семиотическом формате»; «агенты» – это любые системы, способные взаимодействовать и оперировать с документами; «операции» – это любой тип действия, взаимодей-

ствия и преобразования, которые могут быть выполнены агентом и которые могут быть представлены в документе [Floridi, 2014].

Флориди обращает внимание на два процесса, происходящих сегодня в инфосфере и обуславливающие ее изменения. Во-первых, ее цифровизация, экспоненциальный рост ее цифрового сегмента, что обеспечивает ее однородность, «беспрепятственность» / «бесшовность» (frictionless / seamless), многократно повышая ее пропускную способность, мощность и операбельность, резко увеличивая масштабы и скорости происходящих в ней процессов. Во-вторых, быстрое совершенствование и рост инфраструктуры интерфейсов – устройств быстрого и удобного взаимодействия с цифровым сегментом инфосферы людей, техники и других объектов нецифрового мира, что ведет к росту прозрачности границ между цифровым и нецифровым мирами и появлению симбиотических форм и модусов существования и деятельности [Floridi, 2014].

Именно эти тенденции (прозрачность границ, симбиотичность и рост мощности цифровой инфосферы) должны учитываться в философском анализе инфосферы и в выработке этики отношений и действий в мире с новыми технологиями ИИ. При этом, разумеется, нельзя игнорировать и проблемы, возникающие в этой связи – злоупотребления и преступления в информационно-цифровой среде, проблемы цифрового неравенства, проблемы утраты людьми ряда традиционных навыков и др. [Floridi, 2021].

Флориди также считал важным для философии информации определить онтологический статус инфосферы и ее цифровых сегментов. Как и в каком смысле они существуют? И как их онтологический статус соотносится с традициями имеющихся философских онтологий? Свой подход в этом вопросе философ определяет как многокомпонентный. С одной стороны, он говорит о его близости к платоновскому реализму (в смысле реализма мира идей), с другой – указывает на связь с реляционной онтологической традицией Аристотеля (в смысле отношений материя – форма). Он также признает важность для понимания бытия инфосферы учения о «третьем мире» Поппера, а для ее семантического измерения – семантической теории истины Тарского. Наконец, важными для ее онтологического понимания могут считаться и основные парадигмы, выработанные в современной философии языка [Floridi, 2002].

Возвращаясь к вопросу о философском осмыслении нового этапа развития нейросетевых технологий ИИ, хотелось бы отметить преимущества контекста философии информации по сравнению со сложившимся контекстом философии ИИ. Во-первых, он заметно шире и содержит более широкую и разностороннюю философскую проработку, претендующую на статус упомянутой выше *philosophia prima*. Во-вторых, он содержит метарефлексию над значительно более широким полем компьютерных и информационных наук, что позволяет шире и перспективнее видеть явный и скрытый потенциал разработок и практик ИИ в общем контексте разработок и практик ИКТ. В-третьих, сама широта подхода нивелирует тяготение к крайним позициям (безудержного оптимизма либо алармизма в отношении ИИ) и способствует выработке более всестороннего, сбалансированного и в то же время продуктивного для научного анализа взгляда на соответствующие проблемы.

В отношении нейросетей нового поколения, основанных на больших языковых моделях, Флориди высказался достаточно осторожно. Он признал их выдающиеся способности в обработке больших текстовых массивов и получении очень похожих на человеческий интеллект выводов. В то же время он пока не считает эти способности интеллект в полном смысле. Они пока не способны на сложные рассуждения и выработку сложных решений. Кроме того, они еще недостаточно надежны технически. Оптимальным он считает объединение усилий искусственного и человеческого интеллекта [Floridi, 2023].

Новое поколение нейронных сетей в контексте социальных наук

Компьютеризация науки и гибридные области социальных наук. То, что появление нейросетей нового поколения с их новыми мощностями и возможностями будет оказывать все возрастающее влияние на различные области научных исследований и получение новых знаний, вполне очевидно. Наука как способ познания, наиболее насыщенный интеллектом, особенно заинтересована в использовании ИИ и чувствительна к его новациям. На приоритетное продвижение этих новых технологий в научные исследования не раз указывали и упоминавшиеся выше эксперты. Во многих

областях современной науки давно существуют целые направления и дисциплины, в которых компьютерные компоненты и возможности ИИ нашли широчайшее применение и стали их неотъемлемой частью.

Один из ближайших примеров, который приходилось рассматривать специально – становление вычислительной биологии, тесно интегрировавшей знания биологии и компьютерных наук [Авдонин, Спиоров, Еремеев, 2020]. В этой дисциплине вычисления применяются не просто как вспомогательные средства биологических исследований, но и проникают в теоретический аппарат биологической науки, в теоретическое осмысление биологических и биохимических процессов. Наше исследование показало формирование гибридного языка, гибридных понятий этой науки и активный взаимный трансфер знаний. Был рассмотрен, в частности, пример области «иммунных вычислений» в компьютерных науках (применяется в разработке средств борьбы с компьютерными вирусами), влияние на становление которой оказал трансфер знаний из биологической иммунологии, а последняя активно использует иммунные вычисления (иммунные алгоритмы) для исследования средств повышения биологического иммунитета [Спиоров, 2022]. Рассматривалась также концепция междисциплинарных трансферов в когнитивной науке, которая является еще более сложной и многосторонней [Авдонин, 2018; 2019].

Примерно то же можно сказать и о перспективе появления новых технологий в социально-политических науках, хотя следует учесть более сложный характер их дисциплинарных парадигм. Все они так или иначе ориентируются на научный метод и включают элементы сциентистской объяснительной парадигмы, но в то же время в них велика роль и так называемых интуитивно-понимающих подходов и нормативных теорий, также входящих в их дисциплинарные парадигмы. В отличие от первой половины и середины прошлого века, когда в социальных науках был заметен тренд на конфликт этих подходов, для современного обществознания характерно их сближение и постепенная интеграция. В сциентистских подходах обнаруживаются все новые интуитивные основания, а в нормативные теории включаются эмпирические объяснения.

Приход компьютерных технологий в социальные науки способствует укреплению и расширению в них сциентистских методов и теорий, но он сталкивается также и с проблематикой

понимания и нормативности, присутствующими в их парадигмах. С этим связано образование на границах пересечения компьютерных и социальных наук гибридных (междисциплинарных) областей *компьютерных (вычислительных) социальных наук* (вычислительной социологии, вычислительной политологии, вычислительной антропологии и др.) [Gilbert, Troitzsch, 2005; Epstein, Axtell, 1996]. Они не только насыщены компьютерными методами анализа и обработки данных, но и характеризуются симбиозом идей, концепций, категориального аппарата. Их особенность – в относительной проницаемости границ и интенсивных обменах (трансферах) знаний как между компьютерными науками, так и между традиционными социальными науками (социологией, политологией и др.).

Тем не менее некоторая граница между высокоинтегрированной с вычислительными / компьютерными науками областью вычислительных социальных наук и традиционной социальной наукой ощутима, так как последняя вовлечена в эту интеграцию заметно меньше, сохраняя определенную теоретическую дистанцию и отводя вычислительным методам лишь вспомогательное место. На этой границе возникает то, что можно назвать различием во взгляде традиционных и вычислительных социальных наук на информационно-вычислительные процессы и технологии, включая ИИ, в современных обществах. Если первые сохраняют в целом внешний, отстраненно-объектный взгляд на эти явления и на проблемы их влияния на человека и общество, то вторые видят в них становление особого типа агентности и более глубокий характер их взаимодействия с людьми. В литературе, например, представлена впечатляющая история вычислительной социологии на протяжении нескольких последних десятилетий, включая развитие ее социальных теорий (от «динамических систем» в прошлом до «агентных сетей» сегодня), происходившее во многом под влиянием трансфера идей из области вычислительных наук [Macy, Willer, 2002].

Можно указать и примеры обратного влияния и трансфера знаний из социально-политических наук в компьютерные. Хорошо известно, что у истоков разработок в области ИИ были не только программисты и вычислительные математики, но и такие специалисты, как психолог и бизнес-аналитик Аллен Ньюэлл и политолог Герберт Саймон. Последний в 1970-е годы стал лауреатом Нобе-

левской премии за разработку в социальных науках (экономика) теории принятия ограниченно рациональных решений и одновременно премии Тьюринга за ее адаптацию для компьютерных наук [Forest, Mehier, 2001].

Два сценария для политической науки. Какое же значение для социально-политических наук будет иметь впечатляющий приход нового поколения нейросетей и продвижение к «сильному» ИИ? В общем плане можно сказать, что это, как и для других наук, даст импульс к дальнейшему сближению «объясняющих» и «понимающих» парадигм, которое в силу большей полипарадигмальности социальных наук будет для них, вероятно, более сложным. Но оно, несомненно, будет ускоряться, так как работа с большими данными и построение сложных мультимодальных моделей, ставшие визитными карточками возможностей нового сетевого ИИ, будут все шире охватывать область социальных наук.

Если же говорить более конкретно, взяв в качестве примера политическую науку, то в ближайшей перспективе можно ожидать следующего. Сценарии событий при этом, видимо, будут различаться в тех двух ее сегментах, о которых было сказано выше. В сегменте традиционной политологии можно предположить *адаптационный сценарий*, в рамках которого новые возможности нейросетей будут восприняты как новые средства и инструменты исследований, открывающие новые перспективы, а также как новые объекты изучения, влияющие на сферу политики в обществе. При этом сама эта сфера будет продолжать пониматься сквозь призму теорий и измерений, релевантных самой политической науке (можно также отметить, что сама по себе эта сеть достаточно сложна и разнообразна и открывает разные возможности и направления познания политики, в том числе тех ее явлений и процессов, которые будут связаны с новыми возможностями ИИ). То, что может происходить в рамках «адаптационного» сценария, показывают различные публикации по темам «цифровизация и политика», «ИИ и политика» и т.д.

В качестве иллюстрации можно обратиться к книге «Политика в цифровом обществе», изданной группой авторитетных политологов в 2019 г., еще до широкого объявления о приходе новых нейросетевых технологий [Hofmann et al., 2019]. В ней вполне определенно заявлены приоритетные для политологии направления исследований, связанных с цифровой трансформацией: изменения

в медиасреде современных обществ, изменения в сфере политической конкуренции и в политическом публичном пространстве, изменения в международной политике и др. Специально выделяются темы исследования политического участия в новых условиях, включая исследование изменений участия в политических партиях, общественных движениях, исследование социальных сетей. Также специально выделяются темы управления, электронного правительства и использования в управлении «больших данных». Не касаясь в данном случае содержания этой вполне достойной и интересной работы, можно отметить, что изучение материала в ней проводится на основе базовых теорий и концепций современной политической науки (традиционной политологии), что делает ее примером «адаптационного» сценария.

Примечательно, что и в публикациях, появившихся уже после появления в 2022–2023 гг. новых сетевых технологий ИИ, этот «сценарный» вариант продолжает сохраняться. Например, в последней работе Андреаса Юнгера «Искусственный интеллект и демократия: концептуальная рамка» исследование, уже учитывая появление новых нейросетей, ведется в концептуальной рамке традиционной политической науки, в частности принятых в ней теорий демократии. Темы анализа в этой работе вполне традиционны: влияние новых нейросетей на политическое участие, на политическую конкуренцию, на политические коммуникации и медиасреду современных демократий, на сферу управления. Он также специально обращает внимание на темы влияния этих технологий на международную политику: а) в плане усиления мировой конкуренции государств и крупных компаний, производящих и развивающих эти технологии и б) в плане усиления в мировой политике автократий, использующих новые технологии для контроля и укрепления авторитарной власти [Jungherr, 2023].

Второй сценарий, который мы бы назвали *ревизионистским*, предполагает существенную «ревизию», перестройку и обновление всего теоретико-методологического арсенала политической науки, постановку принципиально новых исследовательских вопросов, новых познавательных задач и разработку новых способов их решения. Он может реализовываться, прежде всего, в том случае, если новые технологии ИИ существенно затронут уже существующий гибридный сегмент вычислительной политической науки. Его наполнение новыми методами и идеями из смежных компью-

терных областей может привести к эффекту их «переплескивания» в поле традиционной политической науки, вызвав там радикальные изменения. Одновременно и в самом этом поле должны быть обнаружены «реперные точки» для освоения в нем новых идей и подходов.

Эти рассуждения о втором сценарии могли бы быть чисто гипотетическими, если бы не появление ряда публикаций, которые можно интерпретировать в этом ключе. Примером здесь может быть книга гарвардского профессора Матиаса Риссе «Политическая теория цифровой эпохи: куда нас может привести искусственный интеллект»¹, вышедшая в 2023 г. [Risse, 2023].

Не останавливаясь подробно на ее содержании и отвлекаясь от ее неоднозначных оценок, в частности от упреков в излишне представленных в ней суждениях спекулятивной футурологии, нам важно то, что автор указывает в ней возможные «реперные точки» грядущего поворота в теориях политической науки, вызываемого новыми технологиями ИИ. Одной из таких точек может быть широко принятая и признанная теория справедливости Джона Ролза. В свое время она сыграла существенную роль в становлении теоретической парадигмы современной политической науки, введя в договорную теорию политики ряд важных теоретических новаций («исходное состояние», «рефлексивное выравнивание», «завеса незнания» и др.) [Ролз, 2010]. В известной мере она позволила нащупать важные узлы равновесия между свободой, равенством и порядком и пути продвижения к ним. Расширение и применение теории Ролза к эпохе ИИ, по мысли Риссе, позволило бы продуктивно искать аналогичные узлы для цифровой эпохи.

Другой реперной точкой поворота в теориях политики, о которой говорит Риссе, может быть переосмысление техники и технологий в духе «технологического детерминизма» Маркса, представленного в его концепции о влиянии «производительных сил» на «производственные отношения» [Маркс, 1959]. Разумеется, она должна быть переосмыслена с учетом реалий цифрового мира, но сам принцип неизбежного влияния технологий на общество должен так или иначе применяться при разработке политических теорий.

Наконец, еще одним, третьим элементом теоретических преобразований в политической науке в условиях роста влияния

¹ См. рецензию А. Долгова в этом номере.

новых технологий ИИ, который не упоминается у Риссе, и его мы добавляем от себя, может быть философия информации и ее разработка Лючано Флориди, о которой говорилось выше.

Таким образом, и соображения Риссе, и другие публикации, и наши собственные наблюдения за полем политических теорий позволяют говорить о некоторой возможности ревизионистского сценария, предполагающего, что рывок нейросетевых технологий ИИ может вызвать глобальную перестройку политической науки. Хотя пока более вероятен, разумеется, адаптационный сценарий.

Заключение

Итак, анализ появления нейросетей нового поколения в трех предложенных контекстах (технологическом, философском и социально-научном) позволяет сформулировать следующие соображения.

Прежде всего, становится очевидно, что этот анализ требует широты подхода, сопоставления и синтеза многих знаний из разных областей для формирования некоторого общего видения проблем, связанных с появлением технологического феномена качественно нового уровня. В то же время этот широкий подход, чтобы не потерять ориентиры, предполагает и учет специфики самих контекстов, понимания способов формирования и решения проблем в соответствующих областях.

В самом общем виде можно заключить, что мы имеем дело с технологическим феноменом, способным изменять разные контексты. И общим моментом его появления является дисбаланс, нарушение сложившегося равновесия в этих контекстах. Наш анализ показал, что в каждом из них этот дисбаланс, в особой форме, но происходит. Инновационная технология такого уровня способна вносить изменения в разные контексты – и технологические, и социально-экономические, и политические, и философские, и научные. Нарушение равновесия в них происходит по-разному, но общей чертой становится рост озабоченностей, тревог, ощущение нестабильности, активизация поисков возвращения к равновесию.

Еще одной общей чертой, как показывает анализ, является формирование проактивных и комплиментарных для новой технологии зон, выделяющихся на общем фоне более традиционного и инертного к ней или охваченного озабоченностями пространства.

Важной проблемой в этих условиях становится проблема трансфера или «диффузии инноваций» между проактивными зонами и относительно инертными или «встревоженными» пространствами. Инновационные домены должны быть более открытыми и привлекательными для более традиционных.

Эти соображения повлияли на наш подход к анализу технологии новых нейросетей в философском и социально-научном контекстах. В философии это побудило нас отдать предпочтение подходу философии информации по сравнению с более традиционным контекстом философии искусственного интеллекта. Прежде всего, из-за большей широты и фундаментальности философии информации, особенно в том теоретико-методологическом формате, который придал ей Лючано Флориди. На этом фоне контекст философии ИИ, сосредоточенной на темах разума, сознания, возможностях создания их искусственных аналогов, возникающих в связи с этим коллизиях и проблемах, представляется недостаточно широкой и фундаментальной рамкой. К тому же широта подхода способна сдерживать тягу к крайним позициям, что может способствовать укреплению в поле разгорающихся вокруг новой технологии и принимающих глобальный политический масштаб дебатов тенденции к более адекватному и согласованному пониманию проблем.

Что касается контекста социально-политических наук и политической науки как его части, то здесь мы предпочитали исходить из опыта его науковедческого, историко-научного и философско-методологического анализа. В современной науке он выявляет тенденцию к междисциплинарности, к формированию все новых гибридных междисциплинарных областей, возникающих на границах различных наук. И появление новой технологии будет, несомненно, вносить вклад в этот процесс. Тем более что наука считается одной из самых приоритетных областей ее применения. И здесь мы говорим о двух возможных сценариях влияния этой технологии нового уровня на политическую науку – «адаптационном» и «ревизионистском». На первый взгляд, наиболее вероятен первый сценарий, когда политическая наука просто адаптирует новую технологию к своему традиционному арсеналу средств, но, помня о «необычности» этой технологии и ее способности менять разные контексты, нельзя исключать и более радикального сценария, ведущего к глубокой перестройке этой науки.

V.S. Avdonin, V.L. Silaeva*
New generation neural networks in the context of artificial intelligence technologies, philosophy and socio-political sciences

Abstract. In the article, the processes of the impact of technological changes on political science are investigated on the example of new generation neural network technology (GPT chat, etc.), which caused a great resonance in the media at the turn of 2022–2023. The authors preface the analysis of the influence with a brief historical and scientific review of the emergence and development of neural network technologies and their features and capabilities that have been embodied in new generation systems. The very appearance of these systems and demonstration of their capabilities in various fields and spheres of activity is considered not only as an important stage in the development of computer technology, paving the way to the creation of «strong» artificial intelligence (AI), but also as an event in global technological development, capable of influencing various areas of life and activities of mankind, which is shown by the unprecedented reaction to it in world politics (up to the world summit and the UN Security Council). The article also highlights the philosophical context in which it is preferable to think about these new technologies and their capabilities. This may be the area of philosophy of information and its interpretation in the works of the philosopher Luciano Floridi, which has a number of advantages over other approaches. Analyzing the impact of these new technologies on the socio-political sciences, the authors proceed from the concept of hybrid interdisciplinary scientific fields that arise at the intersection of sciences and have features that distinguish them from the traditional fields of these sciences. The article discusses hybrid fields of computational social sciences developing at the intersection of computer and social sciences. Using the example of political science, the authors propose two scenarios («adaptive» and «revisionist») of the influence of emerging technologies of new generation neural networks on it, each of which is already manifested in a number of the latest publications of political scientists.

Keywords: neural networks; artificial intelligence; large language models; deep learning; transformer architecture; information philosophy; Luciano Floridi; infosphere; information theories; information agents; social sciences; hybrid fields; computational social sciences; traditional political science; political theory reform.

For citation: Avdonin V.S., Silaeva V.L. New generation neural networks in the context of artificial intelligence technologies, philosophy and socio-political sciences. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 127–154. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.05>

References

Avdonin V.S. On the conditions and means of knowledge transfer in interdisciplinary research. *Sociological journal*. 2019, Vol. 25, N 3, P. 99–116. (In Russ.)

* **Avdonin Vladimir**, INION (Moscow, Russia), e-mail: avdoninvla@mail.ru;
Silaeva Victoria, INION (Moscow, Russia), e-mail: seva@starlink.ru

- Avdonin V.S. Syntheses in evolutionary biology and scenarios of interaction with social sciences. In: *Method: Moscow quarterly of works from social science disciplines*. Moscow: INION RAS, 2018, N 8, P. 111–129. (In Russ.)
- Avdonin V.S., Spirov A.V., Ereemeev A.V. Interdisciplinary knowledge transfer as metaphorical transfers: evolutionary biology, evolutionary computing and computational evolutionary biology as areas of interdisciplinary transfers. *Sociology of science and technology*. 2020, Vol. 11, N 4, P. 111–139. (In Russ.)
- Boden A. (ed.). *The philosophy of artificial intelligence* (Oxford readings in philosophy). Oxford: Oxford university press, USA, 1990, 452 p.
- Bolter J.D. *Turing's man: western culture in the computer age*. Chapel Hill: University of North Carolina press, 1984, 280 p.
- Bringsjord S., Govindarajulu S. Artificial Intelligence. In: Zalta E.N., Nodelman U. (eds.) *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (2022 Edition) / Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/artificial-intelligence/> (accessed: 20.07.23)
- Burkholder L. (ed.). *Philosophy and the computer*. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview press, 1992, 268 p.
- Charniak E., McDermott D. *Introduction to artificial intelligence*. Reading, MA: Addison Wesley, 1985, 701 p.
- Corea F. AI knowledge map: how to classify AI technologies. In: Corea F. (ed.). *An introduction to data: everything you need to know about AI, big data and data science*. Cham: Springer, 2019, P. 25–29. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-04468-8_4
- Epstein J.M., Axtell R. *Growing artificial societies: social science from the bottom up*. Washington DC: Brookings Institution Press, 1996, 224 p.
- Floridi L. AI as agency without intelligence: on ChatGPT, large language models, and other generative models. *Philosophy and technology*. 2023, Vol. 36, N 1. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-023-00621-y>
- Floridi L. *Ethics, governance, and policies in artificial intelligence*. Cham: Springer, 2021, 394 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-81907-1>
- Floridi L. *The fourth revolution: how the infosphere is reshaping human reality*. Oxford: Oxford university press, 2014, 245 p.
- Floridi L. What is the philosophy of information? *Metaphilosophy*. 2002, Vol. 33, N (1/2), P. 123–145.
- Forest J., Mehier C. John R. Commons and Herbert A. Simon on the concept of rationality. *Journal of economic issues*. 2001, Vol. 35, N 3, P. 591–605. DOI: <https://doi.org/10.1080/00213624.2001.11506392>
- Gilbert N., Troitzsch K. *Simulation for social scientists*. New York: McGraw-Hill, 2005, 295 p.
- Hofmann J., Kersting N., Ritzi C., Schünemann W.J. (Hg.) *Politik in der digitalen Gesellschaft. Zentrale Problemfelder und Forschungsperspektiven*. Bielefeld transcript Verlag, 2019, 329 s. DOI: <https://doi.org/10.14361/9783839448649>
- Jungherr A. Artificial intelligence and democracy: a conceptual framework. *Social Media + Society*. 2023, Vol. 9, N 3. DOI: <https://doi.org/10.1177/20563051231186353>

- Macy M.W., Willer R. From factors to actors: computational sociology and agent-based modeling. *Annual review of sociology*. 2002, Vol. 28, N 1, P. 143–166. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141117>
- Marx K. Toward a critique of political economy preface. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works*. 2nd ed., Vol. 13, Moscow: State publishing house of political literature, 1959, P. 5–9. (In Russ.)
- Minsky M., Pappert S. *Perceptrons: an introduction to computational geometry*. Cambridge, MA: MIT Press, 1969, 258 p.
- Nilsson N. *Artificial intelligence: a new synthesis*. San Francisco, CA: Morgan Kaufmann, 1998, 513 p.
- Ringle M. (ed.). *Philosophical perspectives in artificial intelligence*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities press, 1979, 244 p.
- Risse M. *Political theory of the digital age: where artificial intelligence might take us*. Cambridge: Cambridge university press, 2023, xxvi, 304 p.
- Rolls J. *Theory of justice*. Moscow: Publishing house LKI, 2010, 536 p. (In Russ.)
- Russell S.J., Norvig P. *Artificial intelligence: a modern approach* (4th ed.). Hoboken: Pearson, 2021, 1136 p.
- Spirov A. Immune computing in computer science and models of immune memory of higher organisms: prospects for mutual methodological enrichment. *Method: Moscow quarterly of works from social science disciplines*. Moscow: INION RAS, 2022, Vol. 2, N 3. (In print). (In Russ.)

Литература на русском языке

- Авдонин В.С. Об условиях и средствах трансфера знаний в междисциплинарных исследованиях // Социологический журнал. – 2019. – Т. 25, № 3. – С. 99–116.
- Авдонин В.С. Синтезы в эволюционной биологии и сценарии взаимодействия с социальными науками // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 8. – С. 111–129.
- Авдонин В.С., Спилов А.В., Еремеев А.В. Междисциплинарный трансфер знаний как метафорические переносы: эволюционная биология, эволюционные вычисления и вычислительная эволюционная биология как области междисциплинарных трансферов // Социология науки и технологий. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 111–139.
- Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – С. 5–9.
- Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 536 с.
- Спилов А. Иммунные вычисления в компьютерных науках и модели иммунной памяти высших организмов: перспективы взаимного методологического обогащения // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежекв. науч. изд. – М.: ИНИОН РАН, 2022. – Т. 2, № 3. (В печати).

А.Ю. СУНГУРОВ, Д.А. КИСЕЛЕВА *

ПРОГОСУДАРСТВЕННЫЕ «ФАБРИКИ МЫСЛИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД¹

Аннотация. Статья посвящена анализу развития российских фабрик мысли, наиболее ассоциированных с властью: Института общественного проектирования (ИНОП), Фонда развития гражданского общества (ФОРГО), Института социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ) и Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ). Показано, что для четырех фабрик мысли характерна высокая выраженность исследовательской / аналитической и коммуникативной функций, тогда как функция внедрения отсутствуют в их деятельности, что характерно, вероятно, для всех клиентских фабрик мысли. Менее выражена, но все же присутствует образовательная функция. Креативная же функция, связанная с поиском путей решения выявленных проблем, присутствует в публичном поле у самой ранней из рассмотренных структур – у ИНОП.

У трех фабрик мысли (за исключением ФОРГО) присутствует ресурсная функция, выраженная в распределении грантовых денег из федерального бюджета. Наконец, в деятельности ФОРГО и ЭИСИ можно выявить и такую новую для независимых фабрик мысли функцию, как инструктивно-рекомендательная.

Ключевые слова: фабрики мысли; экспертное сообщество; гражданское общество; Администрация Президента РФ.

* **Сунгуров Александр Юрьевич**, доктор политических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: asungurov@mail.ru; **Киселева Дарья Александровна**, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: kiseleva-d@yandex.ru

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г. (НУГ).

© Сунгуров А.Ю., Киселева Д.А., 2023 DOI: 10.31249/poln/2023.04.06

Для цитирования: Сунгуров А.Ю., Киселева Д.А. Прогосударственные «фабрики мысли» в современной России: функциональный подход // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 155–185. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.06>

Одной из важных форм реализации экспертной функции политологического знания является деятельность «фабрик мысли» – негосударственных некоммерческих организаций, объединяющих как специалистов в области политических и других общественных наук, так и практиков, способных донести разработанные в рамках таких «фабрик» предложения по решению актуальных общественных проблем до действующих политиков – лиц, принимающих политико-управленческие решения [Ефременко, 2015; Abelson, 2016; Zaytsev, Belyaeva, 2017; Балаян, Сунгуров, 2022].

Методология и выборка исследования

Анализ основан на концепции институтов-медиаторов, уже более 20 лет разрабатываемой одним из авторов этой статьи [Сунгуров, 2015]. Ранее, при анализе развития фабрик мысли в России, было выявлено пять основных функций подобных структур: исследовательская, образовательная, креативная, коммуникативная и внедренческая [Балаян, Сунгуров, 2022]. Так, для контрактных фабрик мысли характерно наличие, прежде всего, исследовательской, креативной и внедренческой функций, коммуникативные и особенно образовательные функции для них несвойственны и если проявляются, то в минимальном виде. Напротив, для фабрик мысли либерально-демократического характера, которые также часто носят название центров публичной политики, равно как и для консервативно-ориентированных структур, типа фабрик мысли А. Дугина и С. Кургиняна, наличие образовательной и коммуникативной функций очень важно. Этот функциональный подход будет использован нами при анализе выделенных нами «проправительственных» (созданных с прямым участием власти) фабрик мысли, в частности, можно предположить наличие у них каких-либо специфических функций.

В этом тексте предметом анализа будут выступать российские фабрики мысли XXI в., созданные либо при активном участии, либо по решению заместителей руководителя Администрации

Президента РФ, ответственных за внутреннюю политику, – В.Ю. Суркова, затем В.В. Володина и затем С.В. Кириенко. Первая из анализируемых организаций, Институт общественного проектирования (ИНОП), создана в 2004 г., далее, в 2012 г., появились Фонд развития гражданского общества (ФОРГО) и Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ) и, наконец, в 2017 г. открылся Экспертный институт социальных исследований (ЭИСИ). В статье не рассматриваются фабрики мысли, занимающиеся вопросами экономического и государственного развития, такие как Центр стратегических разработок, а также структуры, созданные как независимые и контрактные, хотя и сотрудничавшие с Администрацией Президента, как Фонд эффективной политики.

ИНОП

Институт общественного проектирования (ИНОП) был создан в 2004 г. в самом начале второго президентского срока В.В. Путина. Президентом института стал влиятельный политик и юрист В.Н. Плигин, председатель Комитета Государственной думы по конституционному законодательству и государственному строительству IV–VI созывов, директором института – В.А. Фадеев, главный редактор журнала «Эксперт» и глава гильдии деловой журналистики «Медиасоюз» – общероссийской организации работников СМИ, созданной как альтернатива Российскому союзу журналистов. Как указано на сайте ИНОП: «Институт общественного проектирования занимается комплексными политическими, социологическими и экономическими исследованиями, лекционной и организационной работой, а также издательской деятельностью, создавая идеологию либерально-консервативного политического курса и формируя структуры его поддержки». Отметим, что последнее обновление на этом сайте относится к 2016 г., когда этот институт фактически перестал работать, поэтому глагол «занимается» относится уже к прошедшему времени.

Возникал же ИНОП в результате нескольких инициатив. В начале 2003 г. В.А. Фадеев участвовал в создании Серафимовского клуба либерал-консервативной направленности. Затем, по словам респондента А: *В.А. Фадеев зажегся идеей создания*

какого-то аналитического центра, плюс у него были хорошие отношения с адвокатом и будущим депутатом Государственной думы В.Н. Плигиным, а тот тоже такой человек, пишущий время от времени. И как-то это все зажилось и заодно это состыковалось с идеями В.Ю. Суркова¹, который стал звать Фадеева к себе и обсуждать, вот как продвигать свои мысли и идеи. Ну, вот и как-то это все срослось вместе: клуб, институт и потом еще возникла идея либеральной фракции... И мы стали по заданию Суркова, администрации [Президента], писать всякого рода отчеты, справки. Он заинтересовался, а как это на Западе? И мы ему писали справку про Францию. Его заинтересовали две вещи: как фракции существуют в партиях на Западе и как вот такого рода неформальные объединения такие партийные тоже существуют. А там они у консервативных партий, не «фракции», а «клубы». То есть там околопартийные клубы, по интересам. Ну, вот это его тоже в каком-то смысле заинтересовало, как это все там организовано. И там же написали справку про Германию, потом про США².

Мы видим, что ИНОП возникал именно как клиентская партия, связанная с властным лицом, обладающим реальными полномочиями. При этом если директором ИНОПа в начале его деятельности был журналист В.А. Фадеев, то президентом – также влиятельное лицо во власти, председатель Комитета Государственной думы по конституционному законодательству и государственному строительству В.Н. Плигин. И вскоре именно Плигин и Фадеев стали сопредседателями либерально-консервативной фракции «Единой России», которая начала работать в формате клуба «4 ноября», который явился своеобразным продолжением Серафимовского клуба.

И далее – инициатива по созданию сети этой фракции-клуба партии «ЕР» реализовывалась опять-таки силами команды ИНОП: *Когда мы со своей стороны – ну, вот Фадеев – приезжали в регионы – это вызвало большой интерес. Публика определенного склада – причем во все фракции народ стал записываться в*

¹ Заместитель руководителя Администрации Президента РФ по внутренней политике (2001–2011).

² Интервью с респондентом А, в прошлом – ответственный сотрудник ИНОП, июль 2023 г.

регионах – они почувствовали, что как-то можно привлечь людей, можно что-то сказать свое там. Мы делали отделения почти по всей России. Не клуба, точнее, а фракции. Ну, и фактически клуба. Потому что это было вместе: мы проводили заседание клуба, приглашали там фракцию, проводили заседание там, это все пересекалось. И это вызвало очень большой интерес. Как-то люди увидели жизнь¹.

Наряду с обучением актива «Единой России», институт также реализовывал Международную программу «Русская мысль», направленную на включение ведущих политических, интеллектуальных и деловых слоев российского общества в международный общественно-научный контекст. В ее рамках для проведения лекций и участия в дискуссиях в Москву приглашались ведущие ученые и политики различных стран мира: Иммануил Валлерстайн, Тату Ванханен, Крейг Калхун, Генри Киссинджер и другие.

Одновременно велась работа по подготовке аналитических справок для Администрации Президента по различным вопросам внутренней и внешней политики, для их подготовки привлекались серьезные российские исследователи. Часть подготовленных материалов печаталась в журнале «Эксперт», для этого из Администрации выделялись дополнительные средства². Были и специальные проекты, среди которых на сайте ИНОП особо выделяется проект «Политический атлас современности», разработка Института общественного проектирования и группы ученых МГИМО (У) МИД России под руководством профессора А.Ю. Мельвиля. В рамках проекта была создана уникальная методика классификации мировых политических систем, которая учитывала большое число факторов. Как подчеркивается на сайте ИНОП, «В отличие от подходов Freedom House, Transparency International и других организаций, разрабатывающих различные варианты линейных рейтингов, в проекте “Политический атлас современности” мы строим многомерные модели сравнительного анализа политических систем и режимов»³.

¹ Интервью с респондентом А.

² Интервью с респондентом А.

³ Политический атлас современности. – 2006. – Режим доступа: <http://www.inop.ru/page529/atlas/> (дата посещения: 07.07.2023).

Итогом этого проекта стала изданная на русском и на английском языках монография, а также доклады ее авторов на российских и международных конференциях [Политический атлас ..., 2007]. Эти итоги, впрочем, не изменили общепринятую в мировой практике традицию оценивать страны по привычным линейным рейтингам.

Деятельность ИНОПа и его публичные доклады о перспективах развития нашей страны были наиболее заметны в 2009–2011 гг., в период общественно-политической активности в России. Так, в начале 2008 г. г. был опубликован и представлен к обсуждению объемный доклад «Оценка состояния и перспектив политической системы России»¹, в подготовке которого приняли участие многие ведущие российские политологи. Далее, в 2011 г. появился доклад фонда ИНСОР «Обретение будущего. Стратегия 2012»², содержащий проект глубокого политического реформирования страны, который многие восприняли как программу действий Д.А. Медведева в случае его избрания на второй президентский срок. Именно ИНОП опубликовал вскоре свой доклад «Оппозиции нашего времени»³, оппонировавший докладу ИНСОР с позиции «просвещенного лоялизма», опасаящегося радикализма. Подробнее эта публичная полемика российских фабрик мысли о путях развития нашей страны была рассмотрена О.Ю. Малиновой [Малинова, 2013].

Наконец, важно отметить, что ИНОП в течение нескольких лет – с 2007 по 2012 г. – был оператором грантов Президента РФ для российских некоммерческих организаций, поддерживая как раз проекты неправительственных исследовательских структур, т.е. выполнял функцию финансирования фабрик мысли. Как указано в информации о деятельности ИНОП на сайте Российского совета

¹ Оценка состояния и перспектив политической системы России. Ежегодный доклад ИнОП. – 2.04.2009. – Режим доступа: <http://www.inop.ru/page529/page484/> (дата посещения: 02.02.2022).

² Обретение будущего. Стратегия 2012. Доклад ИНСОР. – Москва, 2011. – 322 с. – Режим доступа: http://www.insor-russia.com/files/Finding_of_the_Future%20FULL_.pdf (дата посещения: 01.02.2022).

³ Оппозиции нашего времени. Доклад Института общественного проектирования о состоянии и перспективах политической системы России. – М.: ИНОП, 2011. – Режим доступа: http://www.inop.ru/files/inop_doklad_2011.pdf (дата посещения: 01.02.2022).

по международным делам, «Институт создал открытую библиотеку всех проектов, издает научные сборники с наиболее актуальными результатами, которые рассылаются по регионам, информирует институты гражданского общества страны об этих проектах, созывает совместно с Общественной палатой Российской Федерации научные Конференции по обсуждению результатов конкурса и транслирует эти результаты в СМИ»¹. В настоящее время можно ознакомиться с отчетами о проектах, поддержанных в те годы институтом, однако надо знать точный адрес этих проектов. Так, например, на сайте Центра прикладных исследований и программ² представлены названия проектов, реализованных центром в те годы при поддержке ИНОП со ссылками, по которым можно и сегодня скачать эти отчеты³.

Однако начиная с 2013 г. ИНОП перестал быть оператором президентских грантов, эти функции стала выполнять созданная в 2012 г. некоммерческая организация – Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ). Примерно в это же время перестали поступать задания и, соответственно, денежные ресурсы из Администрации Президента РФ. Причина, по мнению респондента А., с которым мы согласны, заключалась в том, что в конце декабря 2011 г. В.Ю. Сурков покинул пост заместителя руководителя Администрации Президента РФ, и на его место был назначен В.В. Володин, который стал ориентироваться на другие фабрики мысли, созданные при его непосредственном участии. Попытки найти альтернативные источники финансирования оказались малоуспешными, и к 2014 г., судя по публикациям на его сайте, ИНОП фактически прекратил свою работу. Отметим также, что на это угасание рассматриваемого института повлияло и решение Д.А. Медведева, ставшего в мае 2012 г. председателем

¹ Институт общественного проектирования (ИНОП) // РСМД. – Режим доступа: <http://ir.russiancouncil.ru/organisations/inop/> (дата посещения: 01.02.2022).

² Центр прикладных исследований и программ. – Режим доступа: <http://www.prisp.ru/experience> (дата посещения: 01.02.2022).

³ Исследование современного поколения научно-технической интеллигенции: ценности, мотивации, стиль жизни. 2007–2008 гг. Результаты исследования доступны на сайте грантодателя. – Режим доступа: http://www.inop.ru/files/2_2_2007_155.doc (дата посещения: 01.02.2022); Кадровый потенциал российской науки: состояние, перспективы, решения. Отчет. 2008–2009 гг.: – Режим доступа: http://www.inop.ru/files/5_2_2008_195.pdf (дата посещения: 01.02.2022).

партии «Единая Россия», ликвидировать в ней все фракции и клубы, а также неудача на выборах в Государственную думу в 2016 г. не только В.А. Фадеева, но и председателя одного из ведущих комитетов Государственной думы В.Н. Плигина.

Итак, какие же из перечисленных ранее функций фабрик мысли реализовались в деятельности ИНОПа? Первая, исследовательская, реализовывалась достаточно активно, но в основном не самими сотрудниками института, а привлекаемыми ими политологами высокого уровня. Образовательная – да, и прежде всего в отношении образования членов партии «Единая Россия» как на федеральном уровне, так и на уровне заседаний в регионах клуба «4 ноября». К ней же, бесспорно, относится и проект «Русская мысль». Креативная – также была, как по линии поиска ответов на поставленные в Администрации Президента РФ вопросы, так и при подготовке развернутых докладов о текущей ситуации и перспективах развития страны¹. Коммуникативная функция, реализуемая в ходе обсуждения этих докладов, а также заседаний «Клуба 4 ноября», тоже была выражена достаточно явно.

Пятая же функция – функция внедрения – была выражена у ИНОП существенно слабее. Все работы института проходили в плотном сотрудничестве с заказчиком и участником проекта – В.Ю. Сурковым, а один из лидеров ИНОПа – В.Н. Плигин – был в течение 12 лет руководителем одного из ведущих комитетов Государственной думы. Вместе с тем в деятельности ИНОП начиная с 2007 г. проявляется еще одна функция, практически не встречавшаяся ранее у анализируемых российских фабрик мысли того времени, – функция обеспечения ресурсами других российских фабрик мысли и аналитических центров.

¹ Оценка состояния и перспектив политической системы России. Ежегодный доклад ИНОП. – 2.04.2009. – Режим доступа: <http://www.inop.ru/page529/page484/> (дата посещения: 02.02.2022).

Оппозиции нашего времени. Доклад Института общественного проектирования о состоянии и перспективах политической системы России. – М.: ИНОП, 2011. – Режим доступа: http://www.inop.ru/files/inop_doklad_2011.pdf (дата посещения: 01.02.2022).

ФОРГО и ИСЭПИ

Как уже упоминалось, в конце декабря 2011 г. позицию первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ по внутренним вопросам занял В.В. Володин. Можно предположить, что он хотел работать со знакомыми и близкими ему сотрудниками Администрации. Вместе с тем он уже понимал важность существования структур типа Института общественного проектирования, но ему хотелось создать также что-то свое, не связанное с его предшественником на этой должности. В итоге было найдено достаточно элегантное, на наш взгляд, решение – руководитель управления внутренней политики Администрации Президента К.Н. Костин и его заместитель Д.В. Бадовский оставляют работу в Администрации Президента РФ и одновременно возглавляют две некоммерческие организации – Фонд развития гражданского общества и Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ). Отметим, что при этом К.Н. Костин остался советником В.В. Володина.

На сайте созданного в 2012 г. Фонда развития гражданского общества (ФОРГО)¹ сформулирована миссия этой организации: улучшение качества политики и общественной жизни путем исследований, анализа и прогнозирования. Там же указано, что Фонд реализует самостоятельные научные и исследовательские проекты, выступает грантодателем для других общественных, научных и исследовательских организаций, которые ведут разработки по тематике фонда.

Вместе с тем какие-то указания на грантовую поддержку, оказываемую этим фондом, отсутствуют как на сайте фонда, так и в интернете в целом. Можно предположить, что эта информация на первой странице сайта отражала какие-то первоначальные планы специализации фонда, которые затем не были реализованы.

Анализируя деятельность фонда, мы можем выделить два периода – начало, 2012–2016 гг., период его наибольшей активности, и остальное время, 2017–2023 гг. В первый период фонд наращивал свою активность, открывая новые проекты и сообщал о своих планах, которые, правда, не всегда потом реализовывались.

¹ Фонд развития гражданского общества. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/> (дата посещения: 08.07.2023).

Так, например, в январе 2013 г. появилась информация о планах ФОРГО подготовить и издать «Атлас политтехнологов», в который должны были войти специалисты по выборам, имеющие в своем активе успешные избирательные кампании за последние 10 лет работы. Эта информация была воспринята экспертами как попытка Кремля составить список «правильных» политтехнологов. Информации о дальнейшей судьбе этого проекта найти не удалось.

Уже в первый год своей деятельности фонд подготовил четыре доклада: «РУНЕТ СЕГОДНЯ: исследование российского интернета» (сентябрь); «Выборы по новым правилам: интриги и прогнозы электорального цикла 2012 года» и «Выборы по новым правилам: основные итоги и тенденции» (октябрь) и «Новая протестная волна: мифы и реальность» (декабрь) и одну аналитическую записку «Основные схемы распределения государственных средств на деятельность некоммерческих организаций за рубежом» (октябрь). В 2013 г. фондом были подготовлены для обсуждения шесть докладов: «“Третий сектор” в России: текущее состояние и возможные модели развития» (март); «Фильтрация контента в Интернете: задачи, тенденции и методы. Анализ мировой практики» и «Исследование общественного мнения: “Год Президента В.В. Путина: итоги и перспективы”» (май); «Выборы глав регионов и региональных административных центров в 2013 г.: сценарии кампаний и прогнозы» (август), «Традиционные медиа в 2020 г.: тенденции и прогнозы» (ноябрь) и «Российская партийная система: текущее состояние и перспективы развития» (декабрь).

В этом же 2013 г. появились первые публикации Рейтинга социального самочувствия регионов России и Рейтинга эффективности губернаторов, которые продолжились и в последующие годы и которые постепенно стали «визитной карточкой» ФОРГО. Несколько позже Рейтинг социального самочувствия регионов России был заменен на Рейтинг социально-экономического положения регионов России. На сайте фонда подробно представлены методики составления этих рейтингов. Результаты рейтингов публикуются и широко освещаются в СМИ, при этом попадание губернаторов в «красную зону» служит своеобразной «желтой карточкой», предупреждением о том, что далее Управлением внутренней политики АП могут быть приняты конкретные меры.

В мае 2014 г. были представлены результаты социологического исследования «Россия и россияне: самоидентификация и со-

стояние национального самосознания», в августе – доклад «Региональные выборы в 2014 г.: сценарии и прогнозы» и лекция председателя правления Фонда развития гражданского общества К.Н. Костина «Гражданское общество в России. Текущее состояние и пути развития»¹. Эти доклады, однако, не стали тогда предметом широких общественных обсуждений и дискуссий, время общественно-политического подъема заканчивалось, начинался консервативный поворот.

Наряду с регулярно публикуемыми региональными рейтингами, а также обсуждением прогнозов и итогов избирательных кампаний различного уровня, в 2015–2017 гг. фондом были опубликованы результаты их исследований по общим названием «Путинское большинство: этапы формирования, структуры и ценности». Можно предположить, что тема укрепления «Путинского большинства» постепенно заменила тему развития гражданского общества в России.

В подразделе «Проекты» на сайте фонда в качестве первых трех позиций обозначены указанные выше региональные рейтинги. Четвертым указан проект «Социологическое исследование “Россия и россияне: самоидентификация и состояние национального самосознания”», но при попытке открыть ресурс мы видим лишь результаты социологического исследования 2014 г. Пятый проект – «Международный курс лекций “Время России”» – содержит информацию о двух лекциях зарубежных политологов, прочитанных в Москве также в 2014 г.

Шестой проект – Конференции преподавателей общественных наук – содержит информацию о материалах двух таких конференций, состоявшихся в 2013 («Политическая система России: состояние и направления развития») и в 2017 («Политическая система России: текущий статус-кво и направления развития») гг. В своем приветствии к участникам первой конференции председатель правления ФОРГО К.Н. Костин отметил, что ее задача «создать площадку для содержательного и заинтересованного обсуждения политической повестки и обмена мнениями между

¹ Данные о докладах за 2012–2014 гг. получены из архивной версии текста о ФОРГО в Википедии. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20181022234834/https://ru.wikipedia.org/wiki/Фонд_развития_гражданского_общества#Филиалы_ФОРГО (дата посещения: 08.07.2023).

экспертами, политиками и государственными служащими». Среди выступавших на ней с пленарными докладами были В.В. Володин, О.В. Морозов, О.В. Гаман-Голутвина, В.А. Фадеев, В.А. Никонов.

Вторая из представленных на сайте ФоРГО, но, как указано в тексте на сайте, третья по счету конференция преподавателей общественных наук состоялась в 2017 г. и была посвящена предстоящим в 2018 г. выборам. На этот раз участников конференции приветствовал начальник управления по внутренней политике Администрации Президента Андрей Ярин, а с основным докладом выступила секретарь Центральной избирательной комиссии РФ Майя Гришина.

Наконец, седьмой проект – Конференции профессиональных организаторов избирательных компаний – содержит информацию о двух практических конференциях, состоявшихся в июне и декабре 2015 г. В обеих конференциях участвовали В.В. Володин и председатель ЦИК РФ Чуров.

Анализируя деятельность ФоРГО, мы не можем не отметить создание фондом своих региональных отделений в 2014 г. в таких городах как Владивосток, Екатеринбург, Калининград, Нижний Новгород, Новосибирск, Санкт-Петербург, Ставрополь и Симферополь¹. К сожалению, на действующем сегодня сайте фонда отсутствуют разделы, посвященные региональным отделениям, но в информации о конференции «Политические итоги года – 2022» можно узнать, что в ней приняли участие руководители филиалов ФоРГО в Екатеринбурге, Калининграде, Нижнем Новгороде, Новосибирске и Симферополе².

Поиск в интернете по сочетаниям «N-ское отделение ФоРГО» позволил также найти информацию о круглых столах и семинарах, проводимых некоторыми из этих отделений в последние годы. В качестве примера приведем информацию о круглом столе «Жизнь после либерализма: конструирование содержания политико-воспитательного процесса в современной России», организованного 1 марта 2023 г. Новосибирским отделением ФоРГО, на

¹ Архивная версия текста о ФоРГО в Википедии. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20181022234834/https://ru.wikipedia.org/wiki/Фонд_развития_гражданского_общества#Филиалы_ФоРГО (дата посещения: 08.07.2023).

² Конференция «Политические итоги года – 2022» // Фонд развития гражданского общества. – 19.12.2022. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/event/150> (дата посещения: 08.07.2023).

котором представители власти, экспертного и профессионального педагогического сообщества выясняли, чем они могут помочь друг другу в формировании содержания политико-воспитательного процесса и новых практик. В круглом столе приняли участие представители пяти регионов Сибири и Дальнего Востока, на нем выступил и министр региональной политики Новосибирской области А. Ключозв¹.

Обратимся к нашему набору функций фабрик мысли. Исследовательская функция в этом случае явно присутствует и, прежде всего, она выражена в проектах составления региональных рейтингов. Образовательная функция была намечена и реализовывалась лишь в течение 2014 г., в виде международного курса лекций «Время России». Креативная функция в этом случае практически отсутствует, так как сотрудники и эксперты ФоРГО не искали решения выявленных проблем, или, как в случае деятельности ИНОП, не предлагали каких-либо программ деятельности. Коммуникативная функция имеет место – как на федеральном, так и на региональном уровне – в виде регулярных конференций и круглых столов с обсуждением актуальных вопросов современной российской политики. Отметим при этом, что на площадках ФоРГО присутствуют преимущественно сторонники одной партии – «Единой России», при участии представителей парламентской «оппозиции». Что касается внедренческой функции, то она, как и в случае ИНОП, практически отсутствует, так как в первые годы имелся один влиятельный заказчик – В.В. Володин, который, правда, в конце 2016 г. перешел на позицию спикера Государственной думы, но сохранил существенную часть своей влиятельности и, кроме того, региональные рейтинги оказались, по-видимому, нужны и новому руководству блока внутренней политики Администрации Президента.

В практике деятельности ФоРГО можно обнаружить такую новую функцию, как инструктивно-рекомендательную по отношению к преподавателям и исследователям в области общественных наук, эта функция проявилась в ходе подготовки и проведения трех конференций преподавателей общественных наук в 2013–

¹ Власть и экспертное сообщество вместе искали «новые смыслы» // Информационный портал Сибкрай. ru. – 01.03.2023. – Режим доступа: <https://sibkray.ru/news/1/968266/> (дата посещения: 10.07.2023).

2017 гг. с участием руководящего состава Управления внутренней политики и первого заместителя руководителя Администрации президента. Эти конференции очень напоминали по форме инстративные встречи подобных преподавателей с партийными руководителями КПСС в советское время.

ИСЭПИ

В отличие от ФоРГО, фонд Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ) был создан еще в мае 2011 г. с целью написания предвыборной программы для Народного фронта Владимира Путина. Ранее оба руководящих поста в ИСЭПИ – председателя попечительского совета и председателя совета директоров – занимал сенатор Николай Федоров. Став министром сельского хозяйства, он сохранил пост в попечительском совете, а совет директоров возглавила зампред Совета Федерации Светлана Орлова. В результате «перезагрузки» 2012 г. С. Орлова заняла позицию председателя попечительского совета, а председателем совета директоров стал Д. Бадковский¹.

Осенью 2012 г. перед Фондом ИСЭПИ была поставлена важнейшая задача – организация масштабной аналитической и экспертной площадки, которая должна была стать одним из интеллектуальных центров принятия решений, прежде всего, в области внутренней политики страны. Одновременно перед ним сохранялась задача концептуального и содержательного сопровождения деятельности Общероссийского народного фронта (ОНФ). В марте 2013 г. Фонд ИСЭПИ, совместно с ОНФ, выступил организатором первой конференции Общероссийского народного фронта «Строительство социальной справедливости», которая состоялась 28–29 марта 2013 г. в Ростове-на-Дону. Как упоминалось в СМИ, «руководители фонда признавались, что ИСЭПИ некогда оказывал финансовую поддержку Общероссийскому народному фронту (ОНФ). Интересно, что в июле 2013 г. именно ИСЭПИ стал пер-

¹ Костенко Н. Новый аналитический центр Кремля будет искать пути примирения власти и общества // Ведомости. – 15.08.2012. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/08/15/sobiratel_ekspertov (дата посещения: 09.07.2023).

вым правообладателем официального товарного знака ОНФ, а самому фронту права на него были переданы только в начале 2014-го»¹.

Первым крупным публичным исследованием фонда ИСЭПИ стал аналитический доклад «Прямые выборы губернаторов и система сбора муниципальных подписей в 2012 году», опубликованный 15 ноября 2012 г. В докладе, в частности, обосновывалась необходимость предоставления субъектам РФ права выбора модели наделения полномочиями высшего должностного лица региона.

В посвященной созданию этого фонда статье в «Ведомостях» отмечалось, со ссылкой на сотрудника Администрации Президента, что «В идеале фонд должен стать одновременно чем-то наподобие Центра стратегических разработок Германа Грефа, разрабатывавшего в первые годы правления Владимира Путина ключевые экономические реформы, и Фонда эффективной политики Глеба Павловского, делавшего почти то же самое в сфере политики. Направлениями исследований станут модернизация политической системы, новая социальная политика, развитие гражданского общества, новые медиа, диалог власти и общества, качественная социология»².

В первые годы фонд ИСЭПИ действительно развивал свою деятельность во многих направлениях. Так, как и ФОРГО, он начал готовить и регулярно публиковать политические рейтинги, но это были не рейтинги губернаторов и регионов, а рейтинги депутатов Государственной думы и политических партий. Так, например, в 2017 г. эксперты ИСЭПИ составили рейтинг «топовых блогеров» Государственной думы РФ. При этом в докладе указывалось, что некоторых лидеров рейтинга можно назвать «топовыми» с натяжкой:

¹ Малютин А. Из жизни башен Кремля: газета «Взгляд» перешла от команды Володина к «мозговому центру» Кириенко // Интернет-газета «Реальное время». – 05.09.2017. – Режим доступа: 07.07.2023. <https://realnoevremya.ru/articles/75291-vzglyadru-pereshla-ot-volodina-k-komande-kirienko> (дата посещения: 06.07.2023).

² Костенко Н. Новый аналитический центр Кремля будет искать пути примирения власти и общества // Ведомости. – 15.08.2012. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/08/15/sobiratel_ekspertov (дата посещения: 07.07.2023).

депутаты Госдумы часто делали репосты в соцсетях вместо разъяснений сути законопроектов и общения с гражданами¹.

Как уже отмечалось, начиная с 2013 г. ИСЭПИ принял на себя функцию оператора президентских грантов для российских исследовательских НКО и вполне достойно реализовывал ее в течение трех лет. Как было показано в магистерской диссертации О.А. Зазуля, ИСЭПИ, вместе с фондом «Гражданское достоинство», были двумя операторами грантов, которые не были включены в перераспределительные коалиции операторов (когда операторы президентских грантов давали гранты филиалам других грантооператоров и наоборот [Зазуля, 2016]).

Фонд ИСЭПИ, в соответствии с консервативным поворотом всей российской политики после 2012 г., также взял на себя функцию развития «просвещенного» консерватизма с опорой на достижения русской консервативной мысли. Этой цели служили конференции под общим названием «Бердяевские чтения», названные так в честь русского философа Н.А. Бердяева, 140-летие которого отмечалось в 2014 г. Первые Бердяевские чтения состоялись в мае 2014 г. в Подмоскowie, Вторые чтения прошли в два этапа – в августе в Крыму, в Ялте, и в сентябре в Москве. Третьи чтения состоялись весной 2015 г. в Калининграде, Четвертые – в сентябре этого же года во Владивостоке². В рамках этих чтений в доброжелательном академическом формате обсуждались конкретные доклады и в целом развитие различных вариантов консервативной мысли. Отметим, что среди участников этих чтений были далеко не только сторонники консервативного тренда.

Последние, Пятые Бердяевские чтения «Ценности vs глобализация. Кризис европейской цивилизации и векторы ее возрождения» состоялись 20–21 октября в 2016 г. во Франции, в Париже и в Кларамаре, где Н.А. Бердяев провел последние годы своей жизни и был похоронен. Участники форума посетили могилу философа, а затем в доме Бердяева состоялся круглый стол, посвященный

¹ Эксперты составили рейтинг «топовых блогеров» Государственной думы // РБК. Политика. – 13.09.2017. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/13/09/2017/59b7efa69a79478340f7bc5f> (дата посещения: 08.07.2023).

² Вильф А. Политологи обсудят развитие России и Азии на «Бердяевских чтениях» // РИА Новости. – 15.08.2015. – Режим доступа: <https://ria.ru/20150817/1189698503.html> (дата посещения: 09.07.2023).

обсуждению наследия философа, а также проблемам развития русской философии¹.

На сайте Фонда президентских грантов нам удалось найти заявку 2017 г. на реализацию научно-просветительского проекта «Бердяевские чтения», поданную от имени АНО «Альманах «Тетради по консерватизму»». Этот проект предусматривал проведение трех просветительских форумов (VI–VIII «Бердяевские чтения») (правда, все в Центральном федеральном округе) и издание выпусков Альманаха «Консервативные тетради». Сумма запрашиваемых средств составляла 4 526 535 рублей, собственный вклад организации планировался в 90 000 рублей. Заявка не была поддержана². Издание же ежеквартального альманаха фонда ИСЭПИ «Тетради по консерватизму», начатое в 2014 г., продолжается и сегодня, читателю доступен первый номер 2023 г., посвященный 100-летию А.А. Зиновьева [Тетради. ..., 2023]³.

Отметим еще один проект ИСЭПИ, который был представлен летом 2015 г. в рамках общеобразовательного форума «Территория смыслов» – проект «Школы политической философии», предназначенной для молодых перспективных политологов, социологов, политиков, историков и философов, и которую должен был возглавить декан факультета политологии МГИМО Алексей Воскресенский. Выпускники школы, по словам инициаторов проекта, должны стать новым поколением мыслителей, способных формулировать приоритеты и задачи развития России. Как пояснил корреспонденту «Ведомостей» руководитель ИСЭПИ Дмитрий Бадовский: «Задача – сформировать на базе выпускников и преподавателей школы постоянно действующее сообщество профессионалов нового поколения, которые потом смогут работать в ведущих исследовательских и

¹ V международный форум «Бердяевские чтения» // Сайт МГИМО (У). – 25.10.2016. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/departments/v-mezhduнародnyy-forum-berdyayevskie-chteniya/> (дата посещения: 08.07.2023).

² Научно-просветительский проект «Бердяевские чтения» // Сайт Фонда Президентских грантов. – 2017. – Режим доступа: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=1e22c6da-cd30-417f-a9ac-603827013d14> (дата посещения: 07.07.2023).

³ Архив Альманаха доступен по веб-адресу. – Режим доступа: <http://essaysonconservatism.ru/> (дата посещения: 09.07.2023).

аналитических центрах страны»¹. Однако, насколько нам известно, этот проект так и не был реализован.

Мы остановились на проектах ИСЭПИ (как реализованных, так и планировавшихся), направленных на взаимодействие (и оказание влияния на) с экспертным сообществом и его молодым поколением. Остановимся здесь на еще одной стороне деятельности фонда, направленной на более широкую аудиторию. Так, еще в 2013 г. в интервью корреспонденту «Коммерсанта» руководитель ИСЭПИ Д. Бадовский сказал: «Сейчас не хватает некоего СМИ, которое в идеологическом плане бы конкурировало с такими гигантами, как “Коммерсант” и “Ведомости” и отражало бы отличную от них точку зрения... Ближе к осени мы определимся со стратегией развития медиаактивов. Не исключено, что для развития новых медиа будут использованы уже существующие площадки “Взгляд. Ру” и “Дни. Ру”». В 2013 г. ИСЭПИ являлось владельцем издательства «Однако» (выпускавшего одноименный журнал Михаила Леонтьева), ООО «Контр-ТВ», запустившего одноименное интернет-телевидение как конкурента интернет-телевидению «Дождь», и ООО «Взгляд» и ООО «Популярная литература» супругов Константина и Елены Рыковых, выпускающих интернет-издание «Взгляд. ру» и «Дни. ру»².

Как отмечал спустя четыре года Артем Салютин, если верить данным Роскомнадзора, в разное время фонду Д. Бадовского принадлежало более четырех десятков доменных имен: русский-консерватизм. рф, politician2016. ru, политанализ. рф, реальнаяполитика. рф, политнаука. рф и другие, некоторые работали и в 2017 г., например, сайт «РусскаяIdea» – проект, посвященный «проблематике «политического консерватизма» – относительно новой идеологии для России», говорится в описании ресурса. Колонки и статьи для сайта пишут журналисты, известные историки и политологи. В целом же «РусскаяIdea» не новостной, а скорее

¹ Фаризова С. Близкий к Кремлю фонд ИСЭПИ открывает Школу политической философии // Ведомости. – 25.08.2015. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/08/25/606039-blizkii-kremlyu-fond-isepi-otkrivaet-shkolu-politicheskoi-filosofii> (дата посещения: 10.07.2023).

² Сурначева Е. Кремлю нужна новая «Европа». Будущее издательство и новое СМИ должны побороть монополию либерализма // Коммерсант. – 11.06.2013. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2209932> (дата посещения: 10.07.2023).

научно-популярный ресурс. Зато политические события освещает портал «Политаналитика». До недавнего времени владельцем домена этого сайта был ИСЭПИ, а с весны 2017 г. адрес числится за ООО «Практика новых медиа». По данным «СПАРК-Интерфакса», эту компанию незадолго до сентябрьских думских выборов 2016 г. учредили Дмитрий Бадовский и его коллега по Администрации Президента и ИСЭПИ Кирилл Солод¹.

Приведем здесь также фрагменты экспертного интервью, взятые в 2019 г. у Респондента Б., одного из ведущих экспертов и членов команды ИСЭПИ. Так, на вопрос о консервативных фабриках мысли он ответил: *К консерваторам я бы также отнес группу телеканала «Царьград» во главе с Малафеевым, где представлены заметные консервативной мысли: Е. Холмогоров, А. Дугин, А. Норкин (недавно ставший консерватором), Ю. Пынько. И в какой-то степени наш фонд (ИСЭПИ) также можно отнести к этой категории, потому что мы издаем альманах «Тетради по консерватизму» и вообще мы эту тему ведем, чтобы сохранить консервативную традицию. Но это не значит, что мы делаем «консервативную» аналитику. Мы исследуем традиции русского консерватизма, а экспертиза нашего центра не является «служанкой» идеологии. На вопрос о рецепте успеха фабрики мысли был получен такой ответ: *Рецепт успеха у каждой фабрики мысли свой, но я бы выделил два компонента. Первый, это профессиональный статус исследователя. Иными словами, эксперт должен обладать научными степенями, должен быть погружен в ту или иную проблему. Также большую роль в этом играет глава организации. Он должен быть видной фигурой, в том плане, что должен иметь контакты со многими людьми во власти, в научном сообществе и т.д. Наконец, ответ на вопрос о ситуации в ИСЭПИ в 2019 г.: *У нас произошла реорганизация в институте, чтобы отвечать новым целям и задачам, но я бы не назвал бы это упадком, а сменой вектора развития организаций².***

Возможно, ситуацию с деятельностью ИСЭПИ в 2019 г. действительно не стоило называть упадком, но к лету 2023 г. она

¹ Малютин А. Из жизни башен Кремля: газета «Взгляд» перешла от команды Володиной к «мозговому центру» Кириенко // Интернет-газета «Реальное время». – 05.09.2017. – Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/75291-vzglyadru-pereshla-ot-volodina-k-komande-kirienco> (дата посещения: 10.07.2023).

² Интервью с респондентом Б, ведущий эксперт ИСЭПИ, май 2019 г.

скорее ухудшилась, так как в течение нескольких месяцев веб-сайт этого фонда недоступен. Действуют веб-сайты альманаха «Консервативные тетради» и еще одного журнала, издаваемого под эгидой ИСЭПИ – «Историк», они, по-видимому, и представляют собой сейчас реальные проекты этого фонда. Причина такой ситуации, как можно предположить, та же, что и в существенном снижении активности ФоРГО – смена в конце 2016 г. на посту первого заместителя руководителя Администрации Президента В.В. Володина на С.В. Кириенко и создание им провластной фабрики мысли «третьего поколения» – Экспертного института социальных исследований. Просто ФоРГО смог лучше адаптироваться к новой ситуации, чем ИСЭПИ.

Рассмотрим теперь выраженность в деятельности ИСЭПИ нашего набора функций. Исследовательская функция явно присутствовала, по крайней мере, в период составления рейтингов политиков и политических партий. Можно также принять, что изучение российской консервативной политической мысли имело и имеет место на протяжении всей деятельности фонда. Образовательная или, точнее, просветительская функция была связана, прежде всего, с проведением Бердяевских чтений и с планами Школы политической философии. Креативная функция в политической области скорее отсутствовала, так же, как и в деятельности ФоРГУ, так как время политического плюрализма уже прошло и все решения готовились в структурах Администрации Президента. Коммуникативная функция, прежде всего, в рамках тех же Бердяевских чтений и подготовки выпусков альманаха «Тетради по консерватизму» все же имела место, а вот внедренческая функция, как и в случае ФоРГО, практически отсутствовала по тем же причинам.

Вместе с тем в период работы в качестве оператора президентских грантов ИСЭПИ однозначно реализовывал ресурсную функцию, функцию поддержки других неправительственных аналитических структур. Можно также считать, что и регулярное издание в течение девяти лет альманаха «Тетради по консерватизму» в определенной степени было ресурсом для развития исследований в области консервативной философии.

ЭИСИ

Экспертный институт социальных исследований (ЭИСИ) был создан в **марте 2017 г.**, вскоре после прихода С.В. Кириенко на пост первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ. В отличие от опыта создания ФоРГО и ИСЭПИ в аналогичной ситуации смены куратора внутренней политики в 2012 г., в этом случае не стали создавать две фабрики мысли, а сконцентрировались на одной, при этом сразу же была задана высокая академическая планка учредителей ЭИСИ – ими стали четыре российских университета, три из которых можно уверенно отнести к категории ведущих – это МГУ, СПбГУ и НИУ ВШЭ. Учредителями также стали Российская ассоциация по связям с общественностью (РАСО) и относительно недавно созданное Российское общество политологов (РОП).

Председателем совета директоров ЭИСИ с момента его основания является д-р ист. наук А.И. Шутов, декан факультета политологии МГУ, ставший несколько позже главой Российского общества политологов, по сути альтернативы Российской ассоциации политической науки (РАПН), являющейся членом Международной ассоциации политической науки. Исполнительный директор ЭИСИ – А.П. Федулкина, работавшая ранее исполнительным директором консалтингового агентства «Полилог», которое тесно сотрудничало с Росатомом по линии проектов общественной приемлемости в территориях присутствия Росатома. Профильное управление в Росатоме возглавлял А.Д. Харичев, который с 2017 г. стал заместителем руководителя Управления внутренней политики Администрации Президента, так что старое партнерство помогало развиваться и проектам ЭИСИ. Респондент В, ответственный сотрудник ЭИСИ, в своем интервью даже использовала такое выражение в отношении бывших сотрудников Полилога, ставших сотрудниками ЭИСИ: *оказались во внешнем контуре, но для решения внутривнутриполитических задач.*

За работу с экспертным сообществом в ЭИСИ изначально отвечал политтехнолог Глеб Кузнецов, ставший затем руководителем экспертного совета ЭИСИ¹. Предполагалось также, что ЭИСИ

¹ Бекбулатова Т. Кремлевскому фонду подобрали аббревиатуру и структуру // Коммерсант. – 11.04.2017. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3267879> (дата посещения: 01.02.2022).

станет активно работать и с партией «Единая Россия», в частности, с созданными в это же время рабочими группами высшего совета «Единой России». Отметим, что рабочую группу по внутривнутриполитическому развитию возглавил В.Н. Плигин – один из руководителей ИНОП в середине нулевых годов. На наш взгляд, в этом можно увидеть использование опыта провластных фабрик мысли «первого поколения».

Опыт развития и деятельности ЭИСИ, последовательно развивающего свою деятельность на протяжении шести лет, требует отдельного анализа. В этой статье мы остановимся лишь на некоторых основных его проектах. Так, в 2017 г. одним из них был проект «Россия – 2030», в рамках которого в девяти регионах России был проведен цикл общественно-экспертных семинаров.

Каждый из семинаров проходил в течение двух дней. В первый день с установочными лекциями выступали эксперты ЭИСИ, которые представляли участникам семинаров основные положения проекта «Россия – 2030». Во второй день проходили стратегические сессии, на которых обсуждались вопросы взаимодействия федеральной и региональной власти, а также создавался перечень точек роста для своих регионов¹. В качестве примера приведем семинар в Ярославле в июле 2017 г., посвященный развитию гражданского общества. «Показатель зрелости общества – развитые гражданские институты, – сказал «Известиям» председатель совета директоров ЭИСИ Андрей Шутов, подчеркнув, что развитие гражданских инициатив осложняется противодействием бюрократии. В ЭИСИ пояснили, что на семинаре также будет обсуждаться «вредительство» тех сил, которые хотели бы выдать за проявление здоровой активности созданные ими симулякры. За такими силами стоят некоммерческие организации, в том числе и с зарубежным участием деструктивных сил. Мы рассмотрим форматы противодействия подобным организациям в ходе работы семинара, – заявил Шутов»². К сожалению, мы не смогли найти каких-либо

¹ Цикл общественно-экспертных семинаров «Россия – 2030» // ЭИСИ. – Режим доступа: <https://eisr.ru/events/tsikl-obshchestvenno-ekspertnykh-seminarov-rossiya-2030/> (дата посещения: 10.07.2023).

² Ладилова Е. Кремлевские эксперты ищут лекарство от социальной апатии. Аналитики ЭИСИ проведут мониторинг общественных движений и обсудят проблемы арктических регионов // Известия. – 12.07.2017. – Режим доступа:

следов самого проекта «Россия – 2030», основные положения которого презентовались участникам семинаров. В том же 2017 г. ЭИСИ подготовил и опубликовал доклад, в котором отмечалось, что избирательная система России соответствует мировым стандартам, а предстоящим выборам будет дана высокая оценка со стороны международных наблюдателей [Кремлевский фонд, 2017].

На сайте ЭИСИ в разделе «Об ЭИСИ» можно найти перечень направлений работы центра: 1. Аналитика (региональная, федеральная, международная). 2. Прогнозирование и стратегические разработки (разработка программных документов). 3. Исследования (кабинетные, полевые). 4. Образовательные, просветительские, издательские проекты. 5. Организация работы экспертного сообщества в интересах национальной повестки дня.

На наш взгляд, разделы «Аналитика» и «Исследования» можно объединить в один, соответствующий исследовательской функции фабрик мысли. Этот раздел в деятельности ЭИСИ представлен очень достойно. Прежде всего это относится к региональным исследованиям, которые освещаются сейчас на отдельном портале «Региональные практики», на который есть вход с сайта ЭИСИ¹.

Вот как представил эту деятельность респондент В, ответственный сотрудник ЭИСИ: *У нас была гипотеза, что куча всего правильного и полезного происходит в регионах и правильно это поддерживать, тиражировать на федеральный уровень способствовать обмену опытом между регионами. И мы подумали, что правильно раз в неделю делать такой обзор, условно говоря, практик по повышению качества жизни в регионах. Там был разный рубрификатор, разные направления, но сейчас довольно быстро попали в сторону социальной политики, потому что курс государства социально направленный. Поэтому и практики в регионах тоже такие. Мы стали делать раз в неделю такие дайджесты и показывать работу регионов регулярно².*

Наряду с региональными исследованиями ЭИСИ продолжает публиковать серию прогнозов (как указано на сайте) развития различных отраслей в новых экономических условиях, которые в ре-

<https://iz.ru/617554/elena-ladilova/eksperty-poishchut-lekarstvo-ot-sotcialnoi-apatii> (дата посещения: 10.07.2023).

¹ Режим доступа: <https://regions.eisr.ru/> (дата посещения: 10.07.2023).

² Интервью с респондентом В., июль 2023 г.

альности являются сводками текстов интервью трех-четырех специалистов определенного профиля, отвечавших на одни и те же вопросы. В разделе «Исследования» размещен также «Предварительный прогноз для политического рынка 2021 г. Выпуск 4. На финишной прямой». Этот прогноз состоит из 15 страниц текста и основан на разработанный ЭИСИ методике.

В качестве примера исследования по международной тематике приведем доклад ЭИСИ «Протесты в мире 2021. Триггеры». Предметом исследования выступала протестная активность в 40 странах в период с января 2021 по январь 2022 г. Материал поделен на три подраздела, согласно трем триггерам протестов: антиковидные меры, социально-экономические и политические триггеры (этим трем видам триггеров были посвящены три страницы доклада альбомного формата, которые, скорее, представляют собой три информативных слайда). Как указано на сайте ЭИСИ, этот доклад был представлен и обсужден в рамках круглого стола на тему: «Смысл бунта. Протесты в мире: требования, ход, итоги».

Что касается второго направления деятельности, представленного на сайте ЭИСИ – «Прогнозирование и стратегические разработки», то, хотя эти термины и встречаются часто на сайте, но мы обнаружили, по сути, лишь электоральные прогнозы. Да, на сайте ЭИСИ в нескольких местах говорится о том, что институт занимается этим направлением, но в открытых источниках подобные примеры нам не удалось найти. Вполне возможно, они создавались, но в режиме «для служебного пользования».

Образовательные же и просветительские проекты развиваются на протяжении всех лет работы ЭИСИ. О цикле региональных двухдневных семинаров в рамках проекта «Россия – 2030» мы уже писали. Здесь же выделим совместный проект ЭИСИ и Росмолодежи ежегодный Форум «Дигория», который проводится уже пять лет начиная с 2019 г. В июле 2023 г. этот форум, который начинался как место встречи молодых политологов – студентов и аспирантов, превратился, как указано на его сайте, во «всероссийскую платформу, объединяющую лучших специалистов, социально-гуманитарного профиля, готовых к решению актуальных задач, стоящих перед российским обществом и государством»¹.

¹ История // Сайт «Дигория». – Режим доступа: <https://digoriya.ru/forum/#history> (дата посещения: 10.07.2023).

На V форуме «Дигория», который прошел в июле 2023 г. в Нижнем Новгороде, активно участвовал и С.В. Кириенко, который в первый день на открытии присутствовал онлайн и зачитал приветствие В.В. Путина, а в день закрытия форума приехал в Нижний уже лично и более двух часов общался с молодыми экспертами, далее он проводил разные встречи на полях. В материале по итогам этого форума в «Независимой газете» приводятся слова сопредседателя форума А.И. Шутова: «...проект “Дигория” за пять лет своего существования превратился из “клуба по интересам” в полноценную “фабрику мысли”, которой по плечу решение самых сложных проектных задач»¹.

ЭИСИ, в отличие от фонда ИСЭПИ, не стал оператором грантов Президента РФ, так как вместо нескольких операторов грантов в 2017 г. был создан единый – Фонд президентских грантов. Зато уже спустя пару лет, в 2019 г., ЭИСИ стал одним из операторов специального конкурса грантов для исследователей в области общественных наук, с акцентом на политологов. Тем самым было продемонстрировано желание Администрации Президента поддерживать деятельность специалистов в области общественно-политических наук. В 2019–2021 гг. этот конкурс проводился ЭИСИ совместно с Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), его отделом общественных наук, а после принятия правительственного решения о лишении РФФИ права выдачи грантов на развитие научных исследований, ЭИСИ начал распределять эти гранты совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и РАН РФ, при этом тематика грантового конкурса, по-видимому, определялась ЭИСИ самостоятельно, в отличие от ситуации 2019–2021 гг., когда это делали представители ЭИСИ и РФФИ совместно.

Проанализируем динамику этой тематики с 2019 по 2023 г. В большинстве конкурсов затрагивались темы образа будущего России, традиций и ценностей, молодежной политики (за исключением конкурса 2023 г.), политических и социальных процессов в условиях цифровизации, этнополитические процессы (2019–2021),

¹Серенко А. «Дигорию» превратят во внутривластную «фабрику смыслов». Форум молодых политологов может стать аналогом Валдайского клуба // Независимая Газета. – 20.07.2023. – Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2023-07-20/8_8779_forum.html (дата посещения: 27.07.2023).

политической истории. Можно отметить различия в подходе к формулировкам этих тем. Так, в 2019 г. на конкурс принимались работы по 14 довольно широко обозначенным направлениям (например, темы «Государственная политика: новые вызовы, механизмы и тенденции формирования» или «Этнополитические процессы в России и мире»¹). С 2020 г. под каждой темой указано пояснение – перечень вопросов, которые могут быть затронуты в данной категории исследований, а сам список направлений сократился до 10 тем (в 2022 г. 11 тем.).

Темы проектов 2022 и 2023 гг. отражают большую идеологическую направленность, нежели в более ранних конкурсах: основная часть тем связана с патриотизмом, суверенитетом и традиционными ценностями – кодовые слова, которые можно услышать в повестке, транслируемой средствами массовой информации. Помимо молодежной политики, исключенной из списка тем в 2023 г., в конкурсах последних двух лет не затрагиваются темы «Государственная политика: новые вызовы, механизмы и тенденции формирования» (формулировка оставалась неизменной на протяжении предыдущих трех лет), социальной активности (в 2022 г. в теме «Общественное согласие» было упомянуто волонтерство, ранее рассматриваемое в рамках направления «социальная активность», однако оно стало единственной темой, сохранившейся от этого направления и уже не упоминалось в анонсе конкурса 2023 г.) и этнополитических процессов. Вместо этих тем появился запрос на уже упомянутые выше исследования патриотизма, суверенитета, роли и места России в мире, а также российской идентичности и традиционных ценностей.

Однако роль экспертного сообщества в этой системе остается неочевидной. Существует два возможных варианта использования подобных исследований. Первый – привлечение экспертов для разработки более эффективных путей продвижения повестки. Например, в анонсе конкурса 2022 г. можно увидеть запрос на следующие исследования: «Формы, методы и принципы формирования патриотизма в обществе», «Факторы устойчивого развития и посткризисного восстановления России в различные исторические

¹ Конкурс на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, реализуемые молодыми учеными, проводимый совместно РФФИ и ЭИСИ // РФФИ. – 2019. – Режим доступа: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/contest/n_812/o_2082924 (дата посещения: 17.07.2023).

периоды»¹. Подобные темы вполне могут ответить на вопрос «Как можно выстроить политику?». Далее в списке возможных тем для написания работ с 2019 по 2023 г. присутствует пункт «Образ будущего России», в котором, помимо прочих подтем, предлагается изучение *восприятия будущего России различными социальными группами* – эти исследования могут быть задуманы уже как мониторинг общественного мнения. Таким образом, первый вариант взаимодействия с экспертами, привлеченными на грантовой основе, предполагает использование результатов их исследований для разработки политики.

Во втором варианте темы поддерживаемых проектов являются инструментом влияния на экспертное сообщество. То есть гранты стимулируют ученых делать исследования и публиковать статьи по темам, важным для реализации и обеспечения поддержки уже принятой повестки. Таким образом, в информационном поле появляется обоснование ее «правильности». В качестве примера можно привести пункты из перечня тем для конкурса 2023 г. Заявленной темой являются «Ценностные константы и переменные российской цивилизации», в то время как расшифровка этой темы звучит следующим образом: «Общинность, наличие сверхцели и своего пути, адаптивность как основные ценностные константы российской цивилизации, иные константы и переменные»² – таким образом, организаторами конкурса уже заявлено, о каких ценностях следует написать в первую очередь. Ученым предлагается вполне конкретный перечень установок для их трансляции вовне.

Мы видим преобладание второго подхода в конкурсах 2022 и 2023 г. Этот сдвиг может быть связан, прежде всего, с изменениями в российской политике, включая и начало СВО. Второй причиной может являться формулировка тематики конкурса в эти два года исключительно экспертами ЭИСИ. В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что в списке поддер-

¹ ЭИСИ поддержит исследовательские проекты в сфере общественно-политических наук // ЭИСИ. – 2022. – Режим доступа: <https://eizr.ru/news-and-announcements/eisi-podderzhit-issledovatel'skie-proekty-v-sfere-obshchestvenno-politicheskikh-nauk/> (дата посещения: 25.07.2023).

² ЭИСИ запускает отбор лучших проектов в сфере общественно-политических наук. 2023 // ЭИСИ. – 2023. – Режим доступа: <https://eizr.ru/news-and-announcements/eisi-zapuskayet-otbor-luchshikh-proektov-v-sfere-obshchestvenno-politicheskikh-nauk/?ysclid=lkj4c80wgc735217522> (дата посещения: 25.07.2023).

жанных проектов конкурса 2022 г. (а в отборе заявок участвовали не только эксперты ЭИСИ) отсутствует концентрация на «традиционных ценностях»¹.

Итак, для ЭИСИ, как и для всех проанализированных нами фабрик мысли, исследовательская функция (куда мы относим также анализ) является ярко выраженной. Достаточно сильно выражена и образовательная функция. Креативная же функция, хотя и заявлена в различных публикациях и на сайтах организации, в публичном поле выражена слабо, за исключением краткосрочных прогнозов выборов. Достаточно ярко у ЭИСИ отражена и коммуникативная функция, хотя и носящая преимущественно инструктивный характер. Внедренческая функция у ЭИСИ, так же, как и у остальных проанализированных здесь фабрик мысли, отсутствует за ненадобностью – взаимодействие с Администрацией Президента идет постоянно.

Приведем здесь и ответ респондента В. на вопрос о представленности в работе ЭИСИ используемого нами набора функций: *Ну, если из такой методологии исходить, то совершенно точно, на мой взгляд, две превалируют – это исследовательская и коммуникативная. Ну, вот как бы две вещи основные. Только я бы, знаете, наверное, если вещи своими именами называть, коммуникативную по-другому называла... это пропагандистская во многом, на самом деле. То есть формирование, не только формирование смыслов, но их правильная интерпретация и донесение. Конечно, мы так не говорим, но смыслово, мне кажется, это про это. А может быть, и стоит даже об этом говорить и не стесняться, все-таки время такое сейчас неоднозначное. Да, и образовательная функция также присутствует*².

Заключение

Подведем итоги. В таблице представлены результаты анализа пяти выявленных нами функций у фабрик мысли, аффилиро-

¹ Итоги конкурса на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, проводимого совместно РФФИ и ЭИСИ // РФФИ – 2022. – Режим доступа: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/rffi_contest_results/o_2122351 (дата посещения: 25.07.2023).

² Интервью с респондентом В., сотрудник ЭИСИ, июль 2023 г.

ванных с российской властью, а также обнаруженные нами новые функции.

Таблица

Функции российских, аффилированных с властью, фабрик мысли

Функции	Исследовательская / Аналитическая	Образовательная	Креативная	Коммуникативная	Внедренческая	Новые	Новые
ИНОП	***	**	**	***	–	Ресурсная	
ФоРГО	***	*	–?	***	–		Инструктивно-рекомендательная
ИСЭПИ	***	**	–?	***	–	Ресурсная	
ЭИСИ	***	**	–?	*** / пропаганда	–	Ресурсная	Инструктивно-рекомендательная

Так, мы видим, что для четырех фабрик мысли характерна высокая выраженность исследовательской / аналитической и коммуникативной функций, а также отсутствие в их деятельности функции внедрения, что характерно, вероятно, для всех клиентских фабрик мысли. Менее выражена, но все еще присутствует образовательная функция. Креативная же функция, связанная с поиском путей решения выявленных проблем, присутствует в публичном поле у самой ранней из рассмотренных структур – у ИНОП, а затем, если и существует, то в режиме «для служебного пользования».

Далее, у трех из четырех рассмотренных фабрик мысли присутствует ресурсная функция, выраженная в распределении грантовых денег из федерального бюджета для поддержки исследовательских проектов некоммерческих организаций, а затем и просто исследовательских коллективов. Наконец, в деятельности ФоРГО и ЭИСИ можно выявить и такую, новую для независимых фабрик мысли, функцию (но такую привычную для практики взаимодействия структур КПСС с советскими учеными-обществоведами в позднем СССР) как инструктивно-рекомендательная.

В целом на основе проведенного анализа мы можем представить себе эволюцию аффилированных с властью российских анали-

тических структур за последние 20 лет как постепенную трансформацию фабрик мысли в фабрики трансляции смыслов.

A.Yu. Sungurov, D.A. Kiseleva*
**Pro-governmental think tanks in modern Russia:
a functional approach¹**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of Russian think tanks, most associated with the government: The Institute of Public Design (INOP), the Foundation for the Development of Civil Society (FoRGO), the Institute of Socio-Economic and Political Studies (ISEPS) and the Expert Institute of Social Research (EISR). It demonstrates that all the four think tanks are characterized by a high expression of research/analytical and communicative functions, as well as by the absence of the implementation function, which is probably typical for all clients think tanks. The educational function is less expressed, but still is present. The creative function associated with the search for solutions to the identified problems is present in the public field of the earliest of the structures considered in this paper – INOP.

Three think tanks reviewed (excluding FoRGO), have a resource function expressed in the distribution of grant money from the federal budget. Finally, in the activities of FoRGO and EISR, it is possible to identify such a new function for independent thought factories as an instructional and advisory one.

Keywords: think tanks; expert community; civil society; Administration of the President of the Russian Federation

For citation: Sungurov A.Yu., Kiseleva D.A. Pro-governmental think tanks in modern Russia: a functional approach. *Political Science (RU)*. 2023, N 4, P. 155–185. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.06>

References

- Abelson D. *Northern Lights: Exploring Canada's Think Tank Landscape*. Montréal et Kingston: McGill-Queens University Press, 2016, 392 p.
- Balayan A.A., Sungurov A.Yu. Think tanks in the conditions of global transformations. Saint. Petersburg: Aleteya, 2022, 318 p. (In Russ.)
- Efremenko D.V. Think tanks and the foreign policy agenda of modern Russia. *Political Science (RU)*. 2015, N 3, P. 91–111. (In Russ.)

* **Sungurov Alexander**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: asungurov@mail.ru; **Kiseleva Darya**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: kiseleva-d@yandex.ru

¹ The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant № 22–0000032).

- Malinova O.Y. Expert-analytical organizations and the formation of the public agenda: analysis of ideological practices in modern Russia. *Political Science (RU)*. 2013, N 4, P. 192–210. (In Russ.)
- The Political atlas of modernity: The experience of multidimensional statistical analysis of the political systems of modern states. Moscow: Publishing House “MGIMO-University”, 2007, 272 p. (In Russ.)
- Sungurov A.Yu. How political innovations arise: “think tanks” and other mediation institutions. – Moscow: Political Encyclopedia, 2015. – 383 p/
- Notebooks on conservatism: An Almanac*. N 1. Moscow: Non-profit Foundation – Institute of Socio-Economic and Political Studies (ISEPI Foundation), 2023, 364 p.
- Zaytsev D., Belyaeva N.Y. Determinants of the policy impact of analytical communities in Russian regions: Cases of Karelia, Tatarstan and Saratov. *Central European journal of public policy*. 2017, Vol. 11, N 2, P. 23–42.
- Zazulya O.A. Redistributive policy towards NGOs in Russia in 2015. Master's thesis, 2016. Protected within the framework of the HSE – SPb program “Politics and Management”. Mode of access: https://studbooks.net/2024070/finansy/pereraspredelitel'naya_politika_v_otnoshenii_nko_v_rossii_v_2015_godu (accessed: 23.03.2023).

Литература на русском языке

- Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли в условиях глобальных трансформаций. – СПб.: Алетейя, 2022. – 318 с.
- Ефременко Д.В. Фабрики мысли и внешнеполитическая повестка современной России // Политическая наука. – 2015. – № 3. – С. 91–111.
- Зазуля О.А. Перераспределительная политика в отношении НКО в России в 2015 году. Магистерская диссертация, 2016. Защищена в рамках программы НИУ ВШЭ – СПб «Политика и управление». – Режим доступа: https://studbooks.net/2024070/finansy/pereraspredelitel'naya_politika_v_otnoshenii_nko_v_rossii_v_2015_godu (дата обращения: 25.07.2023).
- Малинова О.Ю. Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: анализ идеологических практик в современной России // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 192–210.
- Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
- Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Беляев А.Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. II. Фабрики мысли и центры публичной политики // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 99–116.
- Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 383 с
- Тетради по консерватизму: Альманах. – № 1. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2023. – 364 с.

РЕТРОСПЕКТИВА

Д.С. МУХОРТОВ, И.Э. СТРЕЛЕЦ*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЗИДАТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ИТОГИ ОПРОСА)¹

Аннотация. В данной статье предпринята попытка поиска механизмов оптимизации процесса формирования созидательных ценностей студенческой молодежи посредством анализа соотношения личностно-ориентированного и социально значимого в аксиологической сфере современного студента. Объектом исследования является «аксиологическая зрелость» бакалавров ряда топовых вузов Москвы (n=324) по специальностям «политология», «государственное и муниципальное управление», «менеджмент», «экономика и финансы». Выбор в пользу данной социальной группы обусловлен тем, что именно студенты наиболее востребованных столичных вузов и особенно те из них, кто обучается на управленческих специальностях, гипотетически представляют основу российского истеблишмента в ближайшей перспективе, поэтому являются стратегией, привлекающей интерес научного и экспертного сообщества. Основой эмпирического исследования стало проведение анкетирования. Акцент делался на четырех цен-

* **Мухортов Денис Сергеевич**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 1 факультета международных отношений, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: dennismoukhortov@mail.ru; **Стрелец Илья Эрнстович**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: sagitil@mail.ru

¹ Данная статья подготовлена в рамках научного проекта № 122101100027–9 ИНИОН РАН «Механизмы оптимизации процесса формирования созидательных ценностей студенчества (патриотизм, гражданственность, доверие к власти, семейные традиции) посредством эффективных социально-политических коммуникаций».

ностях – патриотизме, гражданственности, доверии к власти и семейным традициям. В результате обработки ответов был сделан ряд выводов, представляющих практическую значимость для государственных структур, проводящих молодежную политику страны.

Ключевые слова: светские вузы; столичные вузы; ценности; ценностные ориентиры; студенты; патриотизм; доверие к власти; семейные традиции; гражданственность.

Для цитирования: Мухортов Д.С., Стрелец И.Э. Проблемы формирования созидательных ценностей студенческой молодежи (итоги опроса) // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 186–203. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.07>

Изучение ценностей молодежи является одним из приоритетных направлений в отечественных исследованиях на протяжении последних двух десятилетий. Эта тема подробно освещается в аналитическом докладе Института социологии РАН [Молодежь новой России..., 2007]), диссертациях Е.Л. Омельченко [Омельченко, 2005] и М.В. Грядунова [Грядунов, 2009], коллективных монографиях М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги [Горшков, Шереги, 2010] и Ю.А. Зубок, Т.К. Ростовской, Н.Л. Смакоотиной [Зубок, Ростовская, Смакотина 2016], эмпирическом исследовании «Российское ‘поколение Z’: Установки и ценности (2019/2020)» Л. Гудкова, Н. Зоркой, Е. Кочергиной и др. [Гудков, Зоркая, Кочергина, 2020], статьях О.В. Поповой [Попова, 2017], А.П. Фахретдиновой, А.В. Ларионовой, О.Ю. Горчаковой [Фахретдинова, Ларионова, Горчакова, 2022]. Спектр затрагиваемых тем является широким, поскольку в центре внимания находится возрастная группа людей от 18 до 30 лет.

Анализ библиографии по заявленной тематике (более 160 единиц) указывает, что ценностной проблематикой своих регионов занимаются исследователи из Комсомольска-на-Амуре, Махачкалы, Перми, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Саратова, Севастополя, Стерлитамака, Тюмени, Югры, Якутска, однако работы московских исследователей про столичных студентов редки и единичны. Среди наиболее показательных в данной связи можно выделить публикации О.А. Зыкиной [Зыкина, 2021; 2022], А.Л. Темницкого [Темницкий, 2015], Т.К. Ростовской, Д.П. Толмачева, Я.В. Шимановской [Ростовская, Толмачев, Шимановская, 2020]. В качестве объекта исследования некоторые ученые заявляют все современное российское студенчество, тогда как их работа базируется на анализе ценностных ориентаций студенческой

молодежи конкретного региона (см., например: [Лобза, Конончук, Эгамбердиева, 2017]).

На сегодняшний день отсутствуют исследования, в которых бы давалась оценка аксиологической сферы студенческой молодежи Москвы как потенциальной основе российского истеблишмента в ближайшей перспективе, и данная публикация призвана частично восполнить имеющуюся лауну. Принципиально важным оказывается не столько фиксирование и ранжирование определенного набора ценностных ориентиров молодежи, сколько выработка конкретных механизмов по оптимизации социально значимых аксиологических векторов.

Данная статья знакомит читателя с результатами эмпирического исследования, которое проводилось на базе ИНИОН РАН в рамках научного проекта «Механизмы оптимизации процесса формирования созидательных ценностей студенчества (патриотизм, гражданственность, доверие к власти, семейные традиции) посредством эффективных социально-политических коммуникаций» по заказу Министерства высшего образования и науки Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований. Как следует из названия проекта, акцент делается на четырех социально значимых ценностных ориентирах – патриотизме, гражданственности, доверии к власти, семейных традициях.

Целевая группа и метод исследования

В рамках изучения политической социализации и механизмов формирования созидательных ценностей студенчества в сентябре 2022 – марте 2023 г. был проведен опрос среди 458 студентов светских и православных¹ высших учебных заведений Москвы.

¹ Решение привлечь к исследованию студентов православных вузов было принято для проверки гипотезы о том, что их уровень «аксиологической зрелости» должен быть выше уровня студентов светских вузов, или, другими словами, в светских вузах обучаются студенты, которые в приоритете имеют прочную гражданскую позицию, патриотический настрой, доверие к власти и чтят семейные традиции. Результаты этого исследования – в статье Д.С. Мухортова, И.Э. Стрельца, М. Церович «О ценностных ориентирах студенческой молодежи в православных вузах» в журнале «Россия и современный мир», № 4, 2023 (в печати).

Из 334 анкет от учащихся светских высших учебных заведений 135 (40%) заполнены юношами и 199 (60%) – девушками. Большая часть опрошенных студентов (95%) получали школьное образование в городе и 5% – в сельской местности. 46% респондентов родились в Москве и Московской области, 54% – за пределами Московской области. Для 63% опрошенных время проживания в Москве составило три года и более, для 37% – менее трех лет. Большая часть опрошенных (97%) имеет социогуманитарную специализацию и лишь 3% – естественно-научную. 52% респондентов являются студентами 1–2-го курса бакалавриата, 48% – 3–4-го курса бакалавриата или 1-го курса магистратуры, 71% опрошенных относятся к возрастной группе до 21 года, 29% – 21 год и старше. Оценивают свое материальное положение как среднее 60% респондентов, выше среднего – 40%. Отношение к религии у 42% учащихся светских вузов – безразличное или нейтральное, 58% относят себя к верующим.

Анкетирование было массовым, анонимным, добровольным, по полноте охвата – сплошным, по типу контактов с респондентом – заочным. Анкета была опубликована в текстовом редакторе «Google Документы», доступ к ней осуществлялся через ссылку. Вопросы были закрытыми и полужакрытыми и подразделялись на четыре раздела.

Раздел 1 – «Отношение к общественно значимым ценностям». В результате анализа опросов ВЦИОМ с 2000 по 2022 г. был установлен список из 15 рекуррентных ценностей, включая четыре, являющиеся ключевыми для данного исследования.

В список были включены следующие категории: Состояние здоровья (своего и близких) и здоровый образ жизни; Семья (отношения, общение, традиции); Безопасность личная и ближайшего окружения; Материальное положение и достаток; Бережное отношение к природной среде; Заботливое отношение к питомцам и животным в природе; Экономическая и политическая обстановка в стране; Наличие свободного времени и возможности заняться хобби; Готовность жертвовать своими интересами ради интересов Родины; Творческая самореализация (в соцсетях, в учебе, в работе и т.п.); Социальный статус, карьерный рост; Доверие к президенту страны и правительству; Забота о старшем поколении; Доверие к местным властям; Психологическая безопасность.

Данный раздел позволял установить отношение молодежи к ценностям, определяемым представителями старшего и среднего поколения как приоритетные и выстроить их иерархию. Сопутствующей целью было определить место четырех созидательных ценностей (семейных традиций, патриотизма, гражданственности, доверия к власти) в системе ценностей современного студента. При этом перечень был закрытым и не позволял добавлять иные ценности, поскольку это не входило в задачи исследования. Респонденты оценивали указанные категории по пятибалльной шкале, где «1» – самое низкое значение, «5» – самое высокое.

В процессе работы над разделом 2 «Отношение к формулировкам созидательных ценностей – семейных традиций, патриотизма, гражданственности, доверия к власти» – от респондентов требовалось определить степень согласия – несогласия с предложенными формулировками четырех указанных ценностей и в случае несогласия с любой из них предложить собственную версию. Определения были выведены путем проведения дефиниционного анализа вокабул из 15 общедоступных словарей и энциклопедий.

Респондентам было предложено оценить следующие формулировки: «Семейные традиции – принятые в семье нормы, манеры поведения, обычаи и взгляды, которые передаются из поколения в поколение»; «Доверие к власти – уверенность в действиях, надежности и благорасположенности личностей и структур, наделенных властью (исполнительной, законодательной, судебной – как центральной, так и местной)»; «Гражданственность – сознательное выполнение гражданских обязанностей и долга перед государством, обществом, народом; разумное использование гражданских прав, уважение законов страны»; «Патриотизм – любовь к родной земле, своей культурной среде, преданность своему народу и ответственность перед ним, готовность к жертвам во имя интересов своей Родины».

Целью этого раздела было сфокусировать внимание респондентов на исследуемых четырех ценностях, получить представление о том, как они определяются нынешним студенчеством, поскольку в литературе констатируется, что из-за различий в системах образования (особенно программ по русскому языку, литературе и истории) нынешней молодежи и представителей предшествующих поколений существуют семантические расхождения. Данный раздел позволил выявить степень соответствия толкова-

ний общепринятому пониманию указанных ценностей. При этом в нем не была предусмотрена возможность давать критические комментарии.

Предметом анализа раздела 3 была политическая социализация современного студента. От респондентов требовалось оценить роль каждого из основных агентов политической социализации (семьи, учебных заведений, религиозных организаций, друзей и неформальных лидеров, общественных объединений, СМИ, государства, социальных сетей) по шкале от 1 до 5, где «1» – самое низкое значение, «5» – самое высокое, и дать развернутый ответ или комментарий.

Целью раздела было выяснить, какую роль перечисленные в нем агенты социализации играют в формировании анализируемых четырех ценностей. При этом он не предусматривал ранжирование агентов социализации по их вкладу в укрепление указанных ценностей.

В задачи раздела 4 входило определить наиболее эффективные средства социально-политической коммуникации в процессе формирования созидательных ценностей современного студенчества (среди тех, что были названы в ходе фокусированных интервью на предварительном этапе исследования). Раздел позволил получить от студентов как наиболее технически продвинутых пользователей экспертные рекомендации по тому, через какие каналы трансляция созидательных ценностей окажется оптимальной. Данный раздел не предусматривал критической оценки государственных СМИ и определения их эффективности. Шкала оценки – от 1 до 5, где «1» – наименее значимая, «5» – наиболее значимая.

Внутренняя валидность исполнения опросника определялась с применением критерия надежности – α Кронбаха (Cronbach's coefficient alpha) [Cronbach 1951]. В проведении вычислений при оценивании надежности использовался статистический пакет Statistica 10. Коэффициент надежности α Кронбаха для измерительной шкалы, используемой при опросе на тему созидательных ценностей современной молодежи, состоящей из 33 пунктов при $n=334$, равен 0,9015. Для стандартизированных пунктов шкалы коэффициент надежности равен 0,9028. Ввиду отсутствия существенных различий дисперсий пунктов шкалы данные значения очень близки. Полученный результат свидетельствует о высокой внутренней валидности. При анализе путем удаления каждого

пункта анкеты рассчитанный коэффициент надежности варьировал в интервале от 0,8949 до 0,9012. Следовательно, можно сделать вывод, что все вопросы в равной степени оказывают влияние на конечный результат. Статистики в целой шкале и в отдельных разделах позволяют говорить о хорошей внутренней согласованности и надежности данного опросника.

Составленный опросник был валиден в рамках заявленных целей и имел ограниченность в аспектах уточняющего и критического характера, поскольку это потребовало бы дополнительных временных затрат со стороны респондентов.

Результаты опроса

Согласно собранным данным, наивысшую оценку получили такие ценности, как «безопасность личная и ближайшего окружения» (общая сумма баллов – 1520), «состояние здоровья (своего и близких)» – (1493) и «семья» (1473). Эти ценности оказались самыми важными для более 60% опрошенных.

Наименее важными для респондентов оказались «доверие к ветвям государственной власти» (общая сумма баллов – 1195), «готовность жертвовать своими интересами ради интересов Родины» (1132) и «доверие к местным властям» (1102). Суммарное значение оценки для этих категорий является наименьшим среди представленных. Разница в процентном соотношении между теми, кто поставил для них наивысший балл и наименьший, незначительна. Отношение к данным категориям максимально неоднозначное. В отличие от категорий, набравших большее количество баллов, в случае данных трех единодушие в ответах отсутствует. Ни одна из оценок не превышает 30% от общего числа ответивших.

Следует уточнить, что во избежание некорректного отображения результатов исследования было решено обозначать общее количество баллов, а не ограничиваться только указанием положительных баллов («4» и «5»), поскольку общее количество оценок наиболее точно выражает отношение респондентов.

Также в рамках исследования респондентам было предложено ответить на вопрос: «Какие семь ценностей в приоритете у современного студента?».

В результате были названы 1975 категорий, которые молодежь считает важными (в среднем каждый участник опроса называл по шесть). После этого был составлен список из 30 наиболее распространенных ответов: «Семья», «Здоровье (психологическое и физическое), спорт», «Карьера и карьерный рост», «Самореализация (в том числе творческая)», «Безопасность», «Материальное состояние», «Отдых и свободное время», «Учеба и образование», «Доход, финансовое положение», «Хобби», «Окружающая среда», «Социальный статус», «Свобода», «Друзья», «Помощь и забота о других», «Любовь», «Стабильность», «Патриотизм и Любовь к Родине», «Доверие к власти, президенту», «Общение», «Забота о домашних животных», «Сохранение традиций», «Успешность», «Уверенность в себе, в будущем», «Честность», «Базовые потребности (сон, еда, жилье)», «Затрудняюсь ответить», «Трудолюбие», «Религия, вера», «Другое».

По результатам анализа в качестве наиболее значимых ценностей больше половины опрошенных указали «семью» (58,1%) и «здоровье (физическое и психологическое)» (57,2%).

Около трети опрошенных ответили, что для них важны «карьера и карьерный рост» (34,1%), «самореализация (в том числе творческая)» (34,1%) и «безопасность (своя и близких)» (32,3%).

Четверть респондентов также выбрала «материальное состояние» (27,5%) и «наличие свободного времени и отдыха» (24,3%).

Важным наблюдением является то, что «трудолюбие» и «религию» указали менее 3% опрошенных, или примерно шесть человек из 334.

В графе «Другое» представлены такие категории, как «Опыт», «Любопытство», «Амбициозность», «Коммуникативные навыки», «Целеустремленность», «Призвание». Каждая из них набрала меньше 1,5%.

Результаты опроса показывают, что респонденты выражают наибольшее согласие с вышеуказанными определениями гражданственности и семейных традиций (около 65% согласны полностью).

Данный раздел было решено включить для того, чтобы выяснить общее отношение студенческой молодежи к понятийному наполнению данных категорий.

Большинство студентов светских образовательных учреждений отмечают, что проявлением патриотизма является «учиться во благо Родины» (14,6%, или 73 человека из 334). В данную катего-

рию попали ответы следующего характера: «Нужно получать образование в российских вузах, а не зарубежных», «Нужно учиться хорошо и отлично для того, чтобы стать квалифицированным специалистом и приносить пользу обществу и своему народу».

Среди частотных ответов респондентов оказались «Почитание традиций, культуры и истории своей страны» (9,6%), «Изучение культуры своей Родины» (7,6%), «Волонтерство и оказание гуманитарной помощи» (7,8%), и «Проявление активной гражданской позиции» (6,8%).

К менее распространенным относятся «Конструктивная критика государства» (0,8%) и «Поддержка отечественного производителя» (0,6%).

При ответе на вопрос о проявлении доверия к власти 95 опрошенных указали «Активную гражданскую позицию (в том числе участие в выборах и референдумах)».

68 респондентов говорят о том, что проявлением доверия к власти также является поддержка политического курса страны, в частности в интернете и социальных сетях.

Также к популярным ответам можно отнести следующие: «Отказ поддержки оппозиции и отказ от участия в митингах» (5,9%), «Участие в акциях поддержки власти» (5,6%), «Соблюдение законодательства, подчинение законам и Конституции» (4,8%).

Среди менее популярных ответов – 1% респондентов – находятся категории: «Поддержание позитивного мнения о власти среди окружения», «Поддержание стабильности в стране» и «Членство в молодежных партиях».

Как показало исследование, студент светского учебного заведения следует семейным традициям, проявляя уважение и заботу к своей семье и почитая старших (83 респондента).

54 респондента отмечают «поддержку семейных праздников», а 33 респондента – «сохранение реликвий и поддержание ценностей».

Также отмечают «преemptивность норм поведения, этнических обычаев и привычек» (6%), «преemptивность в выборе профессии, продолжение семейного дела» (2%) и «выбор того же вероисповедания, что и у членов семьи или ближайших родственников» (1%).

Данный вопрос вызвал меньше всего разногласий, поэтому в нем отсутствует категория «Другие», в отличие от ответов на другие вопросы.

В вопросе о проявлении гражданственности студенты светских вузов были практически единодушны. Больше половины респондентов (190 человек) отметили «Соблюдение законов, следование Конституции РФ, законопослушность».

64 человека отметили «Проявление активной гражданской позиции (в том числе участие в выборах, референдумах)», 51 человек отметили «Выполнение своих гражданских обязанностей и защиту прав и свобод».

По пять человек по каждой из нижеуказанных категорий отметили, что проявлением гражданственности является «Участие в акциях поддержки властей», «Участие в жизни муниципалитета / региона», «Членство в партиях и организациях (в т. ч. студенческих)» и «Посещение митингов, протестов и сбор подписей против инициатив властей».

Таким образом, можно увидеть, что самым важным общественным институтом, оказывающим влияние на политическую социализацию, является семья и близкое окружение (1400). Затем идут социальные сети, информационные платформы, мессенджеры (1379) и учебно-образовательные учреждения (1337).

К наименее влиятельным, по мнению студентов, относятся общественные объединения и партийные организации (1042) и религиозные организации и учреждения (894).

После того, как респонденты отметили степень влияния предложенных общественных институтов на свою политическую социализацию, от них требовалось дать развернутый ответ на вопрос: «Что сегодня влияет на политическую социализацию студента в наибольшей степени?». В результате были выявлены 18 позиций: «Социальные сети», «Друзья и окружение (в том числе преподаватели)», «Интернет, информационные платформы», «Семья», «Образовательные учреждения», «Государство, органы власти, политические организации, их выступления, пропаганда», «Высказывание лидеров мнений, медийных личностей, блогеров», «Самостоятельная оценка ситуации, здравый смысл», «Затрудняюсь ответить», «Мессенджеры», «Телеграм», «Информационный поток (шум)», «ТВ», «Общественные объединения, партийные организации»,

«Социально-экономическая ситуация в стране», «Религиозные организации, объединения», «Другое».

Из результатов опроса следует, что большинство респондентов отмечают «Социальные сети» (35%), «СМИ» (29,6%), «Друзей, окружение, референтные группы» (29,0%), «Интернет, информационные платформы» (20,1%) и «Семью» (19,2%).

Наименее влиятельными институтами студенты считают «Телевидение» (0,9%), «Общественные объединения и партийные организации» (0,9%), «Социально-экономическую ситуацию в стране» (0,6%) и «Религиозные организации и объединения» (0,6%).

Наиболее эффективными средствами социально-политической коммуникации респонденты считают телеграм-каналы (новостные, развлекательные, аналитические, познавательные и др.) (1297 баллов) и видеохостинги (You-Tube, Tik-Tok, RuTube, Ivi.ru, «Вторая мировая», «Империя» и др.) (1194 балла). Также отмечаются социальные сети (1147 баллов). К наименее эффективным респонденты относят информационные порталы и цифровые экосистемы (933 балла), а также телевизионные каналы (889 балла).

Далее респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какие средства социально-политической коммуникации (повседневно используемые студентом) более всего способствуют укреплению каждой из перечисленных ценностей (патриотизм, доверие к власти, семейные традиции, гражданственность) в его мировоззрении, намерениях и поступках?».

По результатам анализа, средствами укрепления патриотизма большинство респондентов отметили телеграм-каналы (16,9%). Затем по популярности следует телевидение (14,1%) и социальные сети (12,2%). Также студенты светских учебных заведений отметили кино (исторические фильмы) и книги.

Наиболее значимым средством в процессе укрепления доверия к власти является телевидение (78 респондентов), телеграм-каналы (67 респондентов), социальные сети (45 респондентов).

В качестве повседневных акторов в процессе укрепления семейных традиций выступают родители и ближайшие родственники (73 респондента).

На втором месте находятся социальные сети (66 респондентов).

Общественные организации и волонтерские объединения отмечают 30 респондентов, а телевидение – 27.

Телеграм-каналы не пользуются большой популярностью в данной связи (24 респондента).

Также студенты светских учебных заведений отметили влияние кино (в особенности исторические семейные фильмы) – шесть респондентов, религиозных организаций – шесть респондентов, студенческих и общественно-культурных мероприятий – три респондента.

В вопросе укрепления гражданственности с большим отрывом от других средств социально-политической коммуникации телеграм-каналы были выбраны 69 респондентами.

Телевидение (48 респондентов), социальные сети (47 респондентов), сообщества и волонтерские организации (47 респондентов).

Телевидение как средство социально-политической коммуникации, способствующее укреплению ценностей, в каждом вопросе оказалось одним из наиболее популярных ответов. Однако степень влияния его для студента является минимальной.

Анализ и интерпретация результатов исследования

В результате обработки ответов респондентов были сделаны следующие выводы.

1. Из 15 предложенных респондентам ценностей приоритетными являются «безопасность личная и ближайшего окружения», «состояние здоровья (своего и близких)» и «семья».

Выделение данных трех ценностей из целого комплекса аксиологических установок свидетельствует о том, что студенты выказывают ориентацию на узкую социальную среду, эта тенденция выявляет ограниченность зоны личной ответственности, что может быть понято в свете общего социального кризиса и социального положения молодежи, участие которой в принятии общественно значимых решений маргинализировано.

2. Доверие к различным ветвям государственной власти, в том числе и к местным властям, не входит в разряд приоритетных или предпочтительных. Это может указывать на то, что в семье, в ближайшем окружении, в образовательных учреждениях действия властей респондентами воспринимаются либо как само собой разумеющиеся и одобряемые по умолчанию, потому что уровень благосостояния столичных жителей в разы превышает уровень

благополучия жителей провинциальных городов, либо, наоборот, оценивается как презираемое и не выдерживающее критики, потому что «быть оппозиционером является модным трендом».

3. Из обозначенных участниками опроса ценностных категорий был составлен список, включающий 30 наиболее распространенных ответов. В числе первых были названы «семья» и «здоровье», на втором месте – «карьера и карьерный рост», «самореализация» и «безопасность (своя и близких)», при этом «трудолюбие» было указано только 3% опрошенных. Данная тенденция может являться показателем того, что за последние десятилетия в семье и тем более в образовательных учреждениях не прививается уважение к труду.

Приученные родителями или государством ценить престиж высшего образования для построения успешной карьеры (в том числе обеспечиваемой или гарантируемой самими – состоятельными – родителями), студенты послушно поступают на управленческие специальности, которые в дальнейшем будут обеспечивать им престиж в обществе и «социальные лифты».

Массовыми становятся специальности, которые готовят управленцев и руководителей для театров, концертных организаций, музеев, галерей, спортивных площадок, продюсеров теле-, кино- и театральных проектов, госуправленцев, менеджеров делового администрирования. Вместе с тем востребованными остаются специальности, работа по которым требует минимального подчинения начальству (психологов, журналистов, педагогов, лингвистов, политологов, социологов – свободные профессии и фриланс-сервисы).

Труд физический как таковой не считается благом, следовательно, после окончания бакалавриата по гуманитарной специальности, который не дает практических навыков, требуемых для жизнеобеспечения, никто не планирует идти получать техническую специальность, подавляющее большинство готовится поступать в магистратуру по тем же или смежным специальностям, несмотря на то что отдает себе отчет в том, что «два года учебы в магистратуре могут оказаться напрасно потраченным временем».

4. Основными проявлениями патриотизма были названы «учеба в своей стране и во благо своей страны», «почитание и изучение традиций, культуры и истории своей страны», «занятие волонтерством и оказание гуманитарной помощи», «проявление

активной гражданской позиции», при этом «поддержка отечественного производителя» была выделена только 0,6% опрошенных.

В данной связи уместным является отметить другие результаты исследования. В частности, указание на то, что около 40% респондентов, представителей студенческой молодежи, предпочли бы трудоустройство за рубежом [Башарымова 2015; Володина 2018].

Другими словами, современный студент продолжает считать, что по окончании учебы, которую он приносит «во славу своей страны», государство не сможет обеспечить его такой работой, которая бы ему нравилась или за которую бы он получал достаточно денег, чтобы быть независимым, или, точнее, «быть в безопасности».

Уместным в данной связи является наблюдение Д.В. Башарымовой о том, что при сравнении «горизонтов планирования» российских и иностранных студентов у студентов из РФ он не более одного года, тогда как у их зарубежных сверстников часто превышает десять лет [Башарымова, 2015].

5. Основным проявлением доверия к власти студенческая молодежь считает участие в выборах, однако только 1% респондентов готов к «поддержанию позитивного мнения о власти среди окружающих», а также к членству в какой-либо молодежной организации.

Участие в выборах студенты также склонны трактовать как свое проявление гражданственности. Молодые люди признаются, что не готовы или категорически не желают выступать в роли агитатора действий или решений властных структур. Это объясняется, с одной стороны, тем, что у молодежи в силу определенных психо-возрастных особенностей не принято хвалить действия старших, а, с другой стороны, молчание может означать не знак согласия, а, наоборот, быть признаком несогласия.

Минимальное количество респондентов являются членами молодежных объединений. Либо в студенческом обществе укоренены индивидуалистские настроения, либо учебная программа в вузах выстроена так, что из-за многочисленных избыточных лекций и семинаров отсутствует время для системных мероприятий, направленных на сплочение коллектива, решение вопросов семьи и брака, преодоление психологических барьеров.

6. Следование семейным традициям для студента выражается в «проявлении уважения и заботы к своей семье и почитанию

старших», «поддержании семейных праздников», даже «сохранении реликвий». При этом «преемственность в выборе профессии, продолжение семейного дела» выделяют только 2% опрошенных, а «выбор того же вероисповедания, что и у членов семьи или ближайших родственников» – 1%.

Эта диспропорция выявляет наличие следующей проблемы в славянских семьях. Притом что большинство молодых людей признают в качестве ценности заботу и уважение к старшим, они продолжают выступать против наставлений своих родителей, и это закономерным образом отражается на двух моментах, которые в неславянских семьях являются краеугольным камнем, – продолжение семейного дела и семейного рода и глубинное, беспрекословное почитание религиозных традиций и обычаев, или – шире – веры предков.

7. Степень влияния общественных институтов на политическую социализацию студентов светских вузов отмечается в следующей последовательности: а) семья и ближайшее окружение (51,2%), б) социальные сети, информационные платформы и мессенджеры (47,9%), в) учебно-образовательные учреждения (40,1%), г) друзья, референтные группы, неформальные лидеры (37,4%), д) СМИ (31,7%). К наименее влиятельным, по мнению студентов, относятся общественные объединения и партийные организации (15,3%) и религиозные организации и учреждения (10,5%).

Общественные и партийные организации, а также религиозные учреждения находятся в числе наименее значимых институтов политической социализации, и эта тенденция ставит под вопрос целесообразность рассматривать их как значимых агентов социализации в настоящее время.

8. Отмечается все возрастающая роль телеграм-каналов в деле укрепления патриотических настроений, формирования гражданской позиции и усиления доверия к власти. На оптимизацию семейных ценностей телеграм-каналы имеют наименьшее влияние.

Среди называемых телеграм-каналов отсутствуют упоминания аккаунтов, которые ведут медийные персоны, которые принято считать официальными лидерами общественного мнения, например, В. Соловьева, М. Симоньян, Д. Абзалова, Д.А. Медведева, М.Л. Хазина, С.Ю. Глазьева, Д.Г. Евстафьева, М.Г. Делягина и других активно выступающих в СМИ социально-политических экспертов. Это может свидетельствовать о том, что непротестные личности студента не интересуют.

Согласно ответам респондентов, студент не чувствует себя в безопасности, когда выражает свое мнение в соцсетях.

Телевидение как средство социально-политической коммуникации проигрывает, или, точнее, уже проиграло телеграм-каналам.

9) Как и во всех крупных городах мира, в Москве наблюдается атомизация общественной жизни, а в данном сегменте наблюдается крен в сторону индивидуально личностного определения в ущерб общественно значимым целям.

В заключение необходимо отметить, что исследование выявило понимание того, в каком направлении требуется прилагать усилия для продвижения созидательных ценностей, включая гражданственность, патриотизм и доверие к власти. Вопрос о семейных ценностях предполагает дополнительное изучение, и ему будет посвящена отдельная публикация.

D.S. Mukhortov, I.E. Strelets*
Problems of forming social values in student youth
(survey results)

Abstract. This article discusses mechanisms for optimizing the process of forming social values in student youth by analyzing the correlation between personality-oriented and socially significant in the axiological sphere of modern students. The study focuses on the «axiological maturity» of bachelors from a range of top universities in Moscow (n=324) majoring in ‘political science’, ‘state and municipal administration’, ‘management’, and ‘economics and finance’. This social group is targeted as it includes the students of the most sought-after metropolitan universities, hence they hypothetically represent the basis of the Russian establishment in the short term. The empirical study was drawn on a personality, axiology-related four-section questionnaire. The emphasis was placed on four values that are the focus of the ongoing scientific research – patriotism, citizenship, trust in government, and family traditions. The conclusions drawn and the comments received from the respondents are of practical importance for the agencies for youth policy.

Keywords: secular universities; metropolitan universities; values; value orientations; students; patriotism; trust in government; family traditions; citizenship.

For citation: Mukhortov D.S., Strelets I.E. Problems of forming social values in student youth (survey results). *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 186–203. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.07>

* **Mukhortov Denis**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: dennis-moukhortov@mail.ru; **Strelets Илья**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: sagitil@mail.ru.

References

- Basharymova D.V. Formation of life values in university students: national and international perspective. *Scholarly notes of Komsomolsk-na-Amure State technical university*. 2015, N 11–2 (22), C. 78–82. (In Russ.)
- Cronbach L.J. Coefficient alpha and the internal structure of tests. *Psychometrika*. 1951, N 3(16), P. 297–334.
- Fahretdinova A.P., Larionova A.V., Gorchakova O. Ju. Civic-political activity of youth: general characteristics and features of manifestation in the Internet environment. *Sociodinamika*. 2022, N 2, P. 1–12. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F. Je. *The youth of Russia: a sociological portrait*. Moscow: CSPiM, 2010, 592 p. (In Russ.)
- Grijadunov M.V. Sociocultural regulation of the moral values of student youth in modern Russia. *Doctoral thesis in social science*. Moscow, 2009, 146 p. (In Russ.)
- Gudkov L., Zorkaja N., Kochergina E., Pipija K., Ryseva A. Russian “Generation Z”: Attitudes and Values – 2019/2020. Chekhov: Pervaja obrazcovaja tipografija, 2020, 148 p. (In Russ.)
- Lobza O.V., Kononchuk I.V., Jegamberdieva E.V. Value and meaningful life orientations of modern Russian students. *International journal of applied and basic research*. 2017, N 11–2, P. 300–304. (In Russ.)
- Omelchenko E.L. Identities and cultural practices of Russian youth on the verge of the 20 th-21 st centuries. Ph.D. dissertation. M., 2005, 366 p.
- Popova O.V. Features of the political consciousness of modern Russian youth. *Political science (RU)*. 2017, N 1, P. 138–162. (In Russ.)
- Rostovskaja T.K., Tolmachev D.P., Shimanovskaja Ja.V. The role of a multi-generational Moscow family in the context of the COVID-19 pandemic: a sociological analysis. *Saratov University Bulletin. November. Series. Social Science. Political Science*. 2020, Vol. 20, Iss. 4, P. 394–398. (In Russ.)
- Temnickij A.L. Dynamics of terminal and instrumental values of study by MGIMO Students. *Bulletin of MGIMO-University*. 2015, N 1(40), P. 226–236. (In Russ.)
- Volodina D.G. The direction of value orientations of Russian youth in the context of globalization. *World of science. Social science, philology, cultural studies*. 2018, N 1, P. 1–10. (In Russ.)
- Youth of new Russia: lifestyle and value priorities. Analytical report. – Moscow: Institute of Social Science Russian Academy of Science, Russia-based Office of the F. Ebert Foundation, 2007, 143 p. (in Russ.)
- Zubok Ju.A., Rostovskaja T.K., Smakotina N.L. *Youth and youth policy in modern Russian society*. Moscow: Perspektiva, 2016, 166 p. (In Russ.)
- Zykina O.A. National heroes of Russia in the perceptions of school and college students in Moscow, St. Petersburg, and Kirov. *Bulletin of Anthropology*. 2022, N 2, P. 42–53. (In Russ.)
- Zykina O.A. Perception of general civic values by college students of Moscow and the Kirov region. *Bulletin of anthropology*. 2021, N 4, P. 37–48. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Башарымова Д.В.* Специфика формирования ценностей у студентов: национальное и интернациональное // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2015. – № 11–2 (22). – 2015. – С. 78–82.
- Володина Д.Г.* Крен ценностных ориентаций российской молодежи в условиях глобализации // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2018. – № 1. – С. 1–10.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
- Грядун М.В.* Социокультурная регуляция морально-нравственных ценностей студенческой молодежи в современной России: дис. ... канд. соц. наук. – М., 2009. – 146 с.
- Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пития К., Рысева А.* Российское «поколение Z»: установки и ценности – 2019/2020. – Чехов: АО «Первая образцовая типография», 2020. – 148 с.
- Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л.* Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. – М.: ИТД «Перспектива», 2016. – 166 с.
- Зыкина О.А.* Национальные герои России в представлении учащихся школ и вузов Москвы, Санкт-Петербурга и Кировской области // Вестник антропологии. – 2022. – № 2. – С. 42–53.
- Зыкина О.А.* Восприятие общегражданских ценностей студентами Москвы и Кировской области // Вестник антропологии. – 2021. – № 4. – С. 37–48.
- Лобза О.В., Конончук И.В., Эгамбердиева Е.В.* Ценностные и смысло-жизненные ориентации современных российских студентов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 11–2. – С. 300–304.
- Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН: Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2007. – 143 с.
- Омельченко Е.Л.* Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв.: дис. ... д-ра соц. наук. – М., 2005. – 366 с.
- Попова О.В.* Особенности политического сознания современной российской молодежи // Политическая наука. – 2017. – № 1. – С. 138–162.
- Ростовская Т.К., Толмачев Д.П., Шимановская Я.В.* Роль многопоколенной московской семьи в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Социология. Политология. – 2020. – Т. 20, Вып. 4. – С. 394–398.
- Темницкий А.Л.* Динамика терминальных и инструментальных ценностей учебы у студентов МГИМО // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 1 (40). – С. 226–236.
- Фахретдинова А.П., Ларионова А.В., Горчакова О.Ю.* Гражданско-политическая активность молодежи: общая характеристика и особенности проявления в интернет-среде // Социодинамика. – 2022. – № 2. – С. 1–12.

Н.А. ШАВЕКО*

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК РАВЕНСТВО? ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ МОРАЛЬНОГО РЕЛЯТИВИЗМА

Аннотация. Автор статьи предлагает понимание справедливости как равенства, которое может быть положено в основу наших суждений о должном и тем самым преодолеть существующий моральный скептицизм. В первую очередь в статье отмечается, что разрешение вопросов справедливости соответствует базовому научному этосу, если оно происходит на основе принципов системности, последовательности, логичности, а также беспристрастности, всесторонности и глубины соответствующих дискурсов. Далее в качестве общего принципа справедливости предлагается принцип равенства, который образует консенсус среди современных мыслителей. Под равенством в статье понимается принцип равной заботы и уважения (он же – принцип равной ценности лиц, принцип равной значимости интересов каждого). Кратко анализируются современные направления в теории справедливости с целью показать, что принцип равной заботы и уважения в научном сообществе действительно является доминирующим, проводится сопоставление идеала равенства с идеалом свободы. Демонстрируются, что иногда известный государственный патернализм в отношении граждан считается допустимым, а кроме того, иногда разрешение государством моральных вопросов в духе ограничения свобод неизбежно или желательно. Указывается общая классификация данных случаев.

Ключевые слова: справедливость; равенство; свобода; релятивизм; теория справедливости; мораль; нравственность.

Для цитирования: Шавекко Н.А. Справедливость как равенство? Политическая теория перед лицом морального релятивизма // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 204–225. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.08>

* **Шавекко Николай Александрович**, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), e-mail: shavekonikolai@gmail.com

Скептицизм в вопросах справедливости

Существует распространенное мнение об относительности любых представлений о справедливости и невозможности объективно судить о справедливости тех или иных явлений или правил. Действительно, как показал еще Д. Юм, невозможно перейти от суждений о сущем к суждениям о должном. Данный «принцип Юма» в свое время воспринял И. Кант, пытавшийся найти основания нравственности в природе самого человеческого разума, а не в окружающей нас природе. Вместе с тем моральная философия Канта с тех пор подвергалась ожесточенной критике, и хотя одни неокантианские правоведы (например, Р. Штаммлер) пытались возродить кантовские идеи на строго научных основаниях, другие (например, Г. Кельзен) вынуждены были признать, что поскольку установление нормы – это вообще функция воли, а не разума, должное можно только постулировать, но не познать [Кельзен, 2015, с. 501–502]. В современной литературе также нередко утверждается, что «справедливость есть не более чем компромисс между социальными группами», а «оценка социальной реальности во многом обусловлена положением субъекта (социальной группы) в системе общественных отношений» [Мартьянов, 2006, с. 66]. Действительно, если должное не может быть выведено из сущего, то можно заключить, что должное является лишь продуктом воли тех или иных социальных групп. Таким образом, взгляд на справедливость как на нечто принципиально недоказуемое сегодня прочно утвердился.

Данное обстоятельство резко контрастирует с очевидной необходимостью каждодневно решать моральные вопросы. Так, неокантианскую философию, стремившуюся возродить научную постановку проблем справедливости, возможно, и следует признать неудовлетворительной во многих отношениях, однако неокантианцы, по крайней мере, убедительно показали, что последовательное отрицание морального когнитивизма (здесь мы употребляем этот термин в значении позиции, согласно которой моральные утверждения могут быть истинными и ложными, объективная моральная истина существует, а человек в принципе способен ее познать) означает не просто оправдание тотального произвола или диктатуры, но и полную невозможность высказываться по существу моральных вопросов. Именно поэтому, как выразился неокантианец

В. Виндельбанд, «не существует действительно серьезной научной теории релятивизма» [Виндельбанд, 1995, с. 221]. Каждый, кто отстаивает позицию морального релятивизма, фактически лишает себя возможности предлагать какие-либо решения по любым моральным вопросам. Аналогично П.Б. Струве верно писал в отношении так называемого этического скептицизма: «Принудительное присутствие во всяком нормальном человеческом сознании нравственной проблемы несомненно; невозможность ее решения эмпирическим путем также бесспорна. Признавая невозможность объективного (в смысле опыта) решения нравственной проблемы, мы в то же время признаем объективность нравственности как проблемы» [Струве, 1997, с. 371]. Но значит ли это, что нам остается лишь этический скептицизм? «Этический скептицизм... – настаивает Струве, – не может удовлетворить целостную человеческую личность. Отрицать нравственную проблему – значит, в сущности, говорить вопреки непосредственному сознанию всякого человека» [Струве, 1997, с. 372].

С учетом сказанного не удивительно, что несмотря на практически всеобщий скепсис относительно справедливости, позиция морального когнитивизма в той или иной форме все еще имеет множество сторонников [Хабермас, 2006, с. 68; Huemer, 2005]. Фактически многочисленная академическая литература, в которой авторы аргументируют свою позицию относительно должного правового регулирования, политического устройства, разрешения моральных дилемм и т.д., отражает массовую приверженность моральному когнитивизму, поскольку соответствующие авторы обычно подразумевают объективную обоснованность (т.е. в том или ином смысле правильность) тех моральных ценностей, из которых они исходят в своей аргументации.

Конечно, может оказаться, что моральный когнитивизм является неверной метаэтической позицией. Тем не менее высказывания о справедливости в русле этой позиции, на мой взгляд, могут претендовать на статус научных хотя бы в том специфическом смысле, что им характерна некоторая системность, последовательность и логичность, а также беспристрастность, всесторонность и глубина. Таким образом, исследователи, аргументирующие свои и критикующие чужие взгляды, остаются в рамках базового научного этоса.

Вместе с тем заслуживает внимания отсутствие необходимого уровня системной взаимосвязанности высказываемых в академической литературе моральных воззрений. Для того чтобы критиковать то или иное положение вещей в отдельной сфере (например, тот или иной закон), необходимо сформировать представления об общих принципах справедливости и соотносить моральные суждения по конкретным вопросам с этими представлениями. В свою очередь, общие принципы справедливости должны вырабатываться с учетом моральных суждений, обоснованных в рамках более узких вопросов. Хотя век построения всеобъемлющих моральных систем давно прошел, на практике мы нуждаемся хотя бы в некоторых контурах такой системы. Й. Шапиро, например, с горечью отмечает, что в современной науке практически не исследованным остается соотношение идеалов справедливости и демократии, поскольку теория справедливости и демократическая теория на протяжении второй половины XX столетия развивались во многом параллельно [Shapiro, 1999, p. 3–4]. По мнению Шапиро, теоретики справедливости подспудно воспринимали демократию лишь как более приемлемое, чем правление царей-философов, средство реализации идеала справедливости, не вдаваясь в проблемы демократической теории, в то время как теоретики демократии пытались найти одновременно морально приемлемую и реалистичную модель демократии, не просто ориентируясь на какой-то конкретный идеал справедливости, но нередко даже и не пытаясь сформулировать собственные представления о том, существует ли такой идеал и достижим ли он. И действительно, некоторые современные авторы пытаются представить собственную теорию демократии как теорию «второго» / «среднего» уровня, обоснованность которой якобы не зависит от общей теории справедливости как теории «первого» / «высшего» уровня [Gutmann, Tompson, 1997, p. 5–6]. Между тем, как представляется, моральные дискурсы, касающиеся узких сфер общественной жизни, должны учитывать результаты моральных дискурсов относительно более общих вопросов, и наоборот, а значит, демократическая теория не может игнорировать проблемы теории справедливости.

В итоге мы неизбежно сталкиваемся с вопросом: что такое справедливость, существует ли она и в чем именно заключается? И здесь следует прояснить цель данной статьи. Чтобы обосновать некий базовый принцип справедливости, потребовалось бы напи-

сать солидную монографию и учесть всевозможные дискуссии как минимум со времен «Теории справедливости» Дж. Ролза (1971). Вряд ли эта задача может быть решена в рамках одной статьи. Я бы хотел лишь показать, что несмотря на множество самых различных взглядов на справедливость, а также влияние морально-го релятивизма, в современной науке (в той мере, в которой политическую философию можно считать наукой) сложился весьма прочный консенсус относительно некоторых общих моральных ценностей. Полагаю, что демонстрация контуров указанного консенсуса может помочь дальнейшим обсуждениям частных политических, моральных и юридических вопросов, поднимаемых в академической литературе (хотя бы тем, что обсуждение соответствующих проблем может стать более системным и последовательным, а у многих дискурсов наметятся точки соприкосновения). Кроме того, целью статьи было продемонстрировать связь доминирующих в академических дискуссиях представлений о справедливости с наиболее влиятельными из существующих политических идеологий. Опять же речь идет не о том, чтобы разрешить все конфликты между указанными идеологиями с помощью некоего абстрактного принципа справедливости, а лишь показать набросок того, как они могут существовать в рамках этого принципа.

Консенсус в вопросах справедливости

Конечно, любые ценности могут быть оспорены, а один консенсус может смениться другим, но мы всегда должны исходить из существующего на данный момент. Именно те результаты научных дискурсов, которые мы имеем сейчас относительно общих вопросов, должны быть положены в основу критического анализа вопросов частных. Фактически речь идет о таких моральных принципах, которые являются не столько «высшими», сколько «общими», поскольку без их соблюдения ни одно социальное установление не может считаться справедливым.

Мой центральный тезис заключается в том, что на роль общего принципа справедливости может претендовать принцип равенства. Так, например, У. Кимлика утверждает, что одной из основных общих тем всех современных теорий справедливости является интерпретация принципа «равной заботы и уважения»

[Кимлика, 2010, с. 13]. Мейнстримом в этой области автор считает либерально-демократические теории, но отмечает, что и критические по отношению к ним взгляды сосредоточиваются в основном не на критике либерально-демократических принципов, а на «их несовершенном воплощении или отсутствии должных предпосылок для их воплощения» [Кимлика, 2010, с. 14]. Идею справедливости как равной заботы и уважения сформулировал Р. Дворкин следующим образом: «Правительство должно относиться к своим подданным, во-первых, с заботой, т.е. должно видеть в них людей, подверженных страданиям и разочарованиям, а во-вторых, с уважением, т.е. должно видеть в них людей, наделенных способностью составлять разумные представления о том, как им следует жить и действовать согласно этим представлениям. Правительство должно относиться к людям не просто с заботой и уважением, но с равной для всех заботой и уважением. Оно не должно распределять блага или возможности непоровну на том основании, что некоторые граждане имеют право на большую долю, поскольку они достойны большей заботы. Оно не должно ограничивать свободу на том основании, что представления одной группы граждан о достойной жизни благороднее или лучше, нежели представления другой группы» [Дворкин, 2004, с. 366–367]. Вместе с тем, отмечает Дворкин, блага и возможности не должны распределяться строго поровну, поскольку человек имеет право не на полностью равное обращение, а только на обращение «как с равным». Кимлика соглашается с Дворкиным и полагает, что все современные правдоподобные политические теории имеют одну базовую ценность, а именно равенство, в том смысле, что «интересы каждого члена сообщества значимы, и значимы в равной степени», а государство должно обращаться со своими гражданами «с равным вниманием; каждый гражданин имеет право на равную заботу и уважение» [Кимлика, 2010, с. 20]. В отечественной науке равенство также называется нормативным идеалом модерна, общим интуитивно-ценностным фундаментом, по крайней мере всей западной цивилизации [Кашников, 2004, с. 39–40]. И действительно, разработчики многих частных теорий справедливости учитывают приведенные идеи [Нравственные ограничения войны, 2002, с. 40, 392]. Речь, по сути, идет о принципе равной ценности человеческих личностей, признании за ними (как минимум) правового статуса лиц, и попытке найти такое решение, которое каждый бы одобрил, будучи

беспристрастным (находясь в «исходном положении», в идеальных «условиях дискурса» или мысленно ставя себя на место других).

Имеются, однако, основания сомневаться в том, что принцип равной заботы и уважения является удачной формулировкой сложившегося научного консенсуса в вопросах справедливости. Можно, например, быть равным с другими людьми в полнейшем отсутствии уважения и заботы, но это совсем не то, что мы хотим сказать, апеллируя к справедливости. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что там, где недостает элементарного уровня заботы и уважения, всегда есть вопиющее неравенство. На первый взгляд, кажется более правильным говорить о консенсусе относительно прав человека, ведь и сам Дворкин считал принцип равенства лишь одним из способов обоснования прав человека. М. Сэндел также отмечает, что «в мире мысль о том, что справедливость означает уважение определенных универсальных прав человека, получает все большее распространение и признание (по меньшей мере в теории, если не на практике)» [Сэндел, 2013, с. 33]. Однако справедливость и права человека не являются тождественными понятиями [Griffin, 2008, p. 42–43, 198], они лишь могут иметь общие ценности. Поэтому «права человека» – не более удачная формулировка для принципа справедливости, чем равенство. В идейном отношении она лишь напоминает, что в нынешних условиях принцип равной заботы и уважения предполагает, как правило, некий минимальный уровень благосостояния и защиты. В целом же именно идея равной заботы и уважения, равной ценности лиц, как нам представляется, является первичной, а сложившийся консенсус относительно прав человека во многом обусловлен консенсусом относительно данной идеи. Поэтому права человека сами по себе не являются последним аргументом в пользу справедливости той или иной нормы. На фундаментальном уровне может быть проверена обоснованность самих прав человека с точки зрения равенства.

Чтобы продемонстрировать, что в научном сообществе, несмотря на весь скептицизм, существует некоторый консенсус, максимально кратко обратимся к основным учениям о справедливости, получившим распространение в XX в.

Первоначально некоторое возрождение интереса к вопросам справедливости на исходе века позитивизма было связано с неокантианскими авторами, такими, как Р. Штаммлер и Г. Радбрух, в

России – П.И. Новгородцев и др. [Фролова, 2013 а; Фролова, 2013 б]. В англо-американском мире такое возрождение связано с именем Дж. Ролза. Уже у данных авторов мы можем в полной мере наблюдать идею равной ценности человеческих личностей в качестве основы воззрений на справедливость. Р. Дворкин, например, показывает, что введенное Дж. Ролзом «исходное положение» хорошо приспособлено к тому, «чтобы проводить в жизнь абстрактное право на равную заботу и уважение, которое следует понимать как фундаментальное понятие в глубинной теории Ролза» [Дворкин, 2004, с. 249]. Как неокантианские воззрения на справедливость, так и кантианская по своей сути теория справедливости Дж. Ролза строятся на критике утилитаризма. Однако уже один из основателей утилитаризма Д.С. Милль признавал, что принцип пользы «был бы просто набором слов, не имеющим никакого рационального содержания, если бы счастье каждого человека... не ценилось совершенно так же, как и любого другого» [Милль, 2013, с. 231], причем «равное право каждого человека на счастье подразумевает и равное право на любые средства, необходимые для его достижения» [Милль, 2013, с. 233], «интересам всех должно уделяться равное внимание» [Милль, 2013, с. 127]. Тот факт, что в конечном счете Милль обосновывал принцип равенства (справедливости) через принцип пользы [Милль, 2013, с. 229, 231, 235], само по себе не имеет значения для нашей цели показать наличие консенсуса относительно принципа равенства.

Если же мы обратимся к развитию западного дискурса о справедливости после Ролза, то увидим, что его теория подверглась в свое время острой критике сразу с двух флангов: либертарианцами и коммунитаристами. Либертарианцы, как правило, продолжали придерживаться идеи равной ценности лиц, коммунитаристы же склонны были ее ограничивать. Проанализировав дискуссии вокруг основных идей одного из самых известных либертарианцев – Роберта Нозика, – можно обнаружить, что как идеи данного автора, так и возражения его критиков [Кимлика, 2010, с. 147–174] находились в рамках одной парадигмы равноценности лиц. Что касается коммунитаристов, то и они не становились на сторону подлинного коллективизма, согласно которому общество ценно само по себе, ведь учитывая презрение к человеку, свойственное такому подходу, встает вопрос о его целесообразности. Сомнительно, чтобы какой-либо философ придерживался его в

чистом виде. В другой статье я показываю, что практически всем коммунистам (Ч. Тейлор, М. Уолцер, М. Сэндел, А. Этциони и др.) было свойственно признание неоспоримой моральной значимости прав человека и принципа равенства [Шавеко, 2020, с. 69–73].

Либерально-демократические теории Запада долгое время противопоставлялись коммунистическим идеологиям стран Восточной Европы и СССР. Но некоторые исследователи отмечают, что идея обращения с людьми как с равными фундаментальна и для мысли Маркса [Кимлика, 2010, с. 224]. Сам Маркс, как известно, скептически относился к теориям справедливости, и, по мнению некоторых его критиков, считал коммунизм скорее исторически неизбежным, чем желаемым следствием кризисов капитализма [Штаммлер, 1907, с. 47, 50–59], однако в XX в. марксисты отстаивали коммунизм уже как идеал (должное) [Сейерс, 2017, с. 7–20]. В дискуссиях об аналитическом марксизме мы также видим, что противоборствующие стороны, как правило, находятся в рамках общей парадигмы равноценности лиц [Кимлика, 2010, с. 248]. Что касается последней трети XX в., то на смену ортодоксальному марксизму в нашей стране пришли альтернативные теории. В частности, В.С. Нерсесянцем была разработана либертарно-юридическая теория права, согласно которой сущность права заключается в принципе формального равенства, выраженном в равной мере, свободе и справедливости. По мнению автора данной теории, право (оно же – справедливость) по своей сути предполагает наделение человека правоспособностью и правосубъектностью, т.е. признание его таким же субъектом права, как и другие люди, и предоставление ему в определенный момент возможности самостоятельно приобретать права и нести обязанности. Нерсесянц, по всей видимости, считал, что постулированием принципа формального равенства уже достигается равная забота и уважение, несмотря на итоговое неравенство в правах в связи с фактическими различиями лиц, поэтому его теория также является одной из интерпретаций идеи равной ценности лиц, хотя и противоположной марксизму. Равенство рассматривалось автором как «постоянно присущий праву принцип с исторически изменяющимся содержанием» [Нерсесянц, 1996, с. 12, 15].

Конечно, идея равноценности лиц свойственна не всем современным авторам. Но было бы странно надеяться на полное единодушие мнений. Я лишь хотел показать, что практически все

научные теории, касающиеся вопросов справедливого социального устройства, поразительным образом сходятся в одном пункте, образуя в итоге своеобразный контрапункт современности. Можно возразить, что выше была рассмотрена только западная научная традиция. Однако принимая во внимание, что марксистские идеи в XX в. образовали внушительный «восточный» блок, данное возражение представляется необоснованным. Кроме того, науку вообще неверно делить на «западную» и «незападную»: несмотря на любые политические конstellации, научный этос остается единым. Правильнее было бы различать науку и догматизм, философию и идеологию. Я апеллировал к первым, а не ко вторым.

Если предшествующий анализ верен, то, рассматривая вопрос о справедливости или несправедливости того или иного закона, института, действия, бездействия или решения, мы всегда должны иметь в виду общее представление о справедливости как о равенстве (если точнее – равной ценности лиц). Конечно, обсуждая частные проблемы, при которых происходит апелляция к справедливости, приходится прибегать не только к вышеуказанной фундаментальной идее равенства, но и к более конкретным принципам, касающимся отдельных сфер общественной жизни, так как простого постулирования идеи равенства явно недостаточно для того, чтобы обосновать (вывести) справедливость того или иного государственного устройства, вида наказания, правила судебного процесса, той или иной военной операции и т.д. Поэтому рассмотрение отдельных вопросов справедливости, по всей видимости, не следует понимать как простую имплементацию идеи равноценности лиц для разрешения спорных ситуаций. Однако эта идея всегда как минимум предполагается при их обсуждении, потому возможные решения не могут выходить за ее границы.

В связи с дискуссиями о справедливости, которые велись на Западе во второй половине XX в., нам бы хотелось обратить внимание на то, что еще в 1901 г. П.Б. Струве вкратце набросал основные черты обсуждаемой нами здесь доминирующей парадигмы мышления, которую он назвал метафизическим индивидуализмом. «Метафизически-этический индивидуализм, – писал он, – сводится к признанию множественности самостоятельных духовных субстанций. Этика вся покоится в этом смысле на индивидуализме, ибо этическая проблема возникает из отношений между равноценными и автономными духовными субстанциями, стремя-

щимися воплотить в себе абсолютное добро» [Струве, 1997, с. 374]. По сути метафизический индивидуализм состоит в «идее равноценности человеческих личностей», равноценности людей, которую Струве пояснял так: «Люди равноценны не как эмпирические и случайные “пучки восприятий” (так характеризовал душу, как известно, Юм), не как животные организмы, а как душевные субстанции, как формальные единицы рода “человек”» [Струве, 1997, с. 379]. На основании этой идеи Струве отвергал как эгоизм, так и альтруизм. Причем равенство невозможно без индивидуальности, поскольку в таком случае оно означает качественное тождество людей, «противоречащее самой идее человека и упраздняющее его бытие в качестве такового» [Струве, 1997, с. 382].

Равенство и свобода

Одним из отличительных признаков понимания справедливости как равенства является постулирование некоторого приоритета равенства перед свободой. При таком подходе отсутствует цель любой ценой максимизировать свободу, поскольку может получиться так, что мы полностью жертвуем свободой одного ради увеличения свобод других лиц, а это явно несправедливо. В.С. Нерсисянц отмечал: «Если речь действительно идет о свободе, а не о привилегиях, произволе, деспотизме, то она просто невозможна без принципа и норм равенства» [Нерсисянц, 1997, с. 27]. Поэтому в лучшем случае в рамках идеи справедливости как равенства можно было бы говорить о максимизации равной для всех свободы.

Для этого необходимо каким-то образом ранжировать свободы между собой, ведь нет смысла максимизировать малозначимые свободы, такие как свобода клеветать на других или свобода употребления алкоголя. Р. Дворкин, например, выступает против так называемого «права на свободу», т.е. принципа, согласно которому свободы людей (в смысле отсутствия внешних ограничений) должны быть максимизированы. Дело в том, что обычно мы понимаем право как нечто, что государство обязано нам предоставить, и что мы уполномочены от него требовать, независимо от общественной пользы [Дворкин, 2004, с. 361–362], но в таком случае оказывается, что далеко не все внешние ограничения, стоящие на пути

к нашим целям, государство должно устранять (например, ограничения на пути к покупке ванильного мороженого), а некоторые ограничения оно само и устанавливает, причем не просто для того, чтобы гарантировать какие-то другие свободы, но и по причинам общественной пользы и т.п. В действительности, утверждает Дворкин, мы имеем право только на вполне определенные свободы, в частности на такие, которые требуются для обеспечения равной заботы и уважения.

Дж. Ролз, как известно, выделил ряд свобод, которые необходимы для реализации большинства вообразимых человеческих жизненных целей, и первоначально отстаивал максимизацию только этих свобод [Алексеева, 2001, с. 89–90]. Такой подход представляется более обоснованным по сравнению с произвольной попыткой Ч. Тейлора приписать одним свободам (напр., свобода религиозных верований) объективно большую ценность по сравнению с другими (напр., свобода передвижения) на основании некоторого «фонового» знания [Тейлор, 2003, с. 194–195] [Столяров, 2014, с. 13–17] [Hart, 1973, p. 547]. Ценности общества, как представляется, не имеют решающего значения при выделении «основных свобод» (все-таки желательно обозначить такие свободы, которые могли бы быть полезны для всех возможных жизненных планов); если же мы говорим о нахождении баланса между основными свободами, то и в этом случае, как отметил бы Ролз, критериями ранжирования свобод должны стать «две моральные силы личности» (чувство справедливости и способность выбирать жизненную стратегию), а не ценности общества, при этом в любом случае нельзя покушаться на «центральную область применения» той или иной основной свободы [Rawls, 1981, p. 9–13, 46–49].

Возникает и другая сложность: для реализации наших целей очень часто нужна не столько максимизация, сколько ограничение свобод. Самый простой пример: установление ограничений в дорожном движении увеличивает равную для каждого свободу передвижения. Следовательно, даже в отношении «основных свобод» не может идти речи об их априорной максимизации: свобода и безопасность должны идти рука об руку. Можно сказать, что ограничение свобод в целях безопасности является действительной максимизацией свобод, если только под лозунгами стабильности не навязываются черты тоталитарного политического режима.

Однако в других случаях имеются основания для ограничения свобод по отношению ко всем и каждому, не связанные с безопасностью и потенциальным увеличением наших возможностей, а именно моральные основания. Далее я изложу собственную позицию относительно того, при каких условиях свобода может быть ограничена. Рассмотрение этого аспекта, как представляется, могло бы способствовать достижению согласия в современных дискуссиях между либералами и консерваторами, а также, возможно, другими политическими идеологиями и нахождению компромисса в лице своего рода консервативного либерализма. Так или иначе, целью дальнейшего изложения является именно обоснование определенного соотношения идеалов равенства и свободы (прояснение того, при каких условиях свобода может быть ограничена), а не достижение компромисса между политическими идеологиями.

Итак, либерализм, как известно, ориентирован на права человека как на универсальную ценность, тогда как консерватизм выступает за «сохранение сложившихся в рамках некоей конкретной социокультурной традиции духовно-нравственных идеалов, форм политико-правового и социально-экономического бытия человека и общества», которыми обусловлены права человека [Честнейшин, 2006, с. 169–170]. В той мере, в которой принцип равенства предоставляет главное моральное обоснование правам человека (как полагал Р. Дворкин), основанные на этом принципе воззрения на справедливость можно считать либеральными. Но в этом смысле либерализм не означает полное отрицание традиции в попытке создать некую единую общечеловеческую цивилизацию, так как традиция может существовать и в рамках приоритета прав человека. Более того, либерализм не всегда означает отсутствие какого-либо внешнего авторитета для личности, ведь идеалами просветителей были не только свобода и равенство, но и братство, которое может пониматься как необходимость уважения общих нравственных устоев общества. Однако этот внешний авторитет не должен решать за человека, какую именно жизненную стратегию следует избрать, поэтому, например, попытки Ч. Тейлора легитимировать навязывание человеку определенных целей на том основании, что сам он не всегда может правильно осознать свои интересы, чревато тоталитарными эксцессами [Тейлор, 2003, с. 200]. Таким образом, отбрасывая крайности, мы получаем идею консервативного

либерализма, сочетающего равенство индивидов с ограничением свобод во имя традиционных моральных воззрений, с учетом следующих положений.

Во-первых, в юридической литературе давно стало общим местом, что законодатель должен учитывать общественные настроения, чтобы обеспечить эффективную реализацию своей воли и не вызвать ситуацию правового нигилизма, фактического бездействия права. Поэтому при разработке тех или иных законов он может пойти на некоторое временное отступление от требований справедливости (своего рода «осознанно неправильное право», если пользоваться терминологией Р. Штаммлера [Stammler, 1902, p. 268–271]), или, по крайней мере, учесть господствующее в обществе понимание того, в чем на практике должно выражаться равное отношение к лицам. «Ни один законодатель, – пишет Р. Дворкин, – не может позволить себе игнорировать общественное возмущение. С ним он обязан считаться. Именно оно устанавливает границы его политических возможностей и определяет, какие стратегии убеждения и давления он может использовать в этих границах. Однако мы не должны смешивать стратегию и справедливость...» [Дворкин, 2004, с. 345–346]. Не исключено, что следствием учета общественного мнения станет ограничение некоторых свобод.

Во-вторых, в силу того, что свобода не имеет ценности сама по себе, а нужна только для реализации индивидуальных жизненных стратегий [Кимлика, 2010, с. 289–290] [Тейлор, 2003, с. 188–189], а также для предотвращения насилия (т.е. опять же, принуждения, не согласующегося с нашими желаниями) [Столяров, 2014, с. 12], можно усомниться в необходимости немедленного законодательного обеспечения равноправия там, где сами адресаты в этом не заинтересованы. Например, женщины в некоторых традиционных обществах могут оказаться не заинтересованными в активной общественной деятельности и в связанных с ней равных правах с мужчинами, а гомосексуалисты не всегда являются сторонниками легализации однополых браков. «Египетский крестьянин прежде всего и больше всего нуждается в одежде и медицинской помощи, а не в личной свободе» [Берлин, 1998, с. 22]. Между тем «прогресс свободы требует прогресса *осознания* свободы» [Маркузе, 2011, с. 126], и без такого осознания нет смысла «бежать впереди паровоза». Конечно, если в той или иной стране есть хотя

бы один человек, который хочет выйти из оков дискриминации, но не имеет для этого прав, возникнет ситуация несправедливости, однако фактически законодатель, как правило, изменяет действующие нормы только когда за их изменение выступает заметная группа лиц или же когда имеется некий резонансный случай. В любом случае законодатель не должен впадать в другую крайность, а именно препятствовать «осознанию свободы» гражданами и «тормозить паровоз».

Эти два аспекта, как видно, являются скорее вынужденными уступками консерватизму, но не предполагают отказ от идеи равноценности лиц. Возможно, они предполагают как раз обратное: просвещение населения с целью изменения общественного мнения (но без принуждающего патернализма), выявление случаев недобровольной дискриминации с целью своевременного и гибкого изменения законодательства. Однако данными двумя аспектами дело не исчерпывается.

Так, в-третьих, представляются допустимыми и даже необходимыми ограничения свобод в русле патернализма, когда они со всей очевидностью служат интересам тех самых лиц, свобода которых ограничивается. Речь здесь не только об ограничении свобод недееспособных лиц (детей, душевнобольных и т.п.). Такой же патерналистский характер имеет, например, обязанность пристегивать ремень безопасности при управлении автомобилем или обязанность надевать шлем при езде на мотоцикле, которая распространяется уже на психически здоровых взрослых людей. Кроме того, подобные ограничения вводятся тогда, когда лицо по тем или иным причинам временно не способно принимать решения в соответствии с собственными интересами. Во всех указанных случаях ограничения свобод являются допустимыми или необходимы только тогда, когда совершенно ясен и неоспорим интерес человека, свобода которого ограничивается, а кроме того, когда доказано, что правовые ограничения не принесут еще большего вреда [Gutmann, Tompson, 1997, p. 262–263]. Вообще, видя высшую ценность в индивидуальной свободе, либералы, как правило, придают чрезмерное значение фактору согласия. Справедливым в этом случае оказывается решение, с которым согласны все члены общества или затронутые этим решением лица. Ранее это приводило к оправданию теории общественного договора, а сегодня – к позиции, согласно которой справедливость представляет собой всеобщий

консенсус (Ю. Хабермас). Я же полагаю, что идее беспристрастности в большей степени соответствует принцип равного учета интересов, а не принцип всеобщего консенсуса. И дело не в том, что всеобщий консенсус в реальности недостижим, а в том, что даже гипотетически всеобщий консенсус не обязательно отражает отношение к людям как к равным. Именно равный учет интересов является отражением равной ценности лиц. Таким образом, чрезмерный акцент либералов на свободе приводит к приданию факту согласия чрезмерной моральной значимости.

В-четвертых, иногда государство в принципе не может самоустраниться от моральных вопросов. Например, в дискуссиях о допустимости однополых браков и аборт не может быть нейтральных позиций, все точки зрения морально окрашены [Сэндел, 2013, с. 294–304]. Нет ничего априори плохого в том, что государство поддерживает традиционные моральные позиции общества и с этой целью вводит некоторые ограничительные меры. Однако нет ничего априори плохого в том, что государство пытается их изменить, например, когда они чреватые серьезными социально-экономическими недугами. Конечно, сказать, что реформы общественной нравственности необходимо проводить крайне осторожно, – значит, ничего не сказать. Но речь здесь не об этом, а том, что ущемление свобод тех или иных категорий лиц может происходить без ущемления принципа равенства, т.е. равной заботы и уважения. Например, если в одном вопросе интересы лица не учитываются наравне с интересами остальных, но в другом вопросе это же лицо получает некоторые преференции по сравнению с остальными, то в целом можно говорить о достижении некоторого баланса интересов.

Наконец, в-пятых, что самое важное, даже в тех случаях, когда государство имеет возможность самоустраниться от решения моральных вопросов, оно принципиально уполномочено вводить ограничения прав и свобод в интересах нравственности, например, в случаях, когда в результате глобализационных или переходных процессов средства неформального общественного контроля перестают работать. Ясно, что право запрещает очень многое, что не позволяет и мораль, основанная на равенстве и взаимном уважении лиц (убийства, кражи, лжесвидетельство и клевета и т.п.). Но к этому может быть добавлено некоторое воздействие права на внутренний мир каждого из нас. Так, М. Сэндел, обсуждая проблему мно-

гократного завышения цен в условиях природных бедствий, замечает: «Законы против раздувания цен не могут изгнать жадность, но, по меньшей мере, могут обуздать ее самые наглые проявления и подать сигнал, что общество осуждает жадность» [Сэндел, 2013, с. 18]. Сэндел также убедительно показывает, что законодательное допущение рыночных механизмов в некоторые общественные отношения влечет вытеснение уже существовавших нерыночных (моральных) стимулов участников этих отношений, а также культивирование порочных стимулов, снижение гражданской сплоченности и угрозу восприятия человека как товара [Сэндел, 2018, с. 80–93]. Существует множество других примеров, когда право воздействует на наш внутренний мир, подавая своего рода сигнал: запрет проституции, порнографии; ограничения на использование нецензурной брани и на пропаганду разгульного образа жизни и одновременно пропаганда государством здорового образа жизни, проводимая государством политика в области культуры и образования; награждение государственными наградами за проявленные добродетели; налоговые льготы для религиозных и благотворительных учреждений; ограничения на продажу алкоголя, табака и легких наркотиков, а также запреты нахождения в пьяном виде в общественных местах; ограничения на аборты и эвтаназию, правовые последствия супружеской измены и т.д.

Я полагаю, что подобное воздействие дозволено в случаях, если оно осуществляется в соответствии с некими общепризнанными нормами и добродетелями, которые не противоречат принципу равной ценности лиц. В разных обществах конкретные преломления данной этики могут отличаться: так, для полуобнаженной женщины из африканского племени и для женщины культуры викторианской морали критерии разврата будут сильно отличаться, но общей будет недопустимость чрезмерного проявления неконтролируемых страстей. Если отдельный член общества не согласен с общепринятыми представлениями о морали, он всегда будет волен попытаться изменить мнение своих сограждан, хоть это, очевидно, и будет тяжело. Но, по крайней мере, он не сможет упрекнуть их в том, что они не относятся к нему как к равному.

Таким образом, представляется, что идеал равенства в значении равной заботы и уважения может быть рассмотрен как основной принцип справедливости и в этом значении иметь приоритет перед идеалом свободы. Причем, как я попытался показать,

различные свободы могут быть ограничены не только ради самих себя, но по другим основаниям. Через идею ограничения свобод ввиду общественных устоев, во имя нравственности и по иным подобным основаниям обнаруживается возможный компромисс между либералами, стремящимися обеспечить каждому возможность реализации его концепции блага, и консерваторами, которые хотят при этом сохранить существующие устои. Несмотря на то что в современной политике вмешательство государства в вопросы нравственности обычно связывают с консерватизмом, а многие либералы критикуют такое вмешательство ввиду риска соскальзывания в нетерпимость и принуждение, в действительности право не может не выражать определенные нравственные установки. Конечно, принцип равенства не разрешает всех противоречий между либерализмом и консерватизмом, но вышесказанное демонстрирует, как различные политические идеологии могут находить в нем свою опору.

Заключение

В этой статье я попытался доказать, что нам следует отбросить моральный релятивизм и в русле морального когнитивизма формировать некоторые общие представления о справедливости, которые могут быть положены в основу частных суждений о справедливости норм, институтов, действий и решений. На данном этапе развития науки на роль главного постулата справедливости претендует принцип равной ценности (равной заботы и уважения) лиц как некий контрапункт. Конечно, как отмечает П. Рикёр, «равенство – это синоним справедливости еще с эпохи греков» [Рикер, 2005, с. 197]. Вместе с тем конкретные представления о равенстве у всех различны. Поэтому важно подчеркнуть, что тот идеал равенства, который обсуждался в настоящей статье, не тождествен равенству в материальных благах, равенству в формальных правах и даже равенству (стартовых) возможностей, а представляет собой равенство людей в их достоинстве. Я также попытался обосновать, что в указанном смысле идеал равенства имеет приоритет перед идеалами свободы и братства, но имеет опору в различных политических идеологиях и может способствовать их сближению.

N.A. Shaveko*

Justice as equality? Political theory in face of moral relativism

Abstract. The author offers an understanding of justice as equality, which can be used as the basis for our judgments about justice, and thus overcome the existing skepticism about justice. First, with the help of the neo-Kantian philosophy of law, the position of moral cognitivism is substantiated. Further, the importance of consistency in the normative analysis of existing social relations is substantiated. Hence, not only the possibility, but also the necessity for the development of a general principle of justice is derived. This principle is expected to underlie more specific normative research. As result, an understanding of justice as equality is proposed. While equality can be understood differently, it is clarified that the principle of equality means the equal care and respect (the same is the equal value of persons, the equal importance of everyone's interests). This understanding of equality is justified as a commonplace of modern justice research. For this purpose, the author briefly analyzes the main political and legal theories of the twentieth century. The priority of the ideal of equality over the ideal of maximizing freedom is justified. It is demonstrated that freedom can be limited considering the peculiarities of the legal and political consciousness of society, moral requirements, as well as in cases where there is no doubt that these restrictions on freedom serve the interests of persons whose freedom is limited. It is clarified that both the general principle of equality and the more specific principles of justice may be revised over time.

Keywords: justice; equality; freedom; relativism; theory of justice; morality.

For citation: Shaveko N.A. Justice as equality? Political theory in face of moral relativism. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 204–225. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.08>

References

- Alekseeva T.A. *Justice as a political concept: an essay of modern Western discussions*. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation, 2001, 241 p. (In Russ.)
- Berlin I. Two Concepts of Liberty. *Contemporary liberalism*. Moscow: House of intellectual books; Progress-Tradition, 1998, p. 19–43. (In Russ.)
- Windelband W. Critical or genetic method? Windelband W. *Selected works: spirit and history*. Moscow: Jurist, 1995, 687 p. (In Russ.)
- Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. Moscow: ROSSPEN, 2004, – 392 p. (In Russ.)
- Kashnikov B.N. *Liberal theories of justice and political practice of Russia*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2004, 260 p. (In Russ.)
- Kelsen H. *Pure Theory of Law*. Saint Petersburg: Alef Press, 2015, 542 p. (In Russ.)

* **Shaveko Nikolai**, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: shavekonikolai@gmail.com

- Kymlicka W. *Contemporary political philosophy: an introduction*. Moscow: HSE University Publishing House, 2010, 592 p. (In Russ.)
- Marcuse H. Repressive tolerance. Markuze G. *Critical theory of society: selected works on philosophy and social criticism*. Moscow: AST, Astrel', 2011, p. 98–138. (In Russ.)
- Mart'janov V.S. On Conditions of Emergence of Justice Theory in Russian Politics. *Polis. Political Studies*. 2006, № 4 (94), P. 61–73. (In Russ.)
- Mill J.S. *Utilitarianism*. Rostov-on-Don: Don Publishing House, 2013, 240 p. (In Russ.)
- Nersesjanc V.S. *Law – mathematics of freedom. The experience of the past and prospects*. Moscow: Jurist, 1996, 160 p. (In Russ.)
- Nersesjanc V.S. *Philosophy of law*. Moscow: Norma, 1997, 652 p. (In Russ.)
- Moral limitations of war: problems and examples.* / Ed. by B. Coppieters, N. Fotion, R. Apresjan. Moscow: Gardariki, 2002, 407 p. (In Russ.)
- Riker P. *The Just*. Moscow: Gnozis, Logos, 2005, 304 p. (In Russ.)
- Sayers S. Idea of Communism // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2017, Vol. 17, Iss. 1, P. 7–20. (In Russ.)
- Stoljarov A.V. *In defense of negative freedom: what's wrong with Charles Taylor?* Moscow: Maks Press, 2014, 30 p. (In Russ.)
- Struve P.B. Preface to the book by N.A. Berdyayev “Subjectivism and individualism in social philosophy. A critical etude about N.K. Mikhailovsky”. Struve P.B. *Patriotica. Politics, culture, religion, socialism* / Ed. V.N. Zhukov andi A.P. Poljakov. Intr. by V.N. Zhukov. Moscow: Respublic, 1997, 527 p. (In Russ.)
- Sandel M. *Justice: What's the Right Thing to Do?* Moscow: MIF, 2013, 352 p. (In Russ.)
- Sandel M. *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. Moscow: MIF, 2018, 256 s. (In Russ.)
- Taylor Ch. What's wrong with negative liberty? *Logos*. 2003, № 2 (92), P. 187–207. (In Russ.)
- Frolova E.A. Law and morals (critical philosophy of law and modern time). *State and law*. 2013 a, № 1, P. 13–23. (In Russ.)
- Frolova E.A. Ethical and legal problems of the philosophy of neo-Kantianism in jurisprudence. *State and law*. 2013 b, № 7, P. 93–97. (In Russ.)
- Habermas J. *Moral consciousness and communicative action*. Saint Petersburg: Nauka, 2006, 380 p. (In Russ.)
- Chestnejshin N.V. Conservatism and liberalism: identity and difference. *Polis. Political Studies*. 2006, № 4 (94), P. 168–173. (In Russ.)
- Shaveko N.A. Does the right precede the good? A dispute between liberals and communitarians. *Politeia*. 2020, № 3 (98), P. 62–81. (In Russ.)
- Stammler R. *Economy and law from the point of view of the materialistic understanding of history. Vol. 1*. Saint Petersburg.: Nachalo Publ, 1907, 412 p. (In Russ.)
- Griffin J. *On human rights*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008, 339 p.
- Gutmann A., Tompson D. *Democracy and disagreement*. Cambridge, London: MIT Press, 1997, 447 p.
- Hart H.L.A. *Rawls on Liberty and Its Priority*. University of Chicago Law Review, 1973, vol. 40, iss. 3, p. 534–555.
- Huemer M. *Ethical Intuitionism*. New York: Palgrave Macmillan, 2005, 334 p.

- Rawls J. *The basic liberties and their priority*. Tanner Lectures on Human Values, Michigan, 1981, 87 p.
- Shapiro I. *Democratic justice*. New Haven, CT and London: Yale University Press, 1999, 333 p.
- Stammler R. *Die Lehre von dem richtigen Rechte*. Berlin, 1902. – 647 S. (In German).

Литература на русском языке

- Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 241 с.
- Бёрлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. – М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. – С. 19–43.
- Виндельбанд В. Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Избранное: дух и история. – М.: Юрист, 1995. – 687 с.
- Дворкин Р. О правах всерьез. – М.: РОССПЭН, 2004. – 392 с.
- Кашиников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. – 260 с.
- Кельзен Г. Чистое учение о праве. – СПб.: Алеф Пресс, 2015. – 542 с.
- Кимлика У. Современная политическая философия: введение. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.
- Маркузе Г. Репрессивная толерантность // Маркузе Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике. – М.: АСТ, Астрель, 2011. – С. 98–138.
- Мартьянов В.С. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Полис. – 2006. – № 4 (94). – С. 61–73.
- Милль Д.С. Утилитаризм. – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. – 240 с.
- Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юрист, 1996. – 160 с.
- Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма, 1997. – 652 с.
- Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / под общ. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. 2002. М.: Гардарики. – 407 с.
- Рикёр П. Справедливое. – М.: Гнозис, Логос, 2005. – 304 с.
- Сейерс Ш. Идея коммунизма. // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2017. – Том 17. – Вып. 1. – С. 7–20.
- Столяров А.В. В защиту негативной свободы: что не так с Чарльзом Тейлором? – М.: Макс Пресс, 2014. – 30 с.
- Струве П.Б. Предисловие к книге Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» // Струве П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм / сост.

- В.Н. Жукова и А.П. Полякова; вступ. ст. и прим. В.Н. Жукова. – М.: Республика, 1997. – 527 с.
- Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? – М.: МИФ, 2013. – 352 с.
- Сэндел М. Что нельзя купить за деньги? Моральные ограничения свободного рынка. – М.: МИФ, 2018. – 256 с.
- Тейлор Ч. Что не так с негативной свободой? // Логос. – 2003. – № 2 (92). – С. 187–207.
- Фролова Е.А. Право и мораль (критическая философия права и современность) // Государство и право. – 2013 а. – № 1. – С. 13–23.
- Фролова Е.А. Этико-правовые проблемы философии права неокантианства // Государство и право. – 2013 б. – № 7. – С. 93–97.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. – 380 с.
- Честнейшин Н.В. Консерватизм и либерализм: тождество и различие // Полис. – 2006. – № 4 (94). – С. 168–173.
- Шавеко Н.А. Предшествует ли право благу? Спор между либералами и коммунистами // Полития. – 2020. – № 3 (98). – С. 62–81.
- Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. – СПб.: Начало, 1907. – 412 с.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

И.Е. КОЧЕДЫКОВ*

ОБ ОПЫТЕ ПРИМЕНЕНИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. Данная обзорная статья посвящена анализу успехов и проблем применения больших данных в политической науке. В первой части обсуждаются онтологические эпистемологические предпосылки использования Big data и машинного обучения в политических исследованиях. Во второй части автор проводит обзор репрезентативных результатов политологических исследований, произведенных с использованием больших данных. Третья часть статьи посвящена критике и определению пределов использования Big data в политических исследованиях. Автор показывает, что кроме чисто технических проблем, связанных, например, с неполнотой имеющихся данных, искажениями из-за присутствия ботов, существует серьезные ограничения возможностей применения больших данных для анализа политических действий, которые имеют диспозиционный характер.

Ключевые слова: Big data; большие данные; алгоритмы; машинное обучение; онтология и эпистемология Больших данных; теория действия.

Для цитирования: Кочедыков И.Е. Об опыте применения больших данных в политической науке // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 226–251. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.09>

Большие данные и машинное обучение за последние десять лет получили некоторое распространение в политической науке.

* **Кочедыков Иван Евгеньевич**, магистр, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: Kochedykov.ivan@gmail.com

Этому способствовало увеличение производительной мощности компьютеров, появление множества новых источников данных в коммерческом секторе (речь идет, прежде всего, о социальных сетях), рост доступности собираемых государством данных в некоторых странах, а также успехи в создании новых алгоритмов анализа данных [Grossman, 2020, p. 227]. Некоторые исследователи стали видеть в анализе таких данных решение почти всех исследовательских проблем, возможность точного предсказания трендов и выработки политических рекомендаций. И хотя политологи и социологи изначально довольно скептически, по сравнению со специалистами из компьютерных наук, отнеслись к появлению нового типа данных, они постепенно нашли им применение в целом ряде тематических исследований, как то: предсказания результатов выборов, анализ общественных предпочтений, изучение эффектов определенных политических курсов, автоматизация рутинных операций и т.д. [Grossman, 2020].

В данной статье не будут затрагиваться вопросы политических последствий применения больших данных, будь то влияние на выборы, поляризация общества и т.д. Внимание автора сосредоточено исключительно на вкладе Big data в научные исследования. В первой части статьи речь пойдет об онтологии и эпистемологии Big data. Во второй части будут кратко рассмотрены основные примеры применения больших данных для анализа политических процессов, событий, результатов. Исследования для иллюстрации отбирались по критериям цитируемости и вхождения в различные учебные программы. Естественно, что представленные примеры не являются исчерпывающими. В третьей части статьи мы рассмотрим основные критические возражения, касающиеся данной группы методов. В завершении обсуждаются перспективы использования больших данных в политической науке.

Онтология больших данных

Несмотря на то, что термин Big data уже довольно давно существует в исследованиях и медиасреде, он так и не получил однозначного определения [Salganik, 2019, p. 14]. Предполагается, что в

Big data входят данные онлайн-платформ (логи¹, посты в социальных сетях), коммерческие данные компаний (например, логи производства, покупок), собираемые государством данные (статистические записи, платежи, налоги, штрафы и т.д.)

Трактовка больших данных французским философом и социологом Д. Булье хотя и не получила пока широкого распространения, вызывает большой интерес. Автор полагает, что большие данные как новый технологический феномен переопределяют онтологию социального, и, соответственно, методологию его исследования [Boullier, 2015]. Базовой онтологической категорией становится категория «след» (trace), а не личности (person), идентичности или сообщества. Цифровые следы – отпечатки активности (не обязательно только человека) в цифровом пространстве. Следы, по мнению французского ученого, могут варьироваться от сигналов («сырых», генерируемых объектами) до неструктурированных стенограмм, распространяющихся в виде мемов (или цитат); это могут быть метаданные, ссылки, клики, лайки, куки [Boullier, 2015, p. 10]. Булье утверждает, что, анализируя новую реальность, необходимо отслеживать алгоритмы, которые ориентируются только на те или иные свойства в зависимости от предзаданных целей. При этом данные свойства не являются структурными (что характерно было для «старой» социальной науки), Булье их называет «вторичными» и полагает, что они основываются на аппроксимациях, скорректированных в результате обучения на больших объемах данных (например, предыдущая покупка или лайк на сообщение). Следы, понимаемые в этом строгом смысле, порождаются цифровыми платформами и технологическими системами, но не являются «знаками» или индикаторами чего-либо, кроме самих себя и (возможных) отношений с другими атрибутами.

Следы, по мнению французского ученого, в принципе независимы от других атрибутов, особенно социально-демографических, которые редко мобилизуются в искомым корреляциях между следами (что, опять же, отличает новую цифровую реальность от свойственных классической социальной науке). Связи с наиболее распространенными в науке о данных параметрами ограничиваются

¹ Файл с записями о событиях в хронологическом порядке, простейшее средство обеспечения журналирования.

временем (временными отметками о появлении следа) и местом (геолокационные метки), что позволяет создавать временные шкалы и карты, которые становятся способами упрощенного представления следов. На основе этих общих ссылок можно проводить корреляции между всеми типами данных. Однако благодаря такому радикальному упрощению, когда в качестве референтных сущностей уже не выступают индивиды со всеми их социально-демографическими свойствами, следы быстро циркулируют и изменяют состояние самих баз данных, которые становятся динамичными.

Более приземленный подход дает известный специалист и пионер Big data Р. Китчин. Он обобщил существующие определения и выделил семь признаков больших данных [Kitchin, 2016]. В частности, большие данные характеризуются такими аспектами, как объем (охват огромного количества данных за счет технических возможностей хранения), скорость (создание фактических данных в режиме реального времени), разнообразие (интеграция различных подходов к структурированию), исчерпываемость (захват полной выборки), разрешение и идентификация (разная степень детализации и обращение к множеству сущностей и процессов), реляционность (связь между несколькими наборами данных), расширяемость и масштабируемость (добавление новых данных и увеличение объема), достоверность (сохранение неопределенности и ошибок). По получившему широкое распространение мнению канадских исследователей, к ним необходимо добавить ценность (извлечение множества различных выводов) и изменчивость (изменение смысла в зависимости от контекста) [Gandomi, 2015].

По мнению израильского политолога Дж. Гроссмана, из всех этих признаков для политологии наиболее актуальны два – разнообразие данных и технологические средства, необходимые для их извлечения, организации и анализа [Grossman, 2020, p. 232]. Таким образом, в политической науке наиболее простым и релевантным определением будет следующее: большие данные – это как структурированные, так и неструктурированные данные различного происхождения, к которым можно получить доступ, проанализировать и обработать с помощью цифровых технологий [Grossman, 2020, p. 232–233].

Здесь также необходимо остановиться и на машинном обучении как составной части Big data. Машинное обучение (и глубокое обучение как его подобласть) – это область знаний-навыков,

которая находится на пересечении статистики и компьютерной науки. Она определяется как использование статистических методов, позволяющих компьютерным системам постепенно улучшать свою работу над конкретной задачей, используя данные без явного программирования [Chatsiou, 2020, p. 4]. Подразумевается, что компьютерная программа может начинать с исходной модели данных, анализировать фактические данные, учиться на основе этого анализа и автоматически обновлять исходную модель, чтобы учесть результаты анализа.

Эпистемология больших данных

Несмотря на то что некоторые эпистемологические подходы к работе с большими данными уже частично проговаривались выше в описании их онтологических характеристик, есть необходимость рассмотреть их подробнее. Один из ведущих специалистов в этой области, сотрудник Мюнхенского центра технологий в обществе (Munich Center for Technology in Society) при Техническом университете Мюнхена Вольфганг Питш (Wolfgang Pietsch), полагает, что наука о данных и ее применение в разных предметных областях представляет собой индуктивистский подход к получению знаний [Pietsch, 2021, pp. 38–39]. То есть путь к знанию идет от частного к общему, что отличается от более традиционных подходов количественных политических исследований, где разработка наборов теоретических моделей предвдваряет изучение эмпирических объектов.

Наука о данных начинается с огромных объемов информации. Под данными понимаются записи эмпирических свидетельств того или иного явления, т.е. зафиксированные наблюдения или результаты экспериментов. Например, данные, используемые поисковой системой, могут включать предыдущие поисковые запросы или различные характеристики пользователя, такие как возраст, пол, национальность и т.д. Все эти данные представляют собой конкретные факты, а не общие законы или гипотезы [Pietsch, 2021, p. 44–45].

Помимо данных, вторым важнейшим компонентом науки о данных являются различные алгоритмы машинного обучения, способные делать предсказания на основе данных, т.е. индуктивно

выносить умозаключения о пока неизвестных событиях или лицах. Так, поисковая система обычно делает индуктивный вывод на основе всех релевантных данных, какой ответ лучше всего подходит для конкретного запроса пользователя. Хотя работа этих алгоритмов иногда может быть непрозрачной из-за огромного количества выполняемых шагов, в том, как они достигают своих результатов, нет ничего мистического. В частности, здесь мало места для интуиции или творчества, по крайней мере после того, как получены данные и выбраны алгоритмы. Принципы работы большинства алгоритмов машинного обучения хорошо понятны, и после настройки эти алгоритмы редко нуждаются в дальнейшем вмешательстве человека. Примером этого, по мнению Питша, является тот факт, что ответы на поисковые запросы обычно генерируются без участия человека.

Концептуальное ядро каузальности в науке о больших данных заключается в том, что изменение обстоятельств приводит к изменению исследуемых явлений [Pietsch, 2021, p. 73–80]. Питш предлагает понимать причинность Big data в терминах различий (как у Дж.С. Милля). Причинно-следственные связи определяют факторы различия в том смысле, что если изменить определенную переменную, то это окажет влияние на другую переменную. То есть причинно-следственные связи, выявленные в ходе исследования, не являются объяснительными в сильном смысле этого слова. Наука о данных дает объяснения, указывая причины или, по крайней мере, их приближенные варианты, но при этом не ссылается на некие объединяющие принципы, которые характерны для гипотетико-дедуктивных подходов. При этом необходимо иметь в виду, что индуктивистские концепции часто нацелены на предсказание явлений, а не на их фундаментальное понимание.

Что касается проблемы истины, то в феноменологической науке (какой является, по мнению Питша, наука о больших данных) понятие истины доступно в терминах соответствия причинных законов представленному через данные миру в ощущениях. Обратной стороной данного подхода является контекстуальный и приблизительный характер феноменологических законов по сравнению с амбициями универсальности и точности теоретической науки [Pietsch, 2021, p. 97–98].

Для науки о данных в плане получения знаний характерно непараметрическое моделирование [Pietsch, 2015]. Оно предпола-

гает малое количество модельных допущений, например таких, как широкий спектр функциональных зависимостей или функций распределения. При непараметрическом моделировании прогнозы рассчитываются на основе «всех» данных. Хотя это делает непараметрическое моделирование достаточно гибким, позволяя быстро реагировать на неожиданные данные, оно также становится чрезвычайно требовательным к объему данных и вычислений.

В исследованиях с большими данными применяют три основных класса алгоритмов [Ын, Су, 2022]. Первый класс – «Обучение без учителя» (unsupervised learning). Его применяют для нахождения скрытых закономерностей в наборе, когда мы не знаем, какие закономерности искать. В этот класс входят такие алгоритмы, как а) метод k-средних, б) метод главных компонент, с) ассоциативные правила и d) анализ социальных сетей. Вторым классом – обучение с учителем (supervised learning). Он используется для прогнозирования заданных шаблонов, например проверки точности модели. Здесь используются такие методы, как а) регрессионный анализ, б) метод k-ближайших соседей, с) метод опорных векторов, d) дерево решений, e) случайные леса, f) создание и тренировка нейросетей. Третий класс – обучение с подкреплением, которое использует закономерности в данных для улучшения прогнозирования по мере появления новых результатов. Главным представителем является алгоритм «Многорукие бандиты»¹.

Применение Big data в политологических исследованиях

а) Прогнозирование электоральных результатов

Распространение социальных сетей и возросшая активность пользователей сделала их привлекательным источником данных для политических исследований и прогнозирования. Исследователи исходят из того, что анализ динамики избирательной кампании с помощью данных социальных сетей и их связи с результатами голосования имеет ряд очевидных преимуществ. Будучи более дешевым и быстрым по сравнению с традиционными опросами

¹ См. также: Кто же такой этот многорукий бандит? – Хабр. – 21 сентября 2022. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/689364/> (дата посещения: 01.07.2023).

общественного мнения, он позволяет прогнозировать ход кампании, т.е. отслеживать в реальном времени (день за днем или даже час за часом) эволюцию предпочтений, чтобы уловить тенденции и любые (возможные) резкие изменения в общественном мнении быстрее, чем традиционные опросы [Ceron, 2017].

Для прогнозирования электоральных результатов исследователи анализируют огромное количество интернет-источников, начиная от блогов и социальных сетей, таких, как запрещенные в России Facebook и Twitter, онлайн-новостей, поиска Google и данных о просмотрах страниц Википедии. В зависимости от метода, используемого для прогнозирования, существующие исследования можно разделить на три основных подхода. Первый подход является чисто количественным и опирается на автоматизированные вычислительные методы подсчета данных. Примером может служить исследование индийских социальных сетей в 2014 г. [Barclay, 2015]. Ученые использовали количество «лайков» (отметок «нравится») на официальных страницах кандидатов для оценки их популярности в контексте выборов в Лок Сабха. Они обнаружили сильную положительную корреляцию между количеством «лайков» и долей голосов избирателей. Исследователи также установили, что месяц, предшествующий периоду голосования, является наилучшим для прогнозирования доли голосов с помощью отметок «нравится» – с точностью 86,6%.

Второй подход обращает внимание на язык и пытается придать качественное значение комментариям (постам, твитам), публикуемым пользователями социальных сетей с помощью использования автоматизированных инструментов для анализа тональности (sentiment analysis). Нидерландские исследователи Эрик Тьонг Ким Санг и Йохан Бос использовали данные Twitter для предсказания результатов выборов в сенат страны в 2021 г. [Kim, Bos, 2012]. Авторы создали корпус политических твитов с помощью ручной аннотации тональностей. Они вручную аннотировали 1678 политических твитов, присваивая каждому твиту один из двух классов: отрицательный по отношению к партии, упомянутой в твите, или неотрицательный. Распределение мест между партиями, предсказанное твитами, оказалось близким к результатам выборов.

Третий метод строится во многом на тех же основаниях, но использует полуавтоматический анализ тональности с учителем

для выявления (агрегированного) мнения, выраженного в интернете [Grimmer, 2013]. Данный метод основан на двухэтапном процессе, где на первом этапе исследователи читают и кодируют подвыборку документов. Она представляет собой обучающее множество, которое на втором этапе алгоритма будет использоваться для классификации всех непрочитанных документов (тестовое множество). На втором этапе агрегированная статистическая оценка алгоритмов анализа тональности с учителем распространяет выявленную точность на всю совокупность постов, позволяя корректно получать мнения, высказываемые в социальных сетях.

В качестве иллюстрации данного подхода обратимся к выполненному итальянскими политологами анализу президентской кампании в США 2012 г. и двум турам первичных выборов, проведенных итальянской левоцентристской коалицией в ноябре 2012 г. [Ceron, 2017]. В целом произведенный анализ социальных сетей позволил правильно предсказать победителя в девяти из 11 колеблющихся штатов, исключение составляют Колорадо и Пенсильвания. Более того, в большинстве штатов (семь против двух) данные исследователей оказались точнее, чем среднее значение опросов (это Флорида, Айова, Вирджиния, Невада, Нью-Гэмпшир, Мичиган и Висконсин), а в двух оставшихся штатах (Огайо и Северная Каролина) разные прогнозы (социальные медиа против опросов) оказались одинаковыми. В случае итальянских выборов расхождения между оценками политологического коллектива и результатами волеизъявления оказались незначительны и в среднем не превышали 2%, что соответствует средней погрешности опросов. Кроме того, авторы утверждают, что их методика позволила предсказать разрыв между двумя ведущими кандидатами (Берсани и Ренци) лучше, чем традиционные опросы. Согласно их оценкам, разрыв между двумя кандидатами составлял 10,5%, в то время как Берсани после подсчета голосов лидировал на 9,4 пункта (т.е. разница в 1,1%, тогда как в среднем опросы ошибались в величине разрыва на 3%).

b) Предсказание конфликтов

Сотрудники Мичиганского университета использовали машинное обучение для анализа факторов, способствующих улуч-

шению предсказания гражданских войн [Colaresi, 2017]. Авторы использовали исторические, социальные, экономические, политические и демографические данные для научения машинного интеллекта (Vox's loop, случайные леса) предсказывать возможности появления гражданских конфликтов в разных регионах мира. Они пришли к выводу, что экспорт сырьевых товаров служит важной движущей силой гражданского конфликта и является полезным опережающим индикатором.

В другом исследовании для предсказания случаев политического насилия политологи провели анализ газет [Mueller, Rauh, 2018]. Они применяют тематические модели (topic model), которые позволяют уменьшить размерность текста с количества, близкого к миллиону выражений, до, например, 15 тем. Эти темы затем были использованы в простых линейных регрессионных моделях для предсказания начала конфликта.

Метод, полностью основанный на темах, способен довольно хорошо предсказать время возникновения конфликта. Во-первых, результаты можно легко интерпретировать, поскольку темы представляют собой содержательные резюме текста. Во-вторых, алгоритм, генерирующий темы, способен учиться на изменяющихся ассоциациях терминов. Например, в статье авторы показали, что новые термины, такие как «террорист» или «повстанец», служат ключевыми индикаторами риска конфликта в последние годы, в то время как в 1995 г. они таковыми не являлись. В-третьих, тематическая модель использует в прогнозе отрицательные ассоциации между темами и конфликтным риском. На самом деле, значительная часть прогноза, по-видимому, исходит от тем, не имеющих прямого отношения к конфликту. Особенно сильна связь между меньшим количеством сообщений о судебных процедурах и правоохранительной деятельности и более высоким риском конфликтов.

с) Анализ политических предпочтений, взглядов и мотиваций

Тематическое моделирование также используется для анализа политических предпочтений, позиций элит. В частности, в статье [Bonica, 2016] описывается трехэтапная стратегия моделирования для измерения предпочтений и выраженных приоритетов по различным политическим аспектам. Она сочетает в себе тематическое

моделирование, оценку идеальной точки и методы машинного обучения. На первом этапе к базе данных политических текстов автор применил тематическое моделирование. На втором этапе были расставлены идеальные баллы законодателей по конкретным вопросам на основе данных о голосовании в прошлом с использованием оцененных весов тем для определения размерности списков. На третьем этапе было проведено обучение с помощью метода опорных векторов¹ для прогнозирования баллов по вопросам для более широкого круга кандидатов на основе общих источников данных (например, данных о пожертвованиях). Результатом стало создание единого ресурса данных об американской политической элите.

В статье [Bond, Messing, 2015] представлен матричный метод измерения идеологии с использованием масштабных данных из социальных сетей. В частности, в исследовании рассматривается политическая поляризация путем наложения идеологии на структуру социальных отношений. Авторы выяснили, что дружеские связи имеют тенденцию к кластеризации на основе идеологических предпочтений. Кроме того, в статье показано, что идеологическая корреляция сильнее проявляется среди близких друзей, членов семьи и особенно романтических партнеров. Индивиды, находящиеся в сетях с сильными идеологическими разногласиями, менее склонны к участию в политике.

В работе отечественных исследований [Ахременко, Петров, 2023] была проанализирована мотивация участников белорусских протестов в 2020 г. по данным социальной сети VK. Авторы с помощью 12 кодировщиков соотнесли публикации, получившие наибольшее количество репостов, с тремя ключевыми мотивациями, стоящими за участием в протестах (гнев, идентификация с протестным движением, вера в успех коллективного действия). Полученные динамические ряды политологи сравнили с развитием уличной протестной активности и пришли к выводу, что она спала, когда протестующие потеряли веру в успех своих выступлений.

Развитие методов работы с большими данными недавно привело к возможности перейти от анализа отдельных слов (что

¹ См. также: Краткий обзор алгоритма машинного обучения Метод Опорных Векторов (SVM). – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/428503/> (дата посещения: 03.07.2023).

характерно для тематического моделирования и анализа тональности) к анализу нарративов [Ash, 2023]. Отправной точкой метода поиска нарративов является семантическая маркировка ролей (semantic role labeling, SRL) – лингвистический алгоритм, который, принимая предложение в виде обычного текста, определяет действие, агента, выполняющего это действие, и пациента, на которого оно направлено. Полученное пространство признаков агентов, действий и претерпевающих действие гораздо более информативно для нарративов, чем пространство признаков, создаваемое стандартными методами «текст как данные».

Следующей частью описываемого метода поиска нарративов является набор процедур снижения размерности. Данный подход к кластеризации сущностей использует несколько вариантов фраз, относящихся к одному и тому же объекту (например, «налоги на доходы» и «налогообложение доходов» или «бывший президент Рейган» и «Рональд Рейган»), и сводит их к одной маркировке (labeling) объекта. Авторы используют методы обучения без учителя, такие, как тематические модели и вложение документов (document embeddings)¹.

Семантическая маркировка ролей – это алгоритм вычислительной лингвистики, который отвечает на основные вопросы – кто действующее лицо события, например грамматический субъект глагола в активном залоге письменных предложений, в частности, кто и что делает с кем. Глагол («что делает») фиксирует действие в залоге. Претерпевающий действие («кого, кому, кем») – это субъект, на которого распространяется действие, т.е. объект или цель. Семантические роли не только различают действия и сущности в предложении, но и отражают отношения между ними. Например, SRL извлекает ту же направленную связь для предложения «Миллионы американцев потеряли свои пособия по безработице», что и для инвертированного предложения «Пособия по безработице потеряли миллионы американцев».

Применение данного метода для анализа речей американских конгрессменов показало, что к наиболее позитивным нарративам относятся нарративы о Конституции и отцах-основателях, о

¹ См. также: Чудесный мир Word Embeddings: какие они бывают и зачем нужны? – Режим доступа: <https://habr.com/ru/companies/ods/articles/329410/> (дата посещения: 03.07.2023).

преимуществах здравоохранения, о малом бизнесе, обеспечивающем рабочие места. Негативный набор включает высказывания о предоставлении помощи в трудные времена и об угрозах, исходящих от террористов. В итоге результаты позволили получить качественное представление о приоритетах и ценностях, которыми руководствуются конгрессмены США, а также об их идеологических разногласиях.

d) Анализ политических коммуникаций

Большое внимание в новых исследованиях уделяется политической коммуникации. Так, в работе М. Коновера описывается структура и динамика массовой политической мобилизации и коммуникации [Conover, 2013]. С этой целью была проанализирована сеть онлайн-коммуникаций, реконструированная на основе более 600 тыс. твитов за 36 недель, охватывающих период зарождения и становления американского антикапиталистического движения «Оккупируй Уолл-стрит». Было обнаружено, что по сравнению с сетью стабильной внутривнутриполитической коммуникации, сеть «Оккупируй Уолл-стрит» демонстрирует более высокий уровень локальности и структуру «ступицы и спицы», в которой большая часть нелокального внимания направлена на такие резонансные места, как Нью-Йорк, Калифорния и Вашингтон. Более того, информационные потоки через границы штатов чаще содержат формулировки фреймов и ссылки на СМИ, в то время как коммуникация между людьми в одном штате чаще связана с акциями протеста и конкретными местами и временем. Автор полагает, что эти особенности отражают усилия движения по мобилизации ресурсов на местном уровне и разработке нарративных фреймов, укрепляющих коллективную цель на национальном уровне.

Продолжая американскую тему, местные политологи использовали алгоритм случайных лесов для анализа динамики «оглупления» дискурса [Benoit, Munger, Spiraling, 2019]. Для этого они собрали базу текстов «О положении дел в стране» (State of the union address). Затем, с помощью краудсорсинга, авторы провели тысячи парных сравнений фрагментов текста и включили полученные результаты в статистическую модель сложности, в которую также вошли такие признаки, как части речи и мера редкости

слов, полученные на основе динамических частот терминов в наборе данных Google Books. В итоге они пришли к выводу, что в последние годы обращения стали более простыми для восприятия.

Другой популярной областью исследований, к которой применяют методы науки о данных для изучения текстовых следов политики, стал поиск и обнаружение «фейковых новостей». Например, испанские специалисты в исследовании с помощью алгоритмов *k*-ближайших соседей, случайных лесов, наивного байесовского анализа и метода опорных векторов смогли (по их словам) правильно обнаружить почти все фейки в своей выборке данных [Reis, 2019]. Однако при этом 40% правдивых новостей были неправильно классифицированы. Так, определенная история считалась ложной, поскольку была опубликована новой газетой, размещенной на том же IP-адресе, что и известный источник фальшивых новостей, внесенный в черный список.

В статье профессора Наньянского технологического университета в Сингапуре А. Катагири и доцента Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Э. Мин обсуждается проблема эффективности разных типов сигналов в международных отношениях [Katagiri, Min, 2019]. Под сигналами понимаются заявления или действия, передающие информацию с намерением повлиять на представление получателя об отправителе. Авторы анализировали материальные действия, связанные с Берлинским кризисом¹, используя заголовки и выдержки из «Нью-Йорк таймс». Авторы должны были закодировать, сообщалось ли в каждой из 1601 отобранной статьи про кризис о потенциально затратных военных действиях, отражающих враждебность. Пять типов событий квалифицировались следующим образом: возведение стены (1); ядерные или ракетные испытания (7); сбитый самолет (1); блокада (1); задержание или остановка военных колонн и транспортов (81). Всего в этих статьях фигурирует 91 событие. В данном исследо-

¹ «Берлинский кризис» 1958–1961 гг. – международный политический кризис, связанный с решением проблемы управления столицей Германии, разделенной после окончания Второй мировой войны 1939–1945 гг. на оккупационные зоны. Началом его считается ультиматум Н.С. Хрущёва от 27 ноября 1958 г., конец – 1962–1963 гг., а пик кризиса пришелся на июнь – ноябрь 1961 г. Кризис разрешился после переговоров, избежав большой войны между двумя блоками. Берлин остался разделенным на две части, между которыми была возведена стена.

вании использовались модели статистического обучения с учителем для автоматизации большей части процесса кодирования.

Три пула необработанных текстов были преобразованы в количественные данные. Для этого сообщения / релизы сначала были разбиты на сегменты по 300 слов для более корректного анализа. Текст в каждом сегменте подвергается стандартной предварительной обработке. Она включает удаление стоп-слов, таких, как артикли и преобразование слов в лексемы (например, преобразование «говорит» и «говорил» в «говорить»). Количество оставшихся лексем в каждом сегменте подсчитывается и записывается. В итоге получается матрица «документ-термин» для каждой коллекции сообщений, где каждая строка представляет собой сегмент из 300 слов, а каждый столбец содержит информацию о том, сколько раз используется лексема. Эти количества лексем являются основными переменными, используемыми для обучения моделей и генерирования прогнозируемых значений советской решимости для каждого сегмента.

Проанализировав все имеющиеся данные, авторы пришли к выводу, что советские угрозы в частных коммуникациях во время Берлинского кризиса острее воспринимались в Белом доме, тогда как публичные рассматривались как попутный шум.

е) Анализ хода электорального процесса

Другой областью применения Больших данных и машинного обучения стал анализ электоральных махинаций [Montgomery, 2015]. Монтгомери и др. использовали байесовскую модель аддитивных деревьев регрессии (BART) (метод машинного обучения) на большом межнациональном массиве данных. Модель BART использует результаты выборов и контекстуальные факторы для выявления мошенничества только в той мере, в какой конкретные модели (например, распределение цифр или распределение цифр в сочетании с контекстуальными характеристиками) являются достоверными эмпирическими индикаторами мошенничества в международном масштабе.

В итоге авторы пришли к выводам, что политическая нестабильность оказывает существенное влияние на уровень мошенничества. Аналогичным образом, мошенничество на выборах более

распространено в странах с чрезвычайно высоким уровнем этнолингвистического разнообразия. Урбанизация, как оказалось, имеет в значительной степени отрицательную связь с авторским индикатором мошенничества. Низкий уровень плотности городского населения в наибольшей степени ассоциируется с высокими показателями по данному индикатору мошенничества, в то время как в странах с более высокой плотностью городского населения прогнозируются более низкие показатели. Слишком низкая и слишком высокая явка также служат хорошими признаками электоральных махинаций.

f) Анализ реализации политического курса (policy)

Заслуженно большое внимание и успех получила статья о работе китайской интернет-цензуры, написанная под руководством одного из ведущих методологов в политической науке Г. Кинга [King, Pan, Roberts, 2013]. Авторы использовали несколько методов для анализа и понимания феномена интернет-цензуры в Китае. Во-первых, они собрали собственную массивную базу данных, включающую миллионы тематических сообщений в социальных сетях с китайской платформы микроблогов Sina Weibo¹. Они проанализировали содержание этих сообщений, чтобы выявить в них критику правительства или упоминания о коллективных действиях. На втором этапе исследователи разработали алгоритм машинного обучения для выявления цензуры в собранном наборе данных. Алгоритм был обучен на закодированных вручную образцах цензурированных и нецензурированных сообщений с целью выявления закономерностей и индикаторов цензуры. Далее авторы провели серию рандомизированных контролируемых испытаний, чтобы понять специфику механизмов цензуры, применяемых китайским правительством. Они систематически размещали сообщения с различными типами чувствительного контента, чтобы проследить вариации цензурных практик. В итоге они пришли к выводу, что китайская политика в области регулирования интернета допускает политическую критику, но при этом негативно настроена к организации коллективных действий.

¹ Было выделено 85 тем.

г) Исследования политического поведения

Большие данные используются и для анализа непосредственного политического поведения. Израильские политологи А. Ротман и М. Шалев обратились к данным о местоположении пользователей мобильных телефонов для измерения мобилизации в массовых акциях протеста [Rotman, 2022]. Подобные данные не только позволили оценить количество и состав участников крупных демонстраций, но и определить, когда, где и с кем различные социально-политические слои объединяются в протестной кампании. Авторы выделили три типа сообществ, которые приняли участие в уличных протестах, а также связали участие в протестах с изменением электорального поведения.

В некотором роде обратное исследование провели итальянские политологи Е. Паван и А. Маинарди [Pavan, Mainardi, 2018]. Они изучили мобилизацию итальянского движения против гендерного насилия Non Una Di Meno (NUDM). Прежде всего они собрали сет твитов, созданных в ходе двух национальных акций протеста, организованных движением. Затем исследователи реконструировали два набора сетей, социальную и семантическую, созданные участниками движения вокруг национальной забастовки 8 марта 2017 г. и б) вокруг национального марша, организованного в Риме 25 ноября 2017 г. Опираясь в основном на инструменты сетевого анализа, Паван и Маинарди пришли к выводу, что структурные особенности сетевых структур оказались устойчивыми: несмотря на расширение изменений протестного репертуара движения, сетевые структуры, возникшие в результате внедрения цифровых медиа, оставались немногочисленными и сильно кластеризованными. Кроме того, несмотря на слабость и малочисленность этих структур, онлайн-общение, развернувшееся вокруг ноябрьского марша, после нескольких месяцев активности NUDM по консолидации своего коллективного проекта по борьбе с гендерным насилием стало более инклюзивным, поскольку лишь меньшинство участников оставалось изолированным или вело отдельные разговоры. Приобретя более инклюзивные черты, онлайн-общение вокруг NUDM также стало более заметно ориентироваться на официальную страницу движения.

Критика использования Big data в политических исследованиях

Несмотря на наличие определенных позитивных результатов в применении больших данных многие исследователи относятся к ней критично по целому ряду оснований. Традиционная критика использования больших данных в социальных и политических исследованиях построена на том, что данные, которые нам представляют, имеют как минимум «неидеальный характер». Часто исследователи видят паттерны там, где их в действительности нет просто потому, что в гигантском объеме данных можно что-нибудь найти, что соединяется со всем во всех направлениях [Boyd, 2012, p. 668]. В ходе процесса сбора данных самими платформами (например, социальных сетей) данные обрабатываются в несколько шагов (аккумуляция, очистка, сбор в базу для дальнейшей обработки) и на каждом этапе возможны ошибки и искажения (как произвольные, так и случайные) [Wagschal, 2020, p. 276].

Другой проблемой является то, что зачастую исследователям доступны только API (Application Programming Interface – программный интерфейс приложения). Говоря упрощенно, API – это контракт, который предоставляет программа, сайт, платформа о том, как с ней обращаться и что она может дать¹. Поскольку доступны только специально отобранные и подготовленные владельцами сайта API данные, возможности проведения исследований оказываются ограниченными. Американский политолог К. Мангер напоминает, что Facebook, Twitter постоянно меняются (в смысле алгоритмов обработки и выдачи данных)². Изменения в работе платформы ведут к изменению поведения. В свою очередь это делает лонгитюдные исследования на основании данных этих сетей слабо валидными.

Значительная проблема обнаружилась даже в данных, собираемых уважаемыми агрегаторами онлайн – баз данных. Проекты по сбору данных, вроде Militarized Interstate Dispute (MID), Uppsala Conflict Data Program (UCDP), Armed Conflict Location and Event Dataset (ACLED) (и Mass Mobilization in Autocracies

¹ См. также: Что такое API? – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/464261/> (дата посещения: 01.07.2023).

² См. также: Big data in Political science. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gdctyW6ghg&t=4443s> (дата посещения: 01.07.2023).

Database (MMAD), предоставляют свои услуги исследователям, снижая входной барьер для количественного анализа. Как показал анализ, выполненный американскими политологами [Karstens, Soules, Dietrich, 2023], качество и полнота баз данных оставляют желать лучшего. Источники, доступные через них, меняются с течением времени. Периодически и без предупреждения пользователей истекает срок действия контрактов или происходит их перезаключение, в результате чего некоторые источники исчезают из базы данных.

Кроме того, оказалось, что наличие одного и того же источника в двух базах данных не гарантирует доступ к одним и тем же публикациям. Например, Nexis Uni и Factiva оба имеют Синьхуа в своих списках источников, но они содержат разные публикации данного издания. Таким образом, результаты поиска могут варьироваться в зависимости от скрытых от исследователя факторов. И хотя крупные события вряд ли будут упущены из-за их значительного освещения, более мелкие события, которые привлекают меньше внимания СМИ, скорее всего, будут оставаться вне поля зрения ученых.

Использование метаданных мобильных устройств само по себе не может дать исчерпывающего представления о том, кто и почему присоединяется к коллективным акциям протеста [Rotman, 2022]. Сценарий, в котором власти, как подозревают протестующие, могут использовать данные о местоположении для их идентификации и наказания, может заставить участников демонстрации оставлять свои мобильные телефоны дома или выключать их во время демонстраций. Другие ограничения зависят от особенностей сбора и распространения данных о местоположении отдельными сотовыми сетями и поставщиками данных, а также от ограничений, накладываемых регулируемыми органами.

Отдельный вопрос возникает к качеству и даже необходимости электоральных предсказаний. К примеру, в США, стране, которая позиционирует себя как «светоч демократии», на выборах в Палату представителей в 2016 г. только 35 мест из 435 были получены хоть в какой-то конкурентной борьбе. При этом лишь 17 из них были избраны с перевесом до 5%, а еще 18 – с перевесом до 10% [Чизмен, Клаас, 2021, с. 65–73]. В таком случае предсказание результатов выборов на основе данных социальных сетей с точностью в 90% не является большим достижением.

Есть целый ряд возражений с чисто технической стороны организации работы исследовательских алгоритмов. Например, кластеризация методом *k*-средних плоха тем, что каждый элемент данных может быть связан только с одним кластером, тогда как элемент часто может находиться между двумя центрами, что делает его включение в один из них равновероятным. Другим допущением кластерного анализа является сферическая форма кластера. В случае, если кластер имеет иную форму, он будет автоматически усечен, а усеченные элементы попадут в другой кластер. Метод *k*-средних не допускает пересечения кластеров или их вложения друг в друга [Ын, Су, 2022, с. 48]. Метод опорных векторов классифицирует элементы, исходя из того, с какой стороны границы дифференциации они оказались. В ситуации, когда элементы данных сильно перекрываются обеими группами, то те из них, что ближе к границе, могут быть классифицированы ошибочно. Кроме того, метод не дает информацию о вероятности ошибочной классификации каждого отдельного элемента [Ын, Су, 2022, с. 125]. Недостаток деревьев решений вытекает из их достоинства: они слишком восприимчивы к переобучению. Градиентный бустинг позволяет уточнять прогнозы, однако он зачастую очень сложен для визуализации [Ын, Су, 2022, с. 135].

В литературе есть крайне серьезное возражение к использованию больших данных для прогнозирования выборов со стороны статистической науки. Так, в исследовании, сравнивающем точность предсказаний обычного опроса общественного мнения с 60% ответов и сет данных, охватывающий 80% населения, профессор статистики Гарвардского университета показал, что первый набор данных будет точнее [Meng, 2018]. В статье подчеркивается важность понимания закона больших совокупностей (*law of large populations*), который гласит, что при увеличении объема выборки среднее значение выборки дает более надежную оценку среднего значения совокупности. Однако автор утверждает, что в сфере больших данных этот закон может быть обманчивым из-за предвзятости отбора. Парадокс больших данных, по мнению автора, связан с тем, что, хотя они предоставляют огромное количество информации, в них может отсутствовать необходимый контроль и случайность, требуемые для корректного статистического вывода.

На более абстрактном уровне возникает ряд проблем общетеоретического плана. Прежде всего речь идет о парадоксе

Р. Лапьера, который показывает автономию установок и поведения. По данным многочисленных этнометодологических исследований, символы, нарративы, дискурсы, верования, коды, репрезентации, планы существуют исключительно в мире слов и ограниченно влияют на реальные практики [Вахштайн, 2021]. Так, несмотря на то, что в Сети пользователь может демонстрировать приверженность одним ценностям, регулярно ставить лайки, например, ультралиберальной позиции, в офлайн-режиме его политическое действие может принять совсем другой, консервативный характер.

С этим парадоксом тесно связано и другое общетеоретическое социологическое возражение, которое исходит из теории действия. В отличие от старых «интеллектуалистских» теорий (например, теория действия Т. Парсонса), которые требуют обращения к привычному «психологическому» аппарату причин, намерений, убеждений и желаний для объяснения действий в новых диспозиционных объяснениях, основанных на привычках, действия вместо этого объясняются путем ссылки на тенденцию или склонность к повторению организованных паттернов действий в конкретных условиях надежным (но не детерминированным) образом, учитывая историю агента [Lizardo, 2021]. Это относится не только к действиям в физическом, офлайн-мире, но и к ментальным процессам или онлайн-активностям. Сутью человека фактически выступает набор его привычек. Из этого можно сделать вывод, что агрегированные данные могут описывать набор привычек, характерных только для той среды, в которых они и собираются, но, мало соотносится с другими сферами жизни существования, которые исследователи пытаются раскрыть.

Вместо заключения. Перспективы использования больших данных в политических исследованиях

Данный краткий обзор современного использования больших данных и машинного обучения показывает, что они суть не волшебная кнопка, по нажатию которой политолог получает автоматический результат о настоящем, прошлом и будущем политической жизни. Напротив, это большое множество методов анализа и валидации результатов, имеющих свое ограниченное применение.

В ближайшие годы объемы данных и утонченность алгоритмов их анализа продолжат расти. Тем не менее, вне всякого сомнения, будут выходить «ленивые» исследования, в которых авторы попытаются каким-то образом наложить разные базы данных друг на друга и получить некую неожиданную корреляцию, выдав ее за научный прогресс. Иллюзия дешевизны, быстроты и мнимой общедоступности больших данных также продолжит приводить к появлению «одномерных публикаций», в которых на плохих данных с помощью одного самого просто алгоритма (причем взятого с чужого кода без собственной рефлексии) будут делаться далеко идущие выводы о политических процессах.

Если отбросить пессимизм в сторону, то по публикациям в ведущих методологических журналах, вроде *Political analysis*, проводимым политологическими ассоциациями мероприятиям можно выделить тенденцию большей осторожности и методологической точности в применении как больших данных, так и машинного обучения у тех, кто находится на передовом крае исследований.

Весьма вероятно, что в среднесрочной перспективе ответственные ученые будут все больше сосредоточиваться на использовании компьютерных методов для анализа цифровых сред, где, собственно, эти данные и генерируются. Будет расти доля публикаций об онлайн-политическом участии. Можно предположить, что будет крепнуть движение верификации данных и репликации исследований. Ожидается и появление большего количества публикаций, проясняющих онтологические и эпистемологические характеристики нового «цифрового» знания.

Другим важным направлением станет применение методов машинного обучения для вспомогательных задач сортировки, например, архивных данных, кластеризации, тематизации, что, вероятно, внесет существенный вклад в исследования в духе исторического институционализма или для применения *process tracing* в целях анализа прошедших событий.

Изошренность новых методов анализа, рост требований к публикациям в высокорейтинговых журналах ставят вопросы о будущем содержании учебных программ и квалификации политологов. Данных, методов и стоящих за ними математики, статистики становится чересчур много, тогда как количество часов зачастую остается тем же или даже сокращается. К тому же возникают вопросы, как быть с преподаванием других субдисциплин, кото-

рые считались основой канона политического знания. Уже в ближайшее время встанет вопрос об интеграции ChatGPT не только для решения вышеупомянутых примитивных задач, но и возможности его использования для подготовки более серьезных исследований.

И.Е. Kochedykov*

On the experience of applying Big data in political science

Abstract. The review article is devoted to the analysis of successes and challenges of Big Data application in political science. The first part discusses the ontological and epistemological foundations of Big Data and machine learning application in political science. In the second part, the author reviews representative results of political science research using Big Data. The third part deals with criticism and limitations of Big Data in political research. The author shows besides purely technical problems, such as incompleteness of available data, distortions due to the presence of bots, there are sufficient limitations to the application of big data for analyzing dispositional political actions.

Keywords: Big data; algorithms; machine learning; ontology and epistemology of big data; theory of action.

For citation: Kochedykov I.E. On Big data application for political science research. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 226–251. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.09>

References

- Anderson C. The end of theory: The data deluge makes the scientific method obsolete. *Wired magazine*. 2008, July 16, P. 1–2. Mode of access: <http://statlit.org/pdf/2008EndOfTheory-DataDelugeMakesScientificMethodObsolete-WiredMagazine.pdf> (accessed: 10.07.2023).
- Akhremenko A., Petrov A. Anger, identity or efficacy belief? Dynamics of motivation and participation in 2020 Belarusian protests. *Polis. Political Studies*, 2023, N 2, P. 138–153. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.10>
- Ash E., Gauthier G., Widmer P. Relatio: Text semantics capture political and economic narratives. *Political Analysis*. 2023, First View. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1017/pan.2023.8>
- Athey S. Beyond prediction: Using big data for policy problems. *Science*. 2017. N 355, P. 483–485. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.aal432>

* **Kochedykov Ivan**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: Kochedykov.ivan@gmail.com

- Barclay F., Pichandy C., Venkat A., Sudhakaran S. India 2014: Facebook 'like' as a predictor of election outcomes. *Asian Journal of Political Science*. 2015, Vol 23, N 2, P. 134–160. DOI: <https://doi.org/10.1080/02185377.2015.1020319>
- Benoit K., Munger K., Spiriling A. Measuring and explaining political sophistication through textual complexity. *American Journal of Political Science*. 2019, Vol. 63, N 2, P. 491–508. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12423>
- Bond R., Messing S. Quantifying social media's political space: Estimating ideology from publicly revealed preferences on Facebook. *American Political Science Review*. 2015, Vol. 109, N 1, P. 62–78. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055414000525>
- Bonica A. A data-driven voter guide for US elections: Adapting quantitative measures of the preferences and priorities of political elites to help voters learn about candidates. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. 2016, Vol. 2, N 7, P. 11–32. DOI: <https://doi.org/10.7758/rsf.2016.2.7.02>
- Boullier D. The social sciences and the traces of big data. *Revue française de science politique*. 2015, Vol. 65, N 5, P. 805–828. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1607.05034>
- Boyd D., Crawford K. Critical questions for big data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon. *Information, communication & society*. 2012, Vol. 15, N 5, P. 662–679. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.678878>
- Ceron A., Curini L., Iacus S. Using sentiment analysis to monitor electoral campaigns: Method matters – evidence from the United States and Italy. *Social Science Computer Review*. 2015, Vol. 33, N 1, P. 3–20. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894439314521983>
- Cheeseman N., Klaas B. *How to rig and election*. Moscow: Bombora, 2021, 320 p. (In Russ.).
- Ceron A., Curini L., Iacus S. Social media and elections: A meta-analysis of online-based electoral forecasts. In: Arzheimer K., Evans J., Lewis-Beck M.S. (eds.) *Sage Handbook of electoral behaviour*. London: SAGE Publications Ltd, 2017, P. 883–903. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781473957978>
- Chatsiou K., Mikhaylov S.J. Deep learning for political science. *arXiv preprint arXiv:2005.06540*. 2020. Mode of access: <https://arxiv.org/abs/2005.06540> (accessed: 10.07.2023).
- Colaresi M., Mahmood Z. Do the robot: Lessons from machine learning to improve conflict forecasting. *Journal of Peace Research*. 2017, Vol. 54, N 2, P. 193–214. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343316682065>
- Conover M.D., Davis C., Ferrara E., McKelvey K., Menczer F., Flammini A. The geospatial characteristics of a social movement communication network. *PloS one*. 2013, Vol. 8, N 3. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0055957>
- Gandomi A., Haider M. Beyond the hype: big data concepts, methods, and analytics. *International journal of information management*. 2015, Vol. 35, N 2, P. 137–144. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2014.10.007>
- Grimmer J., Stewart B.M. Text as data: The promise and pitfalls of automatic content analysis methods for political texts. *Political analysis*. 2013, Vol. 21 N. 3, P. 267–297. DOI: [doi:10.1093/pan/mps028](https://doi.org/10.1093/pan/mps028)

- Grossman J., Pedahzur A. Political science and big data: Structured data, unstructured data, and how to use them. *Political science quarterly*. 2020, Vol. 135, N 2, P. 225–257. DOI: <https://doi.org/10.1002/polq.13032>
- Karstens M., Soules M.J., Dietrich N. On the Replicability of Data Collection Using Online News Databases. *PS: Political Science & Politics*. 2023, Vol. 56, N 2, P. 265–272. DOI: [10.1017/S1049096522001317](https://doi.org/10.1017/S1049096522001317)
- Katagiri A., Min E. The credibility of public and private signals: A document-based approach. *American Political Science Review*. 2019, Vol. 113, N 1, P. 156–172. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055418000643>
- Sang E.T., Bos J. Predicting the 2011 Dutch senate election results with twitter. *Proceedings of the workshop on semantic analysis in social media*. 2012. – Mode of access: <https://www.let.rug.nl/bos/pubs/TjongBos2012EACL.pdf> (accessed: 11.06.2023).
- King G., Pan J., Roberts M.E. How censorship in China allows government criticism but silences collective expression. *American political science Review*. 2013, Vol. 107, N 2, P. 326–343. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055413000014>
- Kitchin R., McArdle G. What makes Big Data, Big Data? Exploring the ontological characteristics of 26 datasets. *Big Data & Society*. 2016, Vol. 3, N 1. DOI: <https://doi.org/10.1177/205395171663113>
- Lazer D., Radford J. Data ex machina: introduction to big data. *Annual Review of Sociology*. 2017, Vol. 43, P. 19–39. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053457>
- Lizardo O. Habit and the Explanation of Action. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2021, Vol. 51, N 3, P. 391–411. DOI: <https://doi.org/10.1111/jtsb.12273>
- Meng X-L. Statistical paradises and paradoxes in big data (i) law of large populations, big data paradox, and the 2016 US presidential election. *The Annals of Applied Statistics*. 2018, Vol. 12, N 2, P. 685–726. DOI: <https://doi.org/10.1214/18-AOAS1161SF>
- Montgomery J.M., Olivella S., Potter J.D., Crisp B.F. An informed forensics approach to detecting vote irregularities. *Political Analysis*. 2015, Vol. 23, N 4, P. 488–505. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mpv023>
- Mueller H., Rauh C. Reading between the lines: Prediction of political violence using newspaper text. *American Political Science Review*. 2018, Vol. 112, N 2, P. 358–375. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055417000570>
- Ng A., Soo K. *Numsense! Data science for the layman: no math added*. Piter, 2022, 208 p. (In Russ.).
- Park B., Greene K., Colaresi M. Human rights are (increasingly) plural: Learning the changing taxonomy of human rights from large-scale text reveals information effects. *American Political Science Review*. 2020, Vol. 14, N 3, P. 888–910. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055420000258>
- Pavan E., Mainardi A. Striking, Marching, Tweeting. Studying how online networks change together with movements. *Partecipazione e conflitto*. 2018, Vol. 11, N 2, P. 394–422. DOI: [10.1285/i20356609v11i2p394](https://doi.org/10.1285/i20356609v11i2p394)
- Pietsch W. Aspects of theory-ladenness in data-intensive science. *Philosophy of Science*. 2015, Vol. 82, N 5, P. 905–916. DOI: <https://doi.org/10.1086/683328>

- Pietsch W. *On the epistemology of data science: Conceptual tools for a new inductivism*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. 2021, Vol. 148, 295 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-86442-2>
- Reis, J., Correia A., Murai F., Veloso ABenevenuto F. Supervised learning for fake news detection. *IEEE Intelligent Systems*. 2019, Vol. 34, N 2, P. 76–81. DOI: <https://doi.org/10.1109/MIS.2019.2899143>
- Rettberg J.W. Algorithmic failure as a humanities methodology: Machine learning's mispredictions identify rich cases for qualitative analysis. *Big Data & Society*. 2022, Vol. 9, N 2. DOI: <https://doi.org/10.1177/20539517221131290>
- Rotman A., Shalev M. Using location data from mobile phones to study participation in mass protests. *Sociological Methods & Research*. 2022, Vol. 51, N 3, P. 1357–1412. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124120914926>
- Salganik M.J. *Bit by bit: Social research in the digital age*. Princeton: Princeton University Press, 2019, 448 p.
- Vakhshatyn, V. *Technics, or the Charm of Progress*. St. Petersburg: European University press, 2021, 156 p. (In Russ.).
- Wagschal U. Ettensperger F. Big Data in Social Sciences. In: Berg-Schlösser D., Badie B., Morlino L. (eds.) *The SAGE Handbook of Political Science*. London: SAGE Publications Ltd, 2020, P. 272–287. DOI: 10.4135/9781529714333.n19

Литература на русском языке

- Ахременко А.С., Петров А.П. Гнев, идентичность или вера в успех? Динамика мотивации и участия в белорусских протестах 2020 года // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 2. – С. 138–153. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.10>
- Вахитайн В.С.¹ Техника, или Обаяние прогресса. – СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – 156 с.
- Чизмен Н., Клаас Б. Как почти честно выиграть выборы. – М.: Бомбора: 2021, 320 с.
- Ын А., Су К. Теоретический минимум по Big Data. Всё, что нужно знать о больших данных. – СПб.: Питер, 2022. – 208 с.

¹ Внесен в список иностранных агентов.

А.Б. БОЮН*

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ

Аннотация. В условиях геополитического противостояния России и США возрастает роль публичной дипломатии в сохранении внешнеполитических контактов между странами. Этот вид дипломатической практики позволяет государству напрямую доводить свою позицию до зарубежного общества, а также формировать положительный имидж и выстраивать долгосрочную коммуникацию, зачастую минуя препоны местного правительства. В статье анализируются основные подходы современных исследователей к определению понятия «публичная дипломатия» и классификации систем ее конкретных измерений. Если во второй половине XX в. публичная дипломатия рассматривалась американскими экспертами как инструмент информационного противоборства в холодной войне, то после распада биполярной системы концепция претерпела существенные изменения и продолжает трансформироваться в ответ на новые угрозы и вызовы. На конкретных примерах продемонстрирована разница подходов к определению акторов данного процесса и основных направлений их деятельности. В поиске ответа на вопрос «В чем американская публичная дипломатия результативнее российской в постсоветских странах?», автор предпринимает попытку разработать критерии сравнительного анализа данного инструмента внешней политики. Базируясь на существующих теориях, а также сведениях из ежегодных докладов Агентства по глобальным медиа и Консультативной комиссии США по публичной дипломатии, отчетов Россотрудничества и медиагруппы «Россия сегодня» за 2014–2022 гг., автор предлагает оригинальный подход к квантификации оценочных индикаторов и эмпирической операционализации явления. Статья носит методологический характер и представляет собой дизайн будущего сравнительного исследования публичной дипломатии России и США на постсоветском пространстве.

* **Боюн Александр Борисович**, соискатель Института международных исследований (ИМИ), МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: boyunitf@rambler.ru

© Боюн А.Б., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.04.10

Ключевые слова: Россия; США; «мягкая сила»; цифровая дипломатия; стратегические коммуникации; пропаганда; гуманитарное влияние; имидж государства; национальный брендинг; связи с общественностью.

Для цитирования: Боюн А.Б. Публичная дипломатия: проблема интерпретации и операционализации понятия // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 252–273. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.10>

Постановка проблемы

Одновременно с ростом популярности публичной дипломатии в международных отношениях в научном сообществе продолжается дискуссия о концептуализации данного феномена. Понятийная неопределенность в российской науке осложнена сразу несколькими причинами. Термин «public diplomacy» заимствован в английском языке и может толковаться как дипломатия публичная, народная или общественная. В отличие от принятого в США институционального подхода, рассматривающего публичную дипломатию как систему организации влияния на зарубежную аудиторию, в России она понимается как направление внешнеполитической деятельности государства¹.

Кроме того, в исследовательском дискурсе находятся цифровая [Mazumdar, 2021, р. 1], научная [Ruffini, 2020, р. 3], культурная [Cull, 2022, р. 18], экспертная и другие формы дипломатии, что приводит к постановке вопроса об их соотношении с понятием публичной дипломатии как «общего и частного» или независимых явлений. Также присутствуют спорные мнения о взаимосвязи публичной дипломатии с пропагандой, гуманитарным сотрудничеством, национальным брендингом, а также практикой реализации концепции «мягкой силы» [Долинский, 2011, с. 279]. Возрастающая роль интерактивных практик в международной коммуникации позволила исследователям заявить о «новой публичной дипломатии», отличительной чертой которой является диалоговый формат проектов [Melissen, 2005, р. 13]. По мнению У.З. Артамоновой, «отсутствие унифицированной терминологии и общей теоретиче-

¹ Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018–2019 гг. // РСМД. – 2020. – С. 8. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (дата посещения: 13.09.2023).

ской рамки не может не вызывать путаницы и затруднений у исследователей» [Артамонова, 2021, с. 51].

Существующая размытость категориального аппарата зачастую усугубляется риторикой использования терминов в повседневной практике. Например, глава Россотрудничества Е.А. Примаков публично предложил отказаться от концепции «мягкой силы» и перейти к «гуманитарному влиянию, помогающему сохранять мир»¹, при этом не пояснив, в чем он видит принципиальное различие между трактовками. Данное заявление нашло отклик в академическом сообществе, которое обозначило идеологическую черту между американскими терминами «мягкая сила» и «публичная дипломатия» и отечественной политикой гуманитарного влияния [Сутырин, 2020, с. 46].

Аналогичным образом обстоят дела и с использованием терминологии в официальных документах. Публичная и общественная дипломатия одновременно присутствовали во внешнеполитической концепции России 2013 г.: публичная в контексте информационного сопровождения внешнеполитической деятельности, а общественная – как инструмент международного гуманитарного сотрудничества². Из следующей редакции документа 2016 г. публичная дипломатия исчезла, а общественная используется в том же ключе³. В действующей редакции 2023 г. публичная дипломатия также отсутствует. Общественная дипломатия традиционно упоминается в разделе «Международное гуманитарное сотрудничество»⁴. В Концепции гуманитарной политики Российской Федерации 2022 г. не употребляются оба термина, но трижды фигурирует «мягкая сила»⁵.

¹ Курманова Д. Дорога перемен: какие реформы ждут Россотрудничество в этом году // Sputnik. – 2020. – 12 августа. – Mode of access: <https://lt.sputniknews.ru/20200812/Doroga-peremen-kakie-reformyzhdut-Rossotrudnichestvo-v-etom-godu-12864793.html> (дата посещения: 13.09.2023).

² Концепция внешней политики РФ // Гарант. – 2013. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70318094/> (дата посещения: 13.09.2023).

³ Концепция внешней политики РФ // Гарант. – 2016. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71552062/> (дата посещения: 13.09.2023).

⁴ Концепция внешней политики РФ // Гарант. – 2023. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/406643869/> (дата посещения: 13.09.2023).

⁵ Концепция гуманитарной политики РФ за рубежом // Гарант. – 2022. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/405240851/> (дата посещения: 13.09.2023).

Как верно отмечает М.М. Лебедева, отсутствие единого подхода к концептуализации понятия создает сложности не только в научном осмыслении феномена, но и затрудняет практическое исследование проблемы [Лебедева, 2020, с. 294]. Ключевым спорным вопросом представляется не отсутствие унифицированного определения публичной дипломатии, а дискуссия относительно ее содержания и характеристик взаимосвязи со смежными категориями внешнеполитической деятельности.

Согласно выводам Э. Гилбоа, многие ученые путают публичную дипломатию со связями с общественностью, пропагандой, и даже психологической войной [Gilboa, 2008, p. 56]. Являясь составной частью государственной политики в сфере международной коммуникации, публичная дипломатия не должна отождествляться с другими видами воздействия на зарубежную аудиторию. Углубление анализа феномена по критерию содержательности необходимо как в научно-теоретической, так и реальной дипломатической работе. Это позволяет конкретизировать субъекты публичной дипломатии среди многообразия государственных и негосударственных акторов, определить задействованные институты и механизмы, оценить их потенциал. Далее по тексту некоторые положения будут фундированы американскими и российскими кейсами, однако аналогичные примеры присутствуют у большинства стран, использующих ресурсы публичной дипломатии.

Продемонстрируем разницу подходов на практическом примере – определим основные субъекты информационных проектов публичной дипломатии России и США на постсоветском пространстве в сравнении различных понятийных парадигм. Если мы рассматриваем публичную дипломатию как систему взаимодействующих профильных институтов, то ключевыми государственными игроками, осуществляющими международное гражданское вещание, будут являться следующие.

1. Международная медиагруппа «Россия Сегодня», работающая через сеть собственных многофункциональных редакционных центров, бренд Sputnik (информационное агентство, сетевое издание), а также другие проекты (издание «Украина. ру», агентство «Baltnews»)¹.

¹ МИА «Россия сегодня». – Режим доступа: <https://rossiyasegodnya.com/mediagroup/> (дата посещения: 13.09.2023).

2. Агентство США по глобальным медиа (U.S. Agency for Global Media), ведущее деятельность через радиокomпанию «Голос Америки»¹ (Voice of America), некоммерческую радиовещательную организацию «Радио Свободная Европа / Радио Свобода»² (Radio Free Europe / Radio Liberty) и связанный с ними телеканал «Настоящее время»³ (Current Time TV)⁴.

Для иллюстрации участия негосударственных акторов в информационных проектах приведем следующие кейсы. Американское правительство использует чешскую редакцию «Радио Свобода» как учебную площадку для подготовки медиаактивистов и блогеров. В 2018–2019 гг. на базе офиса проходили тренинги Летней школы журналистики и социокультурных исследований, организованные НПО «Фонд Бориса Немцова за свободу» для молодых журналистов из стран постсоветского пространства, в том числе России и Украины.

В российской практике есть аналогичные инициативы: в апреле 2018 г. в Армении на базе агентства Sputnik был запущен образовательный проект SputnikPro, направленный на профессиональную подготовку национальных журналистов и руководителей информационных изданий. Сессии тренингов проходили в Азербайджане, Белоруссии, Грузии, Киргизии и Эстонии, а также онлайн⁵. Удачным примером сотрудничества МИД России и неправительственного сектора является учреждение в июле 2013 г. под эгидой «Фонда Горчакова» Грузино-Российского общественного центра имени Е.М. Примакова⁶. На его базе реализуется широкий спектр программ – от изучения русского языка до работы с экспертами и местными вузами, что позволяет в некоторой степени

¹ Внесена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

² Внесена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

³ Внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

⁴ U.S. Agency for Global Media. – Mode of access: <https://www.usagm.gov/who-we-are/organizational-chart/> (accessed: 13.09.2023).

⁵ SputnikPro рассказал, как работать с инфографикой // Sputnik. – 2020. – 20 ноября. – Режим доступа: <https://az.sputniknews.ru/20201120/-SputnikPro-rasskazal-kak-rabotat-s-infografikoy-425518557.html> (дата посещения: 13.09.2023).

⁶ Грузино-Российский общественный центр имени Е.М. Примакова // Фонд Горчакова. – Режим доступа: <https://gorchakovfund.ru/portal/page/dfeb6403-0b1a-4d21-b49e-c3291c95e2a8> (дата посещения: 13.09.2023).

восполнить существующий дефицит дипломатических отношений между странами.

Если рассматривать ситуацию в парадигме общественной дипломатии, то основными акторами становятся отдельные граждане и общественные структуры, а реализуемые ими проекты лишаются внешнеполитического целеполагания. Это явление зародилось в СССР и было известно как «народная дипломатия», в названии которого одновременно подчеркивались деполитизированный и независимый от властей характер гражданских инициатив. В наши дни общественная дипломатия отчетливо прослеживается в деятельности НКО левого и правого берегов Днестра, которые в рамках взаимодействия и совместных программ образуют диалог между жителями Молдавии и Приднестровья¹.

Наконец, если не дифференцировать публичную дипломатию от смежных форм внешних коммуникаций (СМИ, связи с общественностью, брендинг территорий), то категория субъектов не просто расширится за счет попадания в нее всего многообразия участвующих организаций, но и существенно исказится в смысловом плане. В обозначенном примере Россия – США нам пришлось бы учитывать в качестве акторов «Первый канал. Всемирная сеть» и CNN International, программы которых транслируются во многих регионах мира, а также национальные компании, например, «КАМАЗ», «Лаборатория Касперского» и Apple, Ford Motor Company, обеспечивающие узнаваемость своих стран далеко за их пределами.

С учетом глобализации информационного пространства указанные субъекты, несомненно, способствуют формированию образа государства на международной арене и могут содействовать достижению задач публичной дипломатии, но далеко не всегда обладают политическим целеполаганием, а также соответствуют внешнеполитическому курсу страны. Изложенный подход не противоречит взглядам ученых, рассматривающих публичную дипломатию в качестве одного из многих инструментов внешней политики и предполагающих, что эффективнее применять скоординирован-

¹ См.: Каталог общественных организаций левого и правого берегов Днестра 2021 // Миссия ОБСЕ в Молдове. – 2021. – Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/6/8/508892.pdf> (дата посещения: 13.09.2023).

ную совокупность мер, влияющих на становление позитивной репутации страны [Anholt, 2006, p. 274].

Понятие и измерения публичной дипломатии

Эксперты прослеживают появление и эволюцию термина «публичная дипломатия» в западной прессе с середины XIX в. В разных контекстах он использовался авторами как иллюстрация «открытости» политики и характеристика новых дипломатических практик¹. Современное значение публичная дипломатия обрела за счет Э. Гуллиона, возглавлявшего Школу права и дипломатии Флетчера в Университете Тафтса, который определил ее как «способы, с помощью которых правительства, частные группы и отдельные лица формируют общественные установки и мнения, влияющие на формирование и осуществление внешней политики» [Cull, 2009 a, p. 19].

Впоследствии Э. Гуллион признавал, что ему хотелось обозначить данный феномен «пропагандой», однако она имеет уничижительный оттенок, и Школа Флетчера применила термин «публичная дипломатия», чтобы охарактеризовать все коннотации новых внешнеполитических коммуникаций. В указанный исторический период публичная дипломатия являлась отличительной чертой внешней политики США, а ее основным субъектом считалось государство. Одной из первостепенных характеристик, отвечающих духу времени, отмечалось, что программы публичной дипломатии финансируются из правительственных источников². Благодаря достаточно широкому значению, определение Э. Гуллиона актуально и сегодня. Правительственный глоссарий терминов США приводит следующее понятие данного феномена: «программы, политика и действия, поддерживающие достижение целей и задач внешней политики США, продвижение национальных интересов и укрепление национальной безопасности путем информирования иностранной общественности и оказания на нее влияния,

¹ Cull N.J. «Public diplomacy» before Gullion: the evolution of a phrase. USC Center on Public Diplomacy. University of Southern California, 2006. – Mode of access: <https://www.uscpubdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (accessed: 13.09.2023).

² Dictionary of International Relations Terms. U.S. Department of State Library. 3-d edition, 1987, P. 85.

а также путем расширения и укрепления отношений между народом и правительством Соединенных Штатов и гражданами остального мира»¹.

После окончания холодной войны миновала необходимость транслировать откровенно пропагандистские установки на общественность геополитического оппонента. Эта тенденция нашла отражение в теоретических разработках. В западной политической науке публичная дипломатия преобразилась в инструмент реализации «мягкой силы», которую автор концепции Дж. Най определил «способностью получать ожидаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не через принуждение или финансовые ресурсы» [Nye, 2004, p. 5].

Согласно Дж. Наю, публичная дипломатия способна транслировать на зарубежную аудиторию важнейшие слагаемые «мягкой силы» – культуру, политические ценности и внешнеполитический курс страны. Напротив, публичная дипломатия будет бесполезным коммуникативным инструментом, если государство не обладает данными привлекательными характеристиками [Nye, 2008, p. 101–102]. Именно в подобной трактовке публичная дипломатия перестала являться предметом практики профессиональных дипломатов и была воспринята большинством зарубежных и отечественных исследователей.

С развитием политической науки публичная дипломатия перестала рассматриваться в лоне концепции «мягкой силы». В поиске границ новой академической области эксперты пытались сформулировать определение публичной дипломатии и предметную область изучения через анализ концептуальных основ [Leonard, 2002; Zaharna, 2013], введение таксономий [Cull, 2008; Pamment, 2014] и систематизацию имеющихся работ [Signitzer, Coombs, 1992; Долинский, 2011; Бахриев, 2017; Артамонова, 2021].

Оригинальный взгляд на изучение проблемы был предложен конструктивистами, которые отметили, что публичная дипломатия связана с «транснациональным потоком образов и информации»².

¹ United States Government Glossary of Interagency and Associated Terms. Washington DC, 2017, P. 754.

² Cull N.J. «Public diplomacy» before Gullion: the evolution of a phrase. USC Center on Public Diplomacy. University of Southern California, 2006. – Mode of

Подобный подход открывает широкие возможности для культурологического изучения зарубежного общества и его идентичности через призму публично-дипломатического обмена информацией.

В современном политологическом дискурсе публичная дипломатия объединяет в себе и направление внешнеполитической деятельности государства, и систему институтов, транслирующих ценностные ориентиры и курс страны за ее пределами, и непосредственный инструментальный расширения влияния государства на мировой арене. Рассматривая отдельные элементы, возможно получить представление только об изолированной части межгосударственной коммуникации.

Для объективного научного анализа следует использовать системный подход, изучая публичную дипломатию конкретного государства как комплекс взаимодействующих элементов, подчиненных единой цели [Easton, 1957, p. 383]. В соответствии с парадигмой реализма подразумевается, что каждая программа публичной дипломатии (профессиональные стажировки, образовательные обмены, заграничное вещание), независимо от того каким актором она реализуется (государственным ведомством или некоммерческой организацией), должна соответствовать общему интеграционному признаку.

Здесь и далее мы будем понимать под публичной дипломатией комплексную систему институтов и механизмов, направленную на создание привлекательного образа страны за рубежом, а также сопровождение внешнеполитической деятельности государства¹. Важными характеристиками нами признаются политическая детерминация публичной дипломатии, разнообразие акторов и легитимность ее конкретных инструментов.

Применение американских подходов к интерпретации и операционализации понятия представляется обоснованным, поскольку сам феномен впервые был институционализирован и получил научно-практическое развитие именно в США. В дальнейшем эксперты могут применять сформулированные границы для изучения публичной дипломатии как западных, так и восточных стран, а

access: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (дата посещения: 13.09.2023).

¹ Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018–2019 гг. // РСМД. – 2020. – С. 10. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/papers/RussianPublicDiplomacy-Report52-Rus.pdf> (дата посещения: 13.09.2023).

также межправительственных организаций и военно-политических блоков [Публичная дипломатия. ..., 2017].

Ключевые подходы исследователей к определению измерений публичной дипломатии возможно классифицировать на два направления в зависимости от оснований дифференциации институтов оказания воздействия на зарубежное общество.

Представители первой группы, Дж. Най, М. Леонард, Дж.Р. Келли и Г. Тух, фокусируются на времени и направлениях влияния. М. Леонард разработал три категории публичной дипломатии по периоду действия их программ и характеристике межгосударственной коммуникации: реактивный ответ на информационный повод (часы и дни), проактивное выражение выгодного государству мнения (недели и месяцы), установление долгосрочных отношений для трансляции ценностей (годы) [Leonard, 2002, p. 8–11].

Дж. Най также использовал три измерения: ежедневное освещение политики, разъяснение принимаемых решений (антикризисные коммуникации, требующие моментальной реакции), стратегические коммуникации (донесение актуальных сообщений, работающих на пользу государства в долгосрочной перспективе), инициирование связей с иностранным обществом через обменные программы, научные мероприятия и стипендии (построение многолетних отношений с целевыми группами и лицами) [Nye, 2008, p. 101–102]. По сути, Дж. Най свел понимание публичной дипломатии к инструменту трансляции трех составляющих «мягкой силы». Привнеся в научный оборот данную концепцию, автор не представил своего видения методики ее оценки. При измерении «мягкой силы» Евросоюза Дж. Най выделял такие индикаторы как размер финансирования публичной дипломатии, продолжительность жизни в стране, количество лауреатов Нобелевской премии [Радиков, Лексютина, 2012, с. 24].

Дж.Р. Келли, вслед за М. Леонардом, предложил рассматривать публичную дипломатию через информирование, влияние и установление отношений [Kelley, 2009, с. 74]. Автор существенно обобщает имеющиеся измерения, выделяя только значимые направления, но не конкретизирует наименование программ, а также способы их реализации. Подразумевается, что информационное реагирование осуществляется в краткосрочной, влияние – в среднесрочной, а построение отношений – в долгосрочной перспективе.

Подобного взгляда придерживается и Г. Тух, разделяющий программы публичной дипломатии на быстрые (информирование для достижения ситуативных целей) и медленные (образовательные, культурные и обменные инициативы) [Tuch, 1990, p. 13].

Д. Ковэн и А. Арсено аналогично Дж.Р. Келли разработали три категории публичной дипломатии по типу активности включения сторон в коммуникацию: монолог (обозначение позиции), диалог (выработка общей позиции), сотрудничество (долгосрочное объединение усилий) [Cowan, Arsenault, 2008, p. 13–25]. Монолог являлся предпочтительной формой в период биполярного мира, когда противостоящие друг другу стороны осуществляли зарубежное вещание без учета обратной связи от иностранной аудитории. Диалоговая форма коммуникации предполагает обмен информацией между субъектом и объектом публичной дипломатии, а сотрудничество – создание совместных проектов, способствующих улучшению взаимного понимания и восприятия.

Эксперты из второй группы классифицировали публичную дипломатию исходя из систематизации ее конкретных форм и программ. Н. Калл разработал пять основных и один вариативный элемент публичной дипломатии: восприятие (поиск информации для выстраивания стратегии), агитация (формирование общественного мнения), культурная дипломатия (стимулирование интереса к культуре страны), обмены (стажировки иностранных специалистов и студентов), СМИ (информирование о стране), а также дополнительный элемент для кризисных ситуаций – психологическая война [Cull, 2009 b, p. 17–23]. Р. Захарна дифференцирует все программы публичной дипломатии на две большие категории, ориентированные на информирование и построение взаимоотношений [Zaharna, 2009, p. 86–100].

Э. Гилбоа высказался о возможности стратификации публичной дипломатии по сферам влияния: традиционная (культурные и образовательные программы), медиадипломатия (работа СМИ), дипломатия лоббистов (журналисты для переговоров) [Gilboa, 2001, p. 1–24].

М.М. Лебедева разделила публичную дипломатию по типу каналов оказания воздействия: официальному (выступление представителей государства в СМИ, соцсетях и на открытых площадках) и неофициальному (через НПО, университеты, образовательные программы) [Публичная дипломатия ... , 2017, с. 9]. Н.А. Цветкова и

Г.О. Ярыгин предлагают разделить публичную дипломатию по направленности проектов на информационные (зарубежное вещание через традиционные и электронные СМИ, военная пропаганда), образовательные (академические, профессиональные, молодежные обмены) и программы в области культуры, языка и спорта [Цветкова, Ярыгин, 2014, с. 69].

Объединяющей характеристикой перечисленных подходов к построению измерений является их ориентация на выстраивание политической коммуникации. Говоря о публичной дипломатии как об интерактивной форме взаимодействия с зарубежной аудиторией, авторы уделяют основное внимание лишь субъектной стороне процесса (деятельность акторов, содержание реализуемых программ).

Изложенные подходы имеют свои преимущества и недостатки. Теоретические рамки, зачастую специально оторванные от конкретных практических примеров, открывают для ученого достаточно широкий простор для собственного поиска границ теоретической области и выбора методов исследования. Однако, не имея единогласия даже по определению изучаемого явления, эксперты неизбежно сталкиваются со сложностями при изучении его отдельных аспектов, особенно когда речь идет о компаративном анализе публичной дипломатии нескольких стран и оценке результативности.

Незаслуженно забытым остается вопрос оценки обратной связи, т.е. ответа и реакции аудитории на воздействие извне. Только Н. Калл учитывает элемент «восприятие», предполагающий изучение результативности восприятия иностранцами продвигаемых установок. Также авторы обделяют вниманием «внутреннее» измерение, которое отвечает на вопрос «как публичная дипломатия государства воспринимается и оценивается его собственным населением?». Сохраняется тенденция использования в классификации публичной дипломатии ее отдельных производных и смежных форм (цифровая, культурная, спортивная), что приводит к необоснованному разрастанию числа элементов.

Проанализировав подходы зарубежных и отечественных исследователей, можно констатировать отсутствие не только единого определения публичной дипломатии, но и консолидированной позиции по содержанию. Как отмечает Х.В. Онезорге, публичная дипломатия не поддается не только однозначному определению, но и простой операционализации [Ohnesorge, 2022, p. 263]. К аналогич-

ным выводам приходит и У.З. Артамонова [Артамонова, 2021, с. 53–54]. Абсолютное большинство экспертов предлагают рассматривать публичную дипломатию как слагаемое ее измерений, сфер или программ. Критический недостаток заключается в отсутствии детализации предложенных категорий и ограниченной возможности их использования в сравнительной оценке публичной дипломатии нескольких государств. Практики, напротив, анализируют публичную дипломатию по принципу оценки кейсов в определенных регионах, успешности ее отдельных проектов, а также достижению целей, поставленных перед изолированной программой¹. Очевидно, что для качественного эмпирического исследования требуется определить конкретные индикаторы, позволяющие изучить рассматриваемый феномен во всем его многообразии.

Операционализация публичной дипломатии

Базируясь на анализе существующих теорий, методом обобщения выделим две преобладающие тенденции и классифицируем все инициативы публичной дипломатии на две большие группы «информирование» и «продвижение». Первая содержит в себе совокупность программ по информированию зарубежной аудитории, реализуемых в политических целях через традиционные и электронные каналы коммуникации. Вторая группа включает все инициативы по стимулированию интереса к стране и построению долгосрочных отношений через весь спектр обменных, образовательных, культурных, языковых и прочих программ. Дополнительно вводится третья категория «управление», позволяющая проанализировать систему публичной дипломатии государства «изнутри» путем оценки методологии, структуры и процесса выработки и реализации данного направления внешнеполитической деятельности.

¹ См.: 2021 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. – 2022. – Mode of access: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/2021-ACPD-Annual-Report-508-WEB.pdf> (accessed: 24.02.2023); Доклад о финансово-хозяйственной деятельности за 2021 год // МИА «Россия сегодня». – 2022. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/otchet-rukovoditelya-mia-rossiya-segodnya-za-2021-god.pdf> (дата посещения: 13.09.2023).

На наш взгляд, подобная классификация характеризуется определенным универсализмом. С одной стороны, она позволяет исследователю без игнорирования отдельных программ избежать избыточной мультипликации смежных форм в качестве единиц классифицируемого явления (например, цифровая дипломатия войдет в первую категорию, а культурная – во вторую, и не потребуются их выделение в качестве самостоятельных групп). А с другой стороны, представляет возможность рассматривать отдельные инструменты публичной дипломатии в различных практиках их применения. В подобном ключе микроблог X (бывший Twitter) становится не только средством молниеносного донесения новостной повестки («информирование»), но и может рассматриваться как инструмент координации обменных или культурных программ («продвижение»). Напротив, работа Американского культурного центра при посольстве США в Москве может оцениваться и как коммуникационный ресурс, распространяющий информацию среди своих посетителей и выпускников образовательных программ.

Таким образом, предлагается проводить исследование феномена по двум «содержательным» (информирование, продвижение) и одному «организационному» (управление) постоянным критериям, которые уточняются соответствующими переменными и их индикаторами. Данная модель направлена на комплексное изучение субъектной стороны публичной дипломатии, а именно действий акторов по оказанию воздействия на зарубежную аудиторию, а также самой системы организации и управления институтами.

Одна из основных сложностей, с которой сталкиваются исследователи, заключается в отсутствии надежных и универсальных критериев оценки. Очевидно, что публичную дипломатию можно оценивать по результативности конкретных проектов, сравнивая достигнутые результаты с запланированными. Однако такая методика имеет явные недостатки, поскольку большинство государственных органов не публикует внутренних документов, содержащих подлинные цели и задачи проектов. В изложенной модели предлагается использовать индикаторы, которые независимые исследователи могут найти в открытом доступе или получить эмпирическим путем.

Таблица 1

Операционализация публичной дипломатии

№	Постоянные	Переменные	Индикаторы
1	2	3	4
1	Управление (институтами публичной дипломатии)	Институционализация	Разработка нормативно-правовой базы и концепции публичной дипломатии; учет «внутреннего» измерения публичной дипломатии (экспертные опросы, социологические исследования); доступ общественности к отчетам о деятельности институтов
		Структура	Государственные и негосударственные институты и акторы; наличие координирующего органа, его статус; степень взаимодействия задействованных в публичной дипломатии ведомств и организаций; система финансирования, оценки и контроля проектов публичной дипломатии; экспертная поддержка публичной дипломатии через аналитические центры
2	Информирование (коммуникации через традиционные и электронные СМИ, социальные сети)	СМИ, ориентированные на зарубежную аудиторию	Наличие офиса, корреспондентского пункта; вещание на языке конкретной страны; количественные показатели (периодичность публикаций и выхода в эфир; охват аудитории)
		Официальные интернет-ресурсы государственных ведомств и неправительственных структур публичной дипломатии	Наличие сайта, место расположения домена и хостинга; количество обращений пользователей к ресурсу; сопровождение проектов публичной дипломатии в социальных сетях (интеграция ссылок); периодичность обновления информации, ее актуальность (содержит ли сведения о реализуемых программах публичной дипломатии)
		Страницы в социальных сетях	Присутствие в популярных соцсетях (дипломатических учреждений и личное глав миссий, СМИ и НПО); периодичность ведения аккаунта; организация информационных кампаний / флешмобов; количественные показатели (общий охват аудитории; количество подписчиков, постов, просмотров, репостов, лайков), качественные показатели (актуальность темы для аудитории, ориентированность на аудиторию через использование языка страны пребывания, состав аудитории)

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
3	Продвижение (стимулирование интереса к стране, ее культуре и системе ценностей, прямые контакты с иностранной общественностью, лоббизм)	Программы в стране пребывания	Наличие культурных, научных и деловых центров при дипломатической миссии, проводимые под их эгидой мероприятия (встречи, конференции, выставки, конгрессы); ассоциации (выпускников обменных программ, соотечественников); программы поддержки общественных объединений, НКО и СМИ; программы поддержки диаспор и репатриантов; оценка реализуемых программ (бюджет, направленность, период действия, целевая аудитория, численность участников)
		Выездные программы	Образовательные, в том числе академические, обменные программы, стажировки и целевое обучение профессиональных групп; наличие программ в конкретной сфере (ученые, политики, бизнесмены, молодежные лидеры, журналисты, деятели культуры); количественные показатели (число выпускников обменных программ и стипендиатов, число лиц, прошедших обучение), качественные показатели, отражающие их «полезность» для страны-бенефициара (возврат в страну пребывания, трудоустройство в государственные и муниципальные органы, отказ от общественной деятельности)

Следует учитывать, что на практике эксперты могут столкнуться с определенными сложностями при сборе первичной информации. Например, в России и США существенно отличается практика раскрытия отчетной и финансовой информации учреждений, задействованных в рассматриваемой сфере. В ежегодных докладах американских органов содержится подробная информация о размере бюджетного финансирования на информационные и обменные программы в каждой стране. В свою очередь, российские СМИ не публикуют развернутые отчеты о своем бюджете, в связи с чем сравнивать их с массмедиа США по данному параметру затруднительно. Другим проблемным аспектом является поиск и верификация количественных (число выпускников) и качественных показателей, отражающих «полезность» обменных и обучающих программ для страны-бенефициара, поскольку госу-

дарства предпочитают не публиковать сведения о позициях влияния в зарубежных странах в обобщенном виде.

Предложенная модель операционализации публичной дипломатии не является окончательной. Очевидно, что данную систему необходимо уравновесить исследованием «объектной стороны», оценить, как внешнеполитические инициативы акторов публичной дипломатии воспринимаются зарубежной аудиторией и в итоге способствуют достижению ключевых целей государственной политики в конкретной стране или регионе. Методологический шаблон для оценки публичной дипломатии может быть верифицирован посредством сбора и использования больших данных, а также традиционными методами политического анализа.

Некоторые выводы

Одновременно с трансформацией глобального миропорядка, цифровизацией жизни общества и возникновением новых вызовов происходит перерождение публичной дипломатии. Вместе с содержанием меняется и научное определение этого явления. Появившееся как синоним пропагандистской деятельности, сегодня оно трактуется как полноценный инструмент внешнеполитической практики государства, обладающий специфическими характеристиками, институтами и механизмами действия. В США изначально превалировала дескриптивная модель изучения публичной дипломатии, которая была ориентирована прежде всего на развитие практической эффективности феномена, а не его теоретического осмысления.

В отличие от американской политической науки, в отечественном дискурсе присутствуют различные подходы к трактовке самого термина «публичная дипломатия», что неизбежно приводит к спору о его концептуальном содержании. Отсутствие единого мнения среди экспертов по данному вопросу порождает многочисленные дискуссии о необходимости типологизации процессов изучаемого явления. Основные подходы к классификации содержания публичной дипломатии разработаны Н. Каллом и М. Леонардом, которые смогли наиболее объективно сформировать подходы к научному обобщению исследуемого феномена. Изложенные измерения публичной дипломатии представляют экспертам возможность аналитически дифференцировать программы по периоду

осуществления, методу оказания воздействия на зарубежное общество или степени включенности акторов. Возможно предположить, что в своих работах авторы намеренно не детализировали разработанные ими категории (измерения, формы, направления) публичной дипломатии, чтобы сохранить поле для дальнейшей академической дискуссии. Однако для реализации сравнительного анализа публичной дипломатии конкретных государств необходима разработка и апробация модели оценки.

Россия и США в рамках программ публичной дипломатии осуществляют сопоставимую по объемам, формам и методам деятельность, направленную на установление и развитие политической коммуникации с населением бывших республик СССР. В последние годы наша страна существенно расширила свое присутствие в регионе путем открытия офисов СМИ, НПО и отделений Россотрудничества, провела ребрендинг многих программ и трансформировала подходы к их реализации, однако по каким-то причинам продолжает уступать по успешности некоторым американским проектам. Именно эту задачу решает эмпирическая операционализация явления, позволяющая провести бинарное сравнение внешнеполитической деятельности двух государств на выделенной территории.

Типологизация публичной дипломатии по критерию целеполагания на две группы (информирование, продвижение) фактически отражает современную практику в данной сфере и позволяет охватить весь спектр правительственных и негосударственных инициатив. Преимущество подхода заключается в возможности рассматривать отдельные инструменты в различных направлениях их применения, без необходимости выделения новых базовых групп. В качестве переменных категорий операционализации выбраны наиболее общие и характерные формы реализации программ публичной дипломатии. Например, вся совокупность информационных инициатив реализуется через вариативные формы (традиционные и электронные СМИ, сайты и социальные сети), которые уточняются конкретными измеряемыми индикаторами (объем иновещания, число публикаций и подписчиков). Это позволяет исследователю отойти от дихотомической классификации форм и применить расширенный инструментарий для анализа. Ожидается, что представленный исследовательский дизайн поможет осмыслению феномена в теоретических изысканиях и практической работе.

A.B. Boyun*

Public diplomacy: a problem of interpretation and operationalisation of the concept

Abstract. Amid the backdrop of geopolitical tensions between Russia and the United States, the role of public diplomacy in maintaining foreign policy contacts between the countries are increasing. This type of diplomatic practice allows a state to convey its position straight to foreign society, as well as to form a positive image and build a long-term communication, often bypassing the obstacles of the local government. The article analyses the main approaches of modern researchers to defining the concept of public diplomacy and classifying the systems of its specific dimensions. Even though in the second half of the twentieth century public diplomacy was considered by American experts to be a tool of information confrontation in the Cold War, the concept has undergone significant changes since the collapse of the bipolar system and continues to transform in response to new threats and challenges. Specific examples show the difference in approaches to the definitions of the actors of this process and the main directions of their activities. In search of an answer to the question «In what way is American public diplomacy more effective than Russian public diplomacy in post-Soviet countries?» the author makes an attempt to develop criteria for comparative analysis of this foreign policy instrument. Basing on existing theories, as well as information from the annual reports of the U.S. Agency for Global Media and the U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy, Rosstrudnichestvo and media group «Rossiya Segodnya» reports for 2014–2022, the author proposes a quantification of evaluation indicators and empirical operationalization of the phenomenon. The article is methodological in nature and represents a design for future comparative study of public diplomacy of Russia and the United States in the post-Soviet space.

Keywords: Russia; USA; soft power; digital diplomacy; strategic communications; advocacy; humanitarian influence; state image; national branding; public relations.

For citation: Boyun A.B. Public diplomacy: a problem of interpretation and operationalisation of the concept. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 252–273. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.10>

References

- Anholt S. Public diplomacy and place branding: where's the link? *Place branding*. 2006, N 2, P. 271–275. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.pb.6000040>
- Artamonova U.Z. Fronts and forms of public diplomacy. *Analysis and forecasting. IMEMO Journal*. 2021, N 2, P. 49–56. DOI: <https://doi.org/10.20542/afij-2021-2-49-56> (In Russ.)

* **Boyun Alexander**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: boyunitf@rambler.ru

- Bakhriev B.Kh. Public diplomacy in contemporary research discourse. *Bulletin of the Tajik State University of law, business and politics. Series of social science*. 2017, N 1, P. 131–147. (In Russ.)
- Cowan G., Arsenault A. Public diplomacy moving from monologue to dialogue to collaboration: the three layers of public diplomacy. *The annals of the American academy of political and social science*. 2008, Vol. 616, N 1, P. 10–30. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716207311863>
- Cull N.J. Public diplomacy: taxonomies and histories. *The annals of the American Academy of political and social science*. 2008, Vol. 616, N 1, P. 31–54. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716207311952>
- Cull N.J. Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase. In: Snow N., Taylor P.M. (eds). *Routledge handbook of public diplomacy*. New York: Routledge, 2009 a, P. 3–23.
- Cull N.J. *Public diplomacy: lessons from the past*. Los Angeles: University of Southern California, 2009 b, 62 p.
- Cull N.J. From soft power to reputational security: rethinking public diplomacy and cultural diplomacy for a dangerous age. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2022, N 18, P. 18–21. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41254-021-00236-0>
- Dolinskii A.V. Evolution of public diplomacy theoretical grounds. *MGIMO review of international relations*. 2011, N 2, P. 275–280. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-275-280> (In Russ.)
- Easton D. An approach to the analysis of political system. *World politics*. 1957, N 9, P. 383–400. DOI: <https://doi.org/10.2307/2008920>
- Gilboa E. Diplomacy in the media age: three models of uses and effects. *Diplomacy and statecraft*. 2001, Vol. 12, N 2, P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1080/09592290108406201>
- Gilboa E. Searching for a theory of public diplomacy. *The annals of the American academy of political and social science*. 2008, Vol. 616, N 1, P. 55–77. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716207312142>
- Kelley J.R. Between «take-offs» and «crash landings»: situational aspects of public diplomacy. In: Snow N., Taylor P.M. (eds). *Routledge handbook of public diplomacy*. New York: Routledge, 2009, P. 72–85.
- Lebedeva M.M. (ed.). *Public diplomacy: theory and practice: scientific publication*. Moscow: AspektPress, 2017, 272 p. (In Russ.)
- Lebedeva M.M. Conceptual transformations of public diplomacy. *MGIMO review of international relations*. 2020, N 13 (5), P. 293–306. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-293-306> (In Russ.)
- Leonard M., Stead C., Smewing C. *Public diplomacy*. London: The Foreign Policy Centre, 2002, 183 p.
- Mazumdar B.T. Digital diplomacy: Internet-based public diplomacy activities or novel forms of public engagement? *Place Branding and Public Diplomacy*. 2021, P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41254-021-00208-4>
- Melissen J. The new public diplomacy: between theory and practice. In Melissen J. (ed.) *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. London: Palgrave Macmillan, 2005, P. 3–27. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230554931_1

- Nye J. *Soft power: the means to success in world politics*. New York: Public Affairs, 2004, 191 p.
- Nye J. Public diplomacy and soft power. *The annals of the American academy of political and social science*. 2008, Vol. 616, N 1, P. 94–109. DOI: <https://doi.org/10.1177/000271620731169>
- Ohnesorge H.W. The method of comparative-historical analysis: a tailor-made approach to public diplomacy research. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2022, N 18, P. 261–271. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41254-021-00227-1>
- Pamment J. Articulating influence: toward a research agenda for interpreting the evaluation of soft power, public diplomacy and nation brands. *Public relations review*. 2014, Vol. 40, N 1, P. 50–59. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2013.11.019>
- Radikov I.V., Leksytina Ya.V. «Soft power» as contemporary attribute of great power. *World economy and international relations*. 2012, N 2, P. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-2-19-26> (In Russ.)
- Ruffini P.B. Conceptualizing science diplomacy in the practitioner-driven literature: a critical review. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2020, Vol. 7, N 124, P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00609-5>
- Signitzer B., Coombs T. Public relations and public diplomacy: conceptual convergences. *Public relations review*. 1992, Vol. 18, N 2, P. 137–147. DOI: [https://doi.org/10.1016/0363-8111\(92\)90005-J](https://doi.org/10.1016/0363-8111(92)90005-J)
- Sutyurin V.V. Beyond «soft power»: humanitarian influence and cooperation in foreign policy. *International affairs*. 2020, N 9, P. 44–57. (In Russ.)
- Tsvetkova N.A., Yarygin G.O. *Public diplomacy of leading states: traditional and digital methods*. Sankt-Petersburg: Severnaya Niva, 2014, 234 p. (In Russ.)
- Tuch H.N. *Communicating with the world. U.S. Public diplomacy overseas*. New York: Palgrave Macmillan, 1990, 224 p.
- Zaharna R. Mapping out a spectrum of public diplomacy initiatives: information and relational communication frameworks. In: Snow N., Taylor P.M. (eds). *Routledge handbook of public diplomacy*. New York: Routledge, 2009, P. 86–100.
- Zaharna R. Network purpose, network design: dimensions of network and collaborative public diplomacy. In: Zaharna R., Arsenault A., Fisher A. (eds). *Relational, networked and collaborative approaches to public diplomacy: the connective mindshift*. New York: Routledge, 2013, P. 173–191. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203082430>

Литература на русском языке

- Артамонова У.З. Направления и формы реализации публичной дипломатии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2021. – № 2. – С. 49–56. – DOI: <https://doi.org/10.20542/afj-2021-2-49-56>
- Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // Вестник ТГУПБП. – 2017. – № 1. – С. 131–147.
- Долинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2. – С. 275–280. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-275-280>

- Лебедева М.М.* Концептуальные перевоплощения публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – № 13 (5). – С. 293–306. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-293-306>
- Радиков И.В., Лексютина Я.В.* «Мягкая сила» как современный атрибут Великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 19–26. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-2-19-26>
- Сутырин В.В.* За пределами «мягкой силы»: гуманитарное влияние и сотрудничество во внешней политике // Международная жизнь. – 2020. – № 9. – С. 44–57.
- Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О.* Публичная дипломатия ведущих государств: традиционные и цифровые методы. – СПб.: Северная Нива, 2014. – 234 с.
- Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. *М.М. Лебедевой.* – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 272 с.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А.Ю. ДОЛГОВ*

**ДИВНЫЙ НОВЫЙ ЦИФРОВОЙ МИР:
ПОЛИТИКА В ЭПОХУ БОЛЬШИХ ДАННЫХ
И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
(РЕЦЕНЗИЯ)**

Рец. на кн.: Risse M. Political theory of the digital age: where artificial intelligence might take us. – Cambridge: Cambridge university press, 2023. – xxvi, 304 p.

Для цитирования: Долгов А.Ю. Дивный новый цифровой мир: политика в эпоху больших данных и искусственного интеллекта (Рецензия) // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 274–283. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.11>

Элементы языка утопии и антиутопии при описании развития цифровых технологий прочно закрепились в словаре социальных исследований, а многие самые смелые предположения фантастов прошлого уже стали частью нашей повседневности. Поэтому уже не вызывает удивления, когда в многочисленных научных работах обсуждаются проблемы грядущих масштабных социальных изменений, которые местами перекликаются с научно-фантастическими сюжетами. Казалось бы, очередное рассуждение о том, как сильно техноло-

* Долгов Александр Юрьевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Отдела социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия); доцент Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: dolgovalexandr@yandex.ru

гии поменяют нашу жизнь, окажется скучным и малополезным. Но книга профессора Гарвардского университета Матиаса Риссе [Risse, 2023], благодаря опоре на разные интеллектуальные традиции и стремлению переосмыслить значение искусственного интеллекта для политической сферы и политической теории ставит новые и весьма небезынттересные научные и практические вопросы.

Книга состоит из предисловия, 11 глав и эпилога. Главы посвящены очень разным темам: дистрибутивной справедливости и публичному разуму, цифровым жизненным мирам, будущему демократии, надзорному капитализму, эпистемическим правам человека, истине, значению технологии дипфейков и даже смыслу жизни. Отметим, что такое разнообразие рассматриваемых вопросов при знакомстве с текстом может «сбивать» фокусировку читателя – иногда становится непонятным, какая тема для автора является центральной.

Связь цифровых трансформаций с политической теорией сформулирована в довольно простом тезисе в предисловии: политическая мысль сосредоточена на исследовании того, как нам жить вместе, а поскольку наша жизнь все больше разворачивается в цифровом мире, политическая теория должна исследовать, как нам уживаться в цифровую эпоху (с. ix). Основные достижения и ожидания в цифровой сфере сегодня связаны с машинным обучением, т.е. с совокупностью методов, с помощью которых можно проанализировать огромное количество доступных данных («больших данных») для выявления тенденций и получения выводов. Алгоритмы машинного обучения, в отличие от обычных программ, обучаются самостоятельно на имеющихся у них данных, в основе таких алгоритмов лежат так называемые нейронные сети – программы, которые построены по принципу имитации взаимодействия клеток мозга. Как правило, именно такие алгоритмы называют искусственным интеллектом (ИИ).

М. Риссе полагает, что уже в наш век может возникнуть совершенно новый мир, населенный новыми видами сверхинтеллекта (с. xi). Все это требует от социальных ученых создания специальных языков описания и постановки оригинальных исследовательских вопросов, какими бы спекулятивными они ни были на данный момент. Полезный ресурс для концептуализации происходящих цифровых трансформаций М. Риссе находит в либерально-эгалитарных идеях американского политического философа Джона Ролза. Однако

М. Риссе отмечает, что либерально-эгалитарная точка зрения упускает из виду две очень важные темы. Первая тема (общая) – «исключительное значение технологий для политической мысли», вторая (частная) – «роли граждан как познающих и познаваемых», т.е. как тех, кто одновременно обладает и поставляет данные и информацию (с. xi). Для устранения этого пробела М. Риссе предлагает дополнить политическую теорию и политическую философию (в частности, ролзовскую теорию справедливости) философией техники.

Как пишет М. Риссе, в книге Дж. Ролза «Теория справедливости» (1971) [Ролз, 2010] справедливость характеризуется как честность, а демократическое общество, согласно его концепции, состоит из свободных и равных граждан, обладающих равными основными правами и сотрудничающих в рамках экономической системы, которая в определенных аспектах является эгалитарной. Ролз описывает справедливое устройство основных политических и социальных институтов либерального общества (т.е. его базовую структуру): конституцию, правовую систему, экономику, семью и т.д. Базовую структуру можно организовать по-разному и от этого будет зависеть, появятся ли у каких-то групп преимущества в получении большей части общественно произведенного продукта. Дж. Ролз исходит из того, что никто не заслуживает получать какие-либо социальные преимущества от рождения или оказываться в невыгодном положении, и что совместно произведенные общественные первичные блага должны распределяться поровну, если только неравное распределение не работает на благо всех. Граждане вправе требовать от институтов соблюдения этого условия, они также свободны в возможности взять на себя ответственность за свою жизнь и могут без ограничений кооперироваться (с. xiii).

Дж. Ролз полагал, что идеал дистрибутивной справедливости достигим либо при демократии, основанной на собственности (реформированной капиталистической системе), либо при демократическом социализме. Он не соглашался с К. Марксом в том, что реформирование существующих социальных систем возможно только через революцию, но и не отрицал существование фундаментальных социальных конфликтов вокруг несправедливого распределения благ. Но с конфликтами нужно лишь уметь правильно обращаться, считал Дж. Ролз. Для решения этой проблемы он, помимо внедрения принципов дистрибутивной справедливости,

предложил использовать концепцию публичного разума. М. Риссе предлагает развить эти идеи в эпоху цифровых трансформаций.

Опора на публичный разум в политическом процессе предполагает, что граждане могут обосновывать друг другу решения по фундаментальным политическим вопросам, используя общедоступные ценности и стандарты. Признавая других равными себе, они стремятся найти причины, убедительные для тех, чья точка зрения отличается. При этом всегда будут существовать конкурирующие идеи и неизбежно будут возникать конфликты, поскольку люди неизменно будут по-разному интерпретировать происходящее. Эти идеи Дж. Ролза становятся для М. Риссе отправной точкой в анализе тех изменений, которые уже принесла и еще принесет цифровая эпоха.

В первой главе (она же – введение) дается описание концепции жизненных миров, очерчиваются различия между Жизнью 1.0, 2.0 и 3.0. М. Риссе делает обзор технологических достижений и научных теорий, изменивших наш взгляд на то, что такое данные, информация и знания.

В 1940-е годы аналоговые жизненные миры, основанные на тактильных, акустических или других физических ощущениях, сменяются цифровыми, структурированными вокруг электронных устройств и числовой закодированной информации (с. 1–2). XXI в., как считает М. Риссе, может стать не просто веком доминирования цифровых технологий, но и возникновением нового этапа – Жизни 3.0. Сущности Жизни 1.0 не могли ни обучаться, ни менять свою физическую форму. Сущности Жизни 2.0 (т.е. нынешней цифровой эпохи) могут создавать свой культурный контекст (обучаться как индивидуально, так и коллективно), но не могут менять свою физическую форму (с. 2–3). Жизнь 3.0 может стать эпохой, когда возможности человеческого тела будут расширены до такой степени, что будут преодолены биологические, культурные и исторические ограничения *Homo sapiens* (с. 21–22). Разум будет связан с мозгом так же, как программное обеспечение связано с оборудованием, а хрупкость и несовершенство человеческого тела больше не будут определять ограничения человеческой жизни. Кроме того, в таком мире человек утратит монополию на получение и производство знаний – возникнет множество других нечеловеческих сущностей, которые также будут способны познавать.

Во второй главе М. Риссе показывает, что технологии всегда политизированы и сегодня они настолько сильно влияют на будущее человечества, что политическая теория не может игнорировать их значение. Поэтому, как отмечает автор книги, политическая философия всегда должна быть также и философией техники, а регулирование технологий должно быть важной частью политики. Здесь он определяет понятия политического и политики, отмечая, что они всегда связаны со способами установления порядка – устойчивых и стабильных условий осуществления власти в данном контексте (с. 27–28). Связь политического порядка с техникой М. Риссе выводит из марксистской диалектики производительных сил и производственных отношений. По сути, К. Маркс, как считает М. Риссе, предложил концепцию технологического детерминизма, поскольку именно совершенствование техники в его концепции исторического материализма приводит к изменению социальных структур. Обращение к К. Марксу для автора книги стало необходимым для того, чтобы дополнить ролзовский либерально-эгалитарный подход, который обходит стороной вопрос о технологиях. М. Риссе также отсылает читателей к амишам как к необычному примеру сообщества, которое сильно озабочено обеспечением контроля над технологиями, поскольку от этого зависит само его существование. Соответственно, то, как человечество будет контролировать технологии, определит его будущее.

Третья глава книги посвящена перспективам демократии в условиях все большего внедрения искусственного интеллекта в политические процессы. Современные демократии включают в себя структуры коллективного выбора, которые периодически позволяют относительно небольшому количеству людей определять направление для всех. Как и в любой форме управления, это не может происходить без использования различных технологий. Теории демократии, отмечает М. Риссе, обычно фокусировались на демократии как идеале или практиках и институтах, и мало кто из исследователей обращался к ее материальности (с. 48). Хотя надо заметить, что под влиянием акторно-сетевой теории Б. Латура и объектно-ориентированного подхода внимание к материальным основам демократии в политических исследованиях возрастает. Такой взгляд позволяет увидеть, как многочисленные актанты (не только люди, но и системы, устройства, инфраструктуры и т.д.)

через процедуру перевода превращают жизнь множества людей в жизнь граждан.

Демократия, подчеркивает М. Риссе, это, в том числе, набор артефактов, устройств и систем, с помощью которых реализуется демократическая политика. Технические устройства использовались уже в Древней Греции (достаточно упомянуть хотя бы клеротерион – устройство для жеребьевки при распределении должностей) и тем более активно они применяются сейчас, когда мы делегируем техническим устройствам выполнение огромного количества самых разных задач. Развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет современным демократиям решать проблему дистанцирования государства от граждан, а также проблему сбора адекватной информации для выработки политических решений. Воображая возможное будущее демократий, опирающихся на потенциал искусственного интеллекта, М. Риссе пишет о том, что ИИ мог бы знать предпочтения и взгляды каждого и предоставлял бы соответствующую информацию правительствам. Он мог бы вовлекать граждан в обсуждение проблем, объединяя вместе не только единомышленников, но и тех, кто придерживается противоположных взглядов, чтобы помочь им услышать друг друга (то, что требуется для реализации принципов публичного разума). Он бы мгновенно отслеживал мошенничество и коррупцию, помечал и удалял бы сообщения и аргументы, вводящие в заблуждение, и т.д. и т.п. (с. 60). Конечно, у такого будущего есть и опасная сторона. Одна из возможных проблем заключается в том, что мы вкладываемся в создание системы, облегчающей коллективное принятие решений, но совсем не уделяем внимание тому, чтобы сделать самих людей лучше. Вторая проблема в том, что создание такой системы неизбежно связано с усилением возможностей государства, а это грозит различными злоупотреблениями и манипуляциями с данными граждан (с. 61–62). Есть также опасения, связанные с тем, что ИИ, опираясь на данные прошлого и отражая предубеждения людей, будет действовать предвзято и воспроизводить существовавшую несправедливость.

Четвертая глава посвящена проблеме истины в цифровых жизненных мирах. Здесь М. Риссе отмечает, что хотя благодаря цифровым коммуникациям дезинформация может распространяться в объемах и со скоростью, которые ранее были недоступны, неправда и заблуждения чрезвычайно важны для жизни людей, так

как они помогают ориентироваться в сложном мире. В плюралистических демократиях важна не истина, а приемлемость для граждан (с. 91), но при этом правдивость в публичной сфере должна считаться важной ценностью. Наверное, сегодня это не самая популярная точка зрения, но для М. Риссе плюрализм мнений, пусть даже ошибочных, должен сохраняться, чтобы жизнь людей не превратилась в фанатичную борьбу за существование единственно правильной позиции.

В пятой главе, опираясь на понятие эпистемы М. Фуко [Фуко, 1977], М. Риссе показывает, как его можно использовать при анализе цифровых жизненных миров. Эпистема определяется как совокупность того, что считается знанием в данный момент времени, как оно получено, по каким правилам структурируется и как все это формируется отношениями власти. В эпистеме данных осуществляется новый тип власти, выходящий за рамки устойчиво существующих суверенной власти и биовласти. М. Риссе называет его информационной властью, которая реализуется через инфополитику (с. 102). Инфополитика в первую очередь касается государственного надзора в его все более изощренных способах. Эпистемические акторы цифровых жизненных миров выступают не только в качестве познающих, но и в качестве познаваемых, как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Причем в таком мире, как уже было показано выше, актором будет не только человек, но и новые виды сущностей, включая ИИ. Все это будет определять конфигурации новой эпистемы.

В шестой главе рассматриваются потенциал и опасности использования технологии дипфейков – новой формы синтетических медиа. Благодаря дипфейкам становятся доступными ранее не существовавшие способы генерирования знаний, которые обогащают нашу эпистему, считает М. Риссе (с. 133–134). Например, эта технология используется для «оживления» исторических сюжетов или объектов искусства, что стимулирует интерес к знаниям, творчеству и воображению. Но также дипфейки могут наносить огромный репутационный удар по отдельным людям или институтам. В дальнейшем они могут привести к усилению эпистемической неопределенности, когда люди перестанут пытаться отделить правду от лжи, хотя еще совсем недавно видео-, фото- или аудиоданные были главной «эпистемической опорой» при приведении доказательств.

В седьмой главе обсуждаются эпистемические права. М. Риссе считает, что если возникнет Жизнь 3.0, то потребуются защита прав, которые должны обеспечивать самобытность человеческой жизни в ее сосуществовании с другими видами интеллекта, превосходящими по возможностям человеческий.

В восьмой главе М. Риссе фокусируется на понятии «надзорный капитализм», предложенном Шошаной Зубофф [Зубофф, 2022]. Этот термин используется Ш. Зубофф, чтобы показать, насколько сбор данных стал важным для функционирования экономики. Отличительной чертой надзорного капитализма является «инструментальная власть», т.е. власть, направленная на прогнозирование, модификацию и монетизацию поведения с помощью многочисленных устройств сбора данных и создания способа мышления, который безоговорочно коммерциализирует человеческий опыт (с. 162). М. Риссе полагает, что в противовес такой власти должны создаваться фоновые структуры, способствующие защите прав, в том числе эпистемических.

В девятой главе М. Риссе поднимает вопрос о том, кто имеет право контролировать данные и извлекать выгоду из выводов, которые могут быть получены из них. Здесь снова используется обращение к принципу дистрибутивной справедливости. Сегодня общая практика состоит в том, что по умолчанию данные контролируются теми, кто их собирает (обычно это крупные корпорации), и они же могут на их основе создавать долгосрочные прогнозы и управлять социальными тенденциями. Однако данные создаются коллективно, следовательно, использоваться и контролироваться они должны тоже коллективно. Компании, собирающие и анализирующие данные, должны получать справедливое вознаграждение за свои услуги, но они не могут их монопольно приватизировать (с. 204).

Десятая глава посвящена смыслу жизни – теме, которая редко обсуждается в одной связке с технологиями. Но М. Риссе указывает, что поскольку наша жизнь в цифровую эпоху всегда технологически опосредована, технологии могут влиять на то, каким будет этот смысл. Так, все больше передавая контроль над своей жизнью машинам, человек теряет свободу действий. Это, по мнению М. Риссе, пример того вмешательства технологий в нашу жизнь, которое необходимо контролировать.

Наконец, в одиннадцатой главе автором делаются спекулятивные построения о моральном статусе машин, а также рассмат-

ривается вопрос о том, что повышение морального статуса машин будет означать для политической сферы. Этот вопрос по мере развития ИИ возникнет на повестке дня, считает М. Риссе, и нужно быть готовыми к тому, что машины в конечном итоге получают любой моральный статус. В этом случае публичная сфера будет включать в себя не только людей, но и ИИ, который тоже будет участвовать в совместной политической жизни и управлении государством.

В книге Матиаса Риссе считываются две линии рассуждений. Одна представляет собой перепрочтение классических и современных философских и социально-политических исследований для концептуального описания последствий внедрения искусственного интеллекта в социальную жизнь. Среди авторов, к которым он обращается, – К. Маркс, Ф. Ницше, Э. Дюркгейм, Т. Адорно, Х. Арндт, Дж. Ролз, М. Фуко, Б. Латур, Ш. Зубофф, Ю.Н. Харари и многие другие. Эта линия наиболее интересна, поскольку здесь автор проводит тщательную теоретическую проработку понятий, извлеченных из разных направлений философской и политической мысли, и снабжает свое повествование историческими примерами.

Вторая линия – это спекулятивные рассуждения по поводу возможного будущего. Эта линия более спорная. Многие социальные ученые считают исследования будущего противоречивой, бесполезной или идеологически нагруженной задачей, поскольку невозможно знать то, чему еще только предстоит случиться. Хотя такие исследования не только привносят в публичные дискуссии новые знания, но и влияют на изменение повестки дня, обозначая альтернативные сценарии социального развития [Schulz, 2016]. М. Риссе с помощью своей книги предложил представителям политической мысли подумать о темах, которые, *вероятно*, станут актуальными, и счел необходимым выдвинуть идеи о том, как обществу следует подготовиться к изменениям в технологической сфере, с которыми, *возможно*, придется столкнуться (с. xxiv). Вероятность остается главным ограничением и слабым местом подобного рода исследований. Тем не менее можно только приветствовать появление теоретических работ, авторы которых, используя потенциал разных дисциплин и направлений мысли, ищут ответы на острые политические вопросы современности.

A.Yu. Dolgov*
Brave new digital world: politics
in the age of Big data and artificial intelligence
(Review)

For citation: Dolgov A.Yu. Brave new digital world: politics in the age of Big data and artificial intelligence (Review). *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 274–283. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.11>

References

- Foucault M. *Words and things. An archaeology of the human sciences*. Moscow: Progress, 1977, 407 p. (In Russ.)
- Risse M. *Political theory of the digital age: where artificial intelligence might take us*. Cambridge: Cambridge university press, 2023, xxvi, 304 p.
- Schulz M.S. Debating futures: global trends, alternative visions and public discourse. *International sociology*. 2016, Vol. 31, N 1, P. 3–20.
- Zuboff Sh. *The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. Moscow: Gaidar institute publishing house, 2022, 784 p. (In Russ.)
- Rawls J. *Theory of justice*. 2 nd ed. Moscow: LKI publishing house, 2010, 536 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А.Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. – М.: Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.
- Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ., науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 536 с.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977. – 407 с.

* **Dolgov Aleksandr**, INION (Moscow, Russia); HSE University (Moscow, Russia), e-mail: dolgovalexandr@yandex.ru

В.А. КОВАЛЁВ*

**ХЛЕБ ВМЕСТО ПИРОЖНЫХ.
АКТУАЛЬНЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
ИЗ ПРОШЛОГО ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
(РЕЦЕНЗИЯ)**

Рец. на кн.: Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы): сборник переводов / под ред. Д.В. Ефременко; ИНИОН РАН, Отд. социологии и социал. психологии, Отд. политической науки: пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: ИНИОН РАН, 2023.

Для цитирования: Ковалев В.А. Хлеб вместо пирожных. Актуальные рекомендации из прошлого политической науки (Рецензия) // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 284–297. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.12>

На фоне появления в России в течение трех последних десятилетий большого количества работ современных зарубежных авторов, перевод и издание классики социальной и политической науки продолжает оставаться актуальной задачей. В советский период отечественным специалистам было практически невозможно получить своевременно и из «первых рук» большую часть продукта западных экономистов, социологов, политологов и т.д. Причины идеологических запретов известны, и за семь советских деся-

* **Ковалёв Виктор Антонович**, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия), e-mail: vant_2000@mail.ru

тилетий в отечественном интеллектуальном поле накопилось немало информационных лагун, связанных с недостаточным знанием и пониманием того, как в мире развивалась, в частности, политическая наука.

Проблема переводов для России имеет особое значение. Здесь существуют великолепные переводческие школы и трудятся настоящие профессионалы своего дела (что доказывает перевод текстов для рецензируемого сборника В.Г. Николаевым), но обратной стороной этого и наследием «железного занавеса» является крайне слабое знание иностранных языков, особенно для работников старшего поколения, которым нужны трансляции и обзоры зарубежных источников. Но и для гораздо лучше подготовленных в языковом отношении специалистов молодого поколения, при наличии Интернета и огромных баз данных, проблема выбора «научных тем» стоит по-своему еще более остро, ведь возможности мозга даже интеллектуала весьма ограничены.

Почему же тогда, в условиях информационного гиперизобилия, мы должны тратить драгоценное время на знакомство с текстами, давность публикации которых приближается к вековой отметке? Почему мы должны читать «чикагцев», разработки которых неоднократно подвергались разносторонней и обоснованной критике и которые сегодня считаются давно «устаревшими»? Значительная часть ответа для отечественной аудитории будет очень простой: потому что в свое время не прочитали (точнее, не было такой возможности), потому что чикагская школа – это пропущенный урок, который при дальнейшем повторении был усвоен весьма поверхностно. Так, многие российские коллеги при использовании тех или иных методов сбора и обработки данных, при использовании ряда теоретических концептов и т.д. даже не подозревают, что «говорят прозой» и не знают, что пользуются усовершенствованными наработками и подходами «чикагцев». Часто, и не только в данном примере, такое незнание «корней» приводит к теоретико-методологическому «легкомыслию» и исследовательским ошибкам¹. Помимо этого, такие серьезные лагуны в знакомстве с реаль-

¹Что уж говорить о «практиках». Мне вспоминается забавный случай, когда при общении с одним провинциальным пиарщиком, в его рассуждениях о перспективе ведения местной избирательной кампании я с удивлением опознал черты двухступенчатой модели массовой коммуникации П. Лазарсфельда. Тот, разумеется, не принадлежал к чикагской школе, а наоборот критиковал упрощен-

ной историей развития социально-политической мысли, вместе с попытками ухватиться за последние «модные новинки», могут сыграть с исследователями, плохо знающими историю собственной дисциплины, неприятную шутку; ведь новое – это зачастую забытое старое. Не отвлекаясь на данный сюжет, заметим все же, что в конце XX в., когда Россия на некоторое время открылась миру, на слуху были многие имена западных авторов, которых скоропалительно возвели в ранг современных классиков и чьи идеи (не все, конечно) уже скоро не выдержали проверку временем. А вот теоретико-методологические и организационно-методические достижения основоположников «бихеовиоралистской революции» продолжают служить хорошей основой для значительной части политических исследований. Для многих политологов и социологов это, что называется, «хлеб насущный». Разумеется, это не значит, что нам не следует обращать внимания на достижения последующих этапов развития политической науки или игнорировать теоретическую «изысканность» некоторых последующих авторов. Но и старые парадигмы неправильно отбрасывать полностью, особенно с учетом состояния не только российской политической теории, но и, главное, наличных политических (или называемых политическими) практик. В этой связи заслуживают всяческого одобрения усилия ученых из Института научной информации по общественным наукам и руководителя проекта Д. Ефременко по расширению для российского политологического сообщества возможностей мультипарадигматического подхода, когда рассмотрение политических ситуаций через «фильтры» различных методологических направлений позволяет более глубоко и всесторонне анализировать политические проблемы.

Наряду с рецензируемым сборником здесь уместно вспомнить про сборник переводов авторов теории модернизации [Концепция модернизации, 2012]. Хотя эта теория уже давно была раскритикована вдоль и поперек и получила репутацию «устаревшей»¹, для нас многие положения теории модернизации

ную модель «волшебной пули». Но и про Г. Лассуэлла и др. многие господа «политтехнологи» никогда не слышали, хотя методы «подкожного впрыскивания» применяют в изобилии.

¹ Безусловно, мы не будем отрицать того, что теория модернизации во многих аспектах была весьма уязвима для критики. Сама необходимость такой критики сильно стимулировала развитие социально-политической теории, позволив многое понять

(не только в социально-экономическом, но и социально-политическом изводе) – это тот самый «хлеб», без которого многое другое представляется неуместным.

Еще одной важной причиной актуальности «Чикагской школы» является если не сходство, то очевидная параллель с 1920–1940-ми годами, когда «Чикаго-1» в политической науке переживала свой расцвет. Сегодня, конечно, не помогут прямые заимствования, но новизна в постановке вопросов и смелость мысли ученых чикагской школы в кризисной ситуации могут послужить примером, достойным подражания. Мы убеждены в том, что для политического ученого заниматься какой-то «спокойной ерундой», в то время как не решены актуальные и крайне опасные проблемы (а для исследователей «не решены» – значит «плохо исследованы»), то это является свидетельством не только идеологической «зашоренности» или морального конформизма, но и недостаточного профессионализма. Здесь гранды чикагской школы, которые были профессионалами высочайшего уровня не только для своего времени, показывают нам вдохновляющий пример.

Итак, в рассматриваемый сборник включены статьи и классические работы ведущих представителей чикагской школы политической мысли 1920–1940-х годов – Ч. Мерриам, Г. Лассуэлла, Г. Госнелла, Л. Уайта, чьи исследования оказали значительное влияние на дальнейшее развитие политологии. Большинство текстов переведены на русский язык впервые, несколько переводов публикуются в новой редакции.

Эти тексты продолжают оставаться интересными и сами по себе, но также в связи с ними возникает много интересных вопросов и «аллюзий». Открывают подборку, которую можно назвать «хрестоматией чикагской школы политологии», две работы, кото-

и переосмыслить по-новому. Но не стоит сбрасывать со счетов и то, что часто яростное неприятие теории модернизации или ее извода в виде «транзитологии» обусловлено не только и не столько научно-методологическими соображениями, сколько мировоззренческими особенностями сознания критиков. Говорить здесь только об «авторитарной личности» будет недостаточно, но, так или иначе мы видели и в прошлом и наблюдаем в настоящем активное неприятие ценностей Модерна под «пост-модернистским», «консервативным», «патриотическим» и др. *соусами*. Сила реакции и тяга к архаизации не только среди масс, но и в научном сообществе, были значительно недооценены, когда казалось, что гуманистические и либерально-демократические установки принимаются здесь «по умолчанию».

рые написал Ч.Э. Мерриам (1874–1953). Именно за ним закрепились слава основоположника и «мотора» данной научной школы в годы ее наибольших успехов. Успех этот во многом определялся новизной предложений, провозглашенных Чарльзом Мерриамом в его программной работе «Современное состояние изучения политики»¹. В тот период именно систематическая организация эмпирических исследований и сбор данных в области политики являлся актуальной задачей, значительный пласт новой информации требовал и новых способов обращения с ней, так что предложения Мерриاما по применению эмпирических методов для изучения политики выглядели тогда довольно новаторскими, хотя в «бихевиоралистском перевороте» и были элементы подражания другим, более развитым научным дисциплинам, прежде всего в области естествознания, но также в социологии или психологии.

Немаловажным здесь является вопрос, почему новаторская научная школа возникла именно в Чикаго и множество пионерных работ в области социологии, экономики и, в нашем случае, политической науке появилось именно здесь. Помимо собрания в одном месте множества талантливых исследователей, которые в своей работе взаимно стимулировали и обогащали идеями друг друга, сам город, где в конце XIX в. был открыт знаменитый университет, был самым настоящим «городом контрастов». Конечно, так можно сказать про многие города, но в Чикаго существующие противоречия были наиболее острыми и очевидными. Чикаго – это одно из «мест силы», влияющих на американскую национальную мифологию (наподобие Нью-Йорка, Сан-Франциско или Нового Орлеана), недаром же до сих пор про Чикаго снимают множество фильмов и сериалов, а в конце позапрошлого и начале прошлого столетия чикагская жизнь была ключом, но в связи с этой бурной жизнью и ряд социальных, расовых, национальных, классовых противоречий достигал огромной остроты, что называется, бросаюсь в глаза. Если использовать сравнение Макса Вебера, то Чикаго был похож на человека с прозрачной кожей, когда можно было лучше видеть, что находится внутри. Это определяло и повышен-

¹ Интересно сопоставить эту работу с огромным томом «Современных социологических теорий» П.А. Сорокина [Сорокин, 2020]. (Хотя со времени тех «современностей» прошло уже без малого столетие, работы классиков социологии и политической науки продолжают оставаться полезными и сегодня.)

ный интерес к социальным «язвам» со стороны общественности и исследователей, которым приходилось выходить «в поле», чтобы лучше понять и описать тот или иной конфликт. Бурная политическая жизнь в Чикаго, в которой тот же Ч. Мерриам принимал активное участие и как консультант, и как непосредственный участник, также стимулировал интерес к изучению политики и тому, что ее определяет.

Развитие чикагской школы (как в области социологии, так и политической науки) в значительной степени резонирует с так называемой эрой прогрессизма в США (1890–1920-е годы), для которой были характерны подъем социальных низов и среднего класса (с его новой важной ролью в системе социальной стратификации). Естественно, что такой интенсивный процесс вертикальной мобильности не мог не привести к значительным общественным изменениям. Они, в свою очередь, стимулировали интенсивные исследования в социально-экономической и политической сферах. Социология, политология и другие общественные науки продуктивно развиваются именно в прогрессирующем социуме. Напротив, если то или иное общество впадает в застой или, того хуже, архаизируется, то обществоведение в таких условиях представляет собой довольно жалкое зрелище. Конечно, любые социальные взаимодействия представляют собой интересный предмет для научного изучения, но мы бы рискнули предположить, что инволюционирующий или примитивизирующийся социальный объект более интересен социальному антропологу или историку (точнее, историческому социологу), нежели социологу или политическому ученому, в центре внимания которых находятся современные социальные проблемы, которые, конечно, тоже приводят к ряду кризисов. Но кризисы роста имеют иную природу, нежели кризисы дряхления и (само)деградации.

Мерриамовский доклад «Урбанизм» (1939) как раз и посвящен противоречиям прогресса и противоречиям в новой городской жизни в эпоху социальных и технических изменений, когда новые возможности для людей имеют своей оборотной стороной возросшие опасности энергичного городского существования. Но в связи с этим текстом удивление у наших читателей может вызвать повод, по которому этот доклад был произнесен, – десятилетний юбилей открытия корпуса социально-гуманитарных наук, который построили к 1929 г., для чего сам Мерриам приложил немало усилий. Осно-

ватель политологической школы был не только крупным ученым, политическим активистом, но и великолепным организатором и «добытчиком» средств для своих коллег и своих собственных проектов, используя, как и весь Чикагский университет, щедрость рокфеллеровского фонда. Это (как и сам принцип и способы распределения грантов) вызывало, конечно, противоречивую реакцию, но приносило полезные результаты. И это тоже важная составляющая, точнее, финансовый базис расцвета Чикагской школы (относящейся уже не только к Мерриаму с его учениками). Рокфеллеры, как и другие миллиардеры той эпохи, разбогатевшие на использовании новых технологических возможностей, были далеки от образцов моральной добродетели и часто для приумножения своего состояния прибегали к динамиту и пулеметам, жестоко подавляя своих конкурентов и работников. Совсем не зря эти бизнесмены получили тогда прозвище «баронов-разбойников». Тем не менее, накопив огромные средства, часть из них они направили на развитие культуры, науки и образования в своей стране. Этим они принципиально отличались от нуворишей в некоторых других странах, которые, помимо воровства, грабежей и коррупции были заняты вывозом своих капиталов подальше от родины. А вот фонды Рокфеллера, Карнеги, Форда до сих пор работают, направляя значительные средства на научные исследования в различных областях. Рассматриваемой нами чикагской школе тоже повезло с финансированием, без денег Рокфеллера ее успехи были бы значительно скромнее.

После Ч. Мерриама самым «вкусным» в сборнике являются, конечно, работы, автором которых является Гарольд Д. Лассуэлл (1902–1978). В итоге составители решили перевести и опубликовать его книгу «Политика: Кто достигает чего, когда и как?»

Сейчас, в период стремительного повышения формальных требований к научным публикациям (часто в ущерб их содержанию или вообще вместо него!) текст Г. Лассуэлла кажется очень нестрогим и даже несколько сумбурным. Но в книге обсуждаются вопросы, чрезвычайно важные для политического анализа. Нет смысла пересказывать содержание опубликованных работ, однако в случае Лассуэлла название его текста говорит само за себя. Ученый вообще любил представить проблему, разбивая ее на несколько важных вопросов (здесь для сравнения вспоминается, конечно, его пятивопросная модель коммуникации, когда наиболее подхо-

дящий способ описания коммуникативного акта состоит в том, чтобы ответить на следующие вопросы: Кто? Что сообщает? По какому каналу? Кому? С каким результатом?).

Ученый, таким образом, должен уметь правильно спрашивать, иначе возникает ситуация как будто из песни В. Высоцкого: «А мы все ищем правильный ответ, и не находим нужного вопроса». Именно так и часто в отечественной литературе, посвященной социально-политическим проблемам, самих этих проблем как раз и нет. Большое распространение получила «политология без политики», когда авторы пишут нечто наукообразное, игнорируя реальные проблемы, отвлекаясь как раз от тех вопросов, которые выносил в название своей работы Г. Лассуэлл. То есть устаревшая и очень «простая» четырехвопросная лассуэловская модель (кто достигает чего, когда и как?) в наших условиях выглядит труднодостижимой, без возможности и желания ее реализовать. Но без ответа на «насущенные» вопросы, которые американский ученый сформулировал еще в прошлом веке, получаются «исследования ни о чем». К сожалению, нередко не только в студенческих работах, но и диссертациях, статьях или книгах авторы «не знают, о чем пишут» и демонстрируют непонимание проблем политики на уровне ее фундамента или «нулевого» этажа.

Гарольд Лассуэлл до сих пор остается одним из самых больших авторитетов в политической науке, а его статья «Гарнизонное государство», перевод которой тоже публикуется в сборнике, является, наверно, самой известной и дискуссионной работой знаменитого политолога. Текст из далекого 1937 г. зажил уже своей жизнью, и при несомненной узнаваемости черт «гарнизонного государства» многие критики (в частности, Р. Арон) не находят полного воплощения «гарнизонного государства» в реальности. Однако, как говорится, еще не вечер: вполне может оказаться, что «гарнизонная» модель найдет свое более полное воплощение в той или иной стране, когда «специалисты по насилию» будут творить произвол еще в более полных масштабах, чем описывал американский исследователь. Отметим также, что во вступительной статье к сборнику, написанной Д.В. Ефременко, содержится остроумное замечание о том, что «Гарнизонное государство» Лассуэлла образует как бы единый текст с другой знаменитой работой политолога о технике военной пропаганды. Эта книга также была переведена и издана в ИНИОНе [Лассуэлл, 2022].

Наблюдение очень меткое, но неполное. Несомненно, к «Гарнизонному государству» и «Технике пропаганды» следует обязательно добавить «Психопатологию и политику» того же автора. Возможно, содержащиеся там психоаналитические экскурсы и выглядят устаревшими, но, на наш взгляд, политические ученые, эксперты и комментаторы слишком часто и слишком сильно увлекаются рационализацией действий политиков, пытаются найти нормальную логику в «логике» безумия. Но всегда ли нужно это делать? Почему не реализовался очередной «план» того или иного политика? Потому что последний – психопат! И «Психопатология и политика» (ранее уже издана на русском языке) помогает не забывать об этом [Лассуэлл, 2005].

И еще о «Гарнизонном государстве». Конечно, Г. Лассуэлл отдает себе отчет в том, что раньше представителями власти были «солдаты», т.е. в широком смысле «специалисты по насилию» (недаром же до сих пор монархи любят щеголять в военной форме). Эти «солдаты» стали ограничиваться во власти только с развитием современных буржуазных государств, благодаря прогрессу науки и техники «вояки» отошли на второй план, и гораздо больше властных ресурсов сосредоточилось в руках специалистов по «торгу». Но это касается только развитых и цивилизованных стран. На периферии же цивилизации вожди и бандиты могли иметь власть, заимствуя для этого какую-то часть достижений прогресса, но в таких обществах и государствах сам научно-технический прогресс в широком масштабе был невозможен, хотя самые дикие автократии, во главе которых порой стояли и стоят натуральные маньяки и каннибалы, могли существовать довольно долго (по меркам продолжительности человеческой жизни). Однако настоящий кошмар материализация «гарнизонного государства» приобретает, когда диктатура получает в свои руки всю мощь современного научно-технического развития (наиболее яркий пример – это Третий рейх). И сегодня, в эпоху развития фантастических информационных технологий, нейросетей и прочего возникает угроза распространения высокотехнологичных «цифровых термитников» не только в региональном, но и в глобальном масштабе. Сам Лассуэлл, правда, в конце 1930-х годов больше писал о фармакологических средствах и инструментах пропагандистского промывания мозгов, но с тех пор арсенал, который могут использовать тоталитарные или авторитарные «гарнизонные государства», существенно

пополнился. Здесь опять вспоминается вопрос о распределении усилий политических исследований – сам автор «Гарнизонного государства», кстати, пишет о «перераспределении рабочего времени» политологов, которые, в силу угрозы распространения «гарнизонности», должны больше сосредоточиться на изучении существующих здесь опасностей, конечно, если они хотят сохранения либерально-демократических порядков, да и просто защиты возможностей своей работы и жизни. Это не только вопрос «технологий» – информационных, политических и др. – это проблема национальной и глобальной безопасности.

В сборнике также помещены интереснейшие работы, авторами которых являются Г.Ф. Госнелл (1896–1997) – «Политическая партия versus политическая машина» и Л.Д. Уайт (1891–1958) – «Политика и гражданская служба». Они посвящены взаимодействию политических партий и политических машин (Госнелл) и животрепещущим вопросам государственного управления (Уайт). В чем заключена особая актуальность данной тематики для отечественного читателя?

Так получилось, что в постперестроечный период с «политологией» в России научные, академические и стремящиеся к получению объективных данных исследования были связаны в сравнительно небольшой степени. Зато махровым цветом расцвели всяческие «политтехнологии», когда победа на выборах и «утопление» политических противников затмевали собой все остальное. В корпусе публикаций по-прежнему огромное место занимают работы по государственному и муниципальному управлению, где чисто юридические моменты доминируют безраздельно, без соотнесения, скажем, «буквы закона» с состоянием реальных политических и других практик.

Но, безусловно, политтехнологии, как выборные, так и управленческие, это очень важная тема для политических исследований, и здесь представители чикагской школы подают хороший пример. Тем более что они, начиная с Мерриама, были не кабинетными теоретиками, но прекрасно разбирались в реальной политической игре, будучи ее участниками или вовлеченными консультантами. Но исследователям из Чикаго удавалось «разводить» в своей работе теорию и практику, изучение политики и стремление к политическому успеху, а также ценности и факты.

Гарольд Ф. Госнелл затрагивает в своей статье непростую проблему: «Когда в политической организации преобладает элемент добычи, она называется политической машиной» (с. 299). Этот термин имеет немало негативных коннотаций. Наиболее известным примером, наверно, служит пресловутый Таманни-холл, который в начале прошлого века был своеобразным символом «политической машины», когда важные вопросы решались в узком кругу «избранных», а манипулятивные «политические технологии» довлели над демократическими практиками¹. Эти проблемы Г. Госнелл и разбирает в своей работе, анализируя участие церкви, газет, общественных объединений и партий. Но стремление только к «добыче» (мечта большинства «пиар»-контор!) разрушает национальную политику, тогда как демократия требует национальной консолидации вокруг значимых ценностей. Автор как раз и пишет о задачах политических партий по такого рода консолидации, особенно в стране с пестрым этническим составом населения, большим количеством эмигрантов, классовыми противоречиями и т.д. Циничные участники «политических машин» будут безжалостно обострять эти противоречия, и если их не ограничивать, то это приведет к разрушению доверия, и, как мы понимаем, к установлению диктатуры с декорацией из демократических процедур. Демократия же, наоборот, требует укрепления доверия, через развитие коммуникации между группами с объективно различными интересами. Можно сказать, что в этом и заключается одно из важных свойств государственного управления. Заметим, что социологи, социальные психологи и социальные работники, специалисты по связям с общественностью и публичной политике и т.д., которых в большом количестве выпускают наши университеты, должны получить свой широкий «фронт работ». Задача кадров именно с такой квалификацией – «наводить мосты», не доводить существующие противоречия до опасного антагонизма и т.п. В противном случае поддерживать подобие порядка в социуме

¹ «Общество Таммани – политическая ассоциация в Нью-Йорке, возникшая в конце XVIII в. и базировавшаяся в Нижнем Манхэттене в здании, получившем название “Таммани-холл”. В начале XX в. общество практически полностью определяло политику и подбор кандидатов от Демократической партии, а его название стало символом непрозрачных решений, коррупции и организованной преступности. Влияние Таммани резко пошло на спад в 1932 году после конфликта с президентом Рузвельтом» [Юдин, 2020, с. 101].

придется перехлестывающим через край бюрократическим администрированием и возникнет распространенная мечта о необходимости «железной руки» и призыве «специалистов по насилию», что не сулит ничего хорошего ни для граждан, ни для общества в целом, ни для перспектив государственного развития.

Название другой госнелловской работы «Статистики и политические ученые» говорит само за себя: статистический анализ – неперменная особенность работ по эмпирической политологии и это во многом тоже заслуга чикагской школы. Имя Госнелла менее известно, чем Мерриам или Лассуэлла, поэтому следует также обратить особое внимание на его статью «Символы национальной солидарности». Госнелл писал эту статью на патриотической волне, после вступления Америки во Вторую мировую войну, и анализировал социально-политические опасности для страны и нации, которые несут с собой военные тяготы. Опять-таки актуальность такой работы сейчас для РФ не вызывает сомнений, что лишний раз показывает потенциал чикагской школы, который можно использовать в отечественных исследованиях, но разбор этих вопросов – тема отдельного разговора.

Работа Леонарда Д. Уайта «Политика и гражданская служба» во многом рассматривает последствия закона Пендлтона (1880-е годы), который поставил пределы принципу «добыча принадлежит победителям», упорядочивая конкурсный прием на госслужбу и отбор чиновников по принципу заслуг и квалификации, а не в награду за услуги на выборах и проч. То есть здесь, как и в предыдущей работе, вопрос стоит не только о получении власти и должностей, но и об использовании их на благо общества и страны. Среди актуальных проблем Уайт рассматривает также вопрос о развитии демократических принципов государственной службы не только на федеральном уровне, но и на уровне штата и муниципалитетов, что является особенно важным вопросом для стран, где практикуется реальный федерализм.

В заключение еще раз подчеркнем актуальность выпущенного сборника переводов. Конечно, «критиковать» давно умерших авторов текстов, которые были написаны много десятилетий назад, не имеет смысла. О чикагской школе на русском языке написано текстов едва ли не больше по объему, чем опубликовано текстов самих рассматриваемых авторов. Но, как нам представляется, любой читатель, который интересуется политической

проблематикой, и тем более занимающийся политическими исследованиями, не пожалеет о времени, потраченном на сборник «Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы)».

Стоит высоко оценить усилия составителя сборника Д.В. Ефременко и переводчика В.Г. Николаева и всех тех, кто готовил к выпуску эту полезную книгу.

V.A. Kovalev*
**Bread instead of cake. Current recommendations
from the past of political science (Review)**

For citation: Kovalev V.A. Bread instead of cake. Current recommendations from the past of political science (Review). *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 284–297. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.12>

References

- Lasswell H.D. *Psychopathology and politics*. Moscow: RAGS, 2005, 352 p.
- Lasswell H.D. *Propaganda technique in the World War*. Moscow: INION RAN, 2022, 236 p. (In Russ.)
- Sorokin P.A. *Contemporary sociological theories through the first quarter of the twentieth century*. Syktyvkar: Anbur LLC, 2020, 912 p. (In Russ.)
- The concept of modernization in foreign socio-political theory, 1950–1960: Collection of translations*. Moscow: INION RAN, 2012, 212 p. (In Russ.)
- Yudin G.B. *Public opinion, or the power of numbers*. Saint Petersburg: European University in St. Petersburg, 2020, 174 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг.: сб. переводов / ИНИОН РАН. Сост. и пер. Николаев В.Г. Отв. ред. Д.В. Ефременко, Е.Ю. Мелешкина. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 212 с.
- Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика: монография / пер. с англ. Т.Н. Самсоновой, Н.В. Коротковой. – М.: Издательство РАГС, 2005. – 352 с.
- Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. / РАН. ИНИОН. Отд. политической науки, Отд. социологии и социальной психологии;

* **Kovalev Viktor**, Syktyvkar state university named P. Sorokin (Syktyvkar, Russia), e-mail: vant_2000@mail.ru

сост. и переводчик В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко; вступ. статья Д.В. Ефременко, И.К. Богомолова. – Издание второе, дополненное. – М.: ИНИОН РАН, 2022. – 236 с.

Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / пер. и сост. А.П. Конюхова и В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2020. – 912 с.

Юдин Г.Б. Общественное мнение, или Власть цифр / Григорий Юдин. – СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб., 2020. – 174 с.

А.В. БУТАКОВА*

**ВНОВЬ ОРВЕЛЛИАНСКИЙ ЯЗЫК,
ИЛИ ЕВРОСКЕПТИЧНЫЙ «ПРОЕКТ СТРАХ»
(РЕЦЕНЗИЯ)**

Рец. на кн.: Chilton P. Brexitspeak: Demagoguery and the decline of democracy. – Cambridge University Press, 2024. – (forthcoming)

Для цитирования: Бутакова А.В. Вновь орвеллианский язык, или Евро-скептический «проект страх» (Рецензия) // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 298–307. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.13>

Поль Чилтон, британский лингвист и почетный профессор Ланкастерского университета, – специалист широкого профиля, научные интересы которого охватывают различные области социальных и гуманитарных наук. В начале исследовательского пути он сфокусировался на французской литературе эпохи Возрождения: изучал ее историю в Оксфорде, выпустил монографию о поэте Жане де ла Сеппиде (1977) и перевел «Гептамерон» Маргариты Наваррской (1984) на английский язык. С конца 1970-х годов Чилтон направил свою активность в русло критической лингвистики, был близок к школе системной функциональной лингвистики. Он внес значительный вклад в разработку проблематики орвеллианского (*orwellian*) языка и выступил создателем концепции

* **Бутакова Анастасия Владимировна**, магистрант Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: avbutakova@edu.hse.ru

нюкспика (*nukespeak*) – языка ядерного истеблишмента, посредством которого обосновывалось возможное применение ядерного оружия в период холодной войны [Chilton, 1988]. Отражению милитаристских тенденций в языке, в том числе нюкспику, посвящена большая часть его публикаций за этот период. Среди них следует выделить, во-первых, коллективную монографию, в которой художественная реальность, созданная Оруэллом в «1984», приложена к политической действительности [Chilton, Aubrey, 1983]. Во-вторых, отдельного внимания заслуживает подробное исследование о «ядерном языке» середины 1980-х годов [Chilton, 1985].

С 1990-х годов Чилтон активно занимается изучением политического дискурса и метафоры, раскрывает роль языка в политических процессах. Он продолжает исследовать тему милитаризации языка и выпускает монографию о метафорах безопасности в странах Запада в период холодной войны [Chilton, 1996]. Она обрела статус авторитетного исследования о дискурсе безопасности времен существования биполярной системы. Кроме того, британский лингвист обращается и к теоретическим аспектам политического дискурса, и к его анализу на практике, – посвященная этому книга получила широкое признание коллег [Chilton, 2004]. Он опубликовал ряд статей о тенденциях развития критического дискурс-анализа и выступил в числе авторов и редакторов нескольких сборников, которые раскрывают многообразие подходов к проведению дискурс-анализа в целом [Wodak, Chilton, 2005], а также непосредственно в сфере политического [Chilton, Schäffner, 2002]. В разные периоды времени его интересуют также посткоммунистические переходные государства Европы [Chilton, Pyin, 1993; Chilton, Mey, Pyin, 1993], феномен популизма с позиций нейрокогнитивной лингвистики [Chilton, 2017 a; 2017 b], а также политические манипуляции в современных демократических обществах.

Поль Чилтон завершил работу над своей новой книгой *Brexitpeak: Demagoguery and the Decline of Democracy*, которая планируется к публикации в издательстве Cambridge University Press [Chilton, 2023]. Это исследование носит междисциплинарный характер, оно посвящено одному из крупнейших шоков, которые Великобритания испытала за последнее десятилетие – Брекзиту. Автор обращается к политическому дискурсу сторонников выхода из Европейского союза и изучает использование политиками демагогического (*demagogic*) языка с позиции лингвиста, не упуская из

виду исторический и политический контекст. Кроме того, привлекаются наработки в области нейробиологии и психологии. Таким образом, отталкиваясь от неразрывной связи между использованием языка и политической практикой, Чилтон изучает, как популисты-брекзитеры с помощью различных выразительных средств смогли убедить электорат в необходимости прекращения евроинтеграции и мобилизовать население вокруг этой идеи. Книга состоит из семи глав. Введение и заключение на момент написания настоящей рецензии присутствуют в неокончателном варианте, что тем не менее не мешает выступить с обзором основного содержания исследования.

Решение о выходе Великобритании из ЕС было принято в 2016 г. по результатам референдума, выигранного его сторонниками с небольшим перевесом. Сам процесс «развода» завершился де-юре 31 января 2020 г., но его далеко идущие последствия продолжают оказывать влияние как на Соединенное Королевство, так и ЕС и мировое сообщество в целом. В академической сфере продолжают дискуссии о Брекзите – в частности, о причинах, стимулах, факторах, побудивших британцев проголосовать соответствующим образом. К ним присоединяется и Поль Чилтон, выдвигая следующий тезис: Брекзит есть порождение кризиса идентичности Великобритании в меняющемся мире, который взяли на вооружение национал-популисты и убедили большую часть избирателей в необходимости прекратить евроинтеграцию, используя различные языковые средства, характерные для политической демагогии. Это касается не только соответствующей кампании перед референдумом 2016 г., но и дальнейшего развития процесса выхода из ЕС и риторики правительства Бориса Джонсона.

«Язык Брекзита», или брекзитспик (*Brexit speak*) – это, в сущности, современная вариация новояза (*newspeak*) с характерной лексикой и двоемыслием (*doublethink*), побуждающая к определенному политическому мышлению и образу действий. Важная его черта – злоупотребление средствами политической коммуникации. В этом Чилтон видит серьезную мобилизующую силу, мощь которой многократно увеличилась с появлением технологий, отсутствовавших во времена Дж. Оруэлла и публикации его романа «1984». Чтобы исследовать брекзитспик, автор опирается на релятивистский подход, противопоставляя его эмпирицизму и формальной логике математических языковых моделей. Используется

теория речевых актов, среди которых особую роль в контексте Брексита играют обещания политиков. Работая с текстами, Чилтон занимается поиском пресуппозиций и имплицатур, фреймов, метафор и эмоциональных реакций (*feelings*) в политическом дискурсе акторов-брекзитеров. Диапазон материалов для анализа широк: это как публичные выступления политиков, публикации в ключевых национальных СМИ Великобритании, так и изображения, видеоролики, использованные для политической агитации. Это позволяет говорить о мультимодальном подходе автора.

Первая глава книги под названием «Идентичность» дает общую характеристику «языку Брексита» и раскрывает его базис – идеологию идентитаризма, к которой восходит и риторика иных национал-популистских движений Европы. В нем резко противопоставлены уникальные, особенные «мы» и чужие «они». Причем последние в британском контексте оказались двуликими: это, во-первых, вторгающиеся в «наше» жизненное пространство мигранты, и, во-вторых, деспотичный ЕС как чуждая логике «нашего» исторического развития структура. Между этими ликами брекзитспик сформировал прочную смысловую связку: мигранты стали угрозой для Великобритании из-за Евросоюза – следовательно, единственное решение проблемы состоит в отделении. Сама по себе негативная риторика в адрес мигрантов не была чем-то принципиально новым, долгое время существуя в качестве «скрытой тенденции» британского общества. Чилтон подчеркивает, что закрепление ассоциации нежелательной миграции с ЕС в массовом сознании – это «не полностью спонтанная [реакция общества], а сознательный компонент стратегии брекзитеров и следствие брекзитерской пропаганды, которую многие люди сочли убедительной» [гл. I, с. 13]. Это свидетельствует в пользу увеличения внимания политической науки к исследованию языка, способного сыграть важную роль в активации политических процессов и мобилизации электората.

Во второй главе автор обращается к ключевому для популистов концепту – «мы». Для «языка Брексита» он имеет важное значение, ведь выход из ЕС тесно связан с восприятием британцами себя и начертанием границ с «другим». На практике «мы» носит в нем преимущественно эксклюзивный (*exclusive*) характер: прослеживается четкая линия на противопоставление Великобритании и британцев *чужому*, у которого все неправильно. В этом качестве в

зависимости от контекста выступали неанглоговорящее население страны, континентальная Европа или же британская политическая элита. В любом случае националистское «мы» формирует чувство солидарности, выступает механизмом сплочения населения. Согласно Чилтону, оно получило широкое распространение «благодаря его агрессивному использованию Партией независимости Соединенного Королевства (*UK Independence Party, сокр. UKIP*) и радикальными фракциями внутри Консервативной партии» [гл. II, с. 16]. Это наблюдение показывает Брекзит как любопытный случай нормализации жесткой и радикальной риторики, изначально исходящей от довольно компактного круга лиц – и здесь, несомненно, открывается широкий простор для дальнейших исследований.

Ключевым маркером национальной идентичности и способом обозначения «нас» в брекзитспике выступило слово «народ» (*the people*), в целом очень характерное для популистского дискурса разных государств. В третьей главе своей книги Чилтон раскрывает нюансы его употребления в риторике брекзитеров. Прежде всего, это активная апелляция к «суверенитету народа» (*the sovereign people, sovereignty of the people и др.*), противопоставленного суверенитету парламента, который позиционировался как состоящий из оторванных от жизни элит. Часто популисты-евроскептики говорили о «народе» как об «обычных людях» (*ordinary people*). Это одобрительная характеристика: быть «обычным» (*ordinary, plain, regular*) – значит быть порядочным (*decent*), достойным британцем, следовать неким истинно «британским» ценностям и нормам. На элиты и истеблишмент «язык Брекзита» это не распространяет – это уже не «настоящие» (*real*) люди. Таким образом сформировалась антонимичная концептуальная пара «обычные люди – элита», актуальная и за пределами контекста Брекзита.

Следующая глава книги переходит от абстрактного «народа» в риторике популистов-брекзитеров к конкретно «британскому народу» (*the British people*). «Британскость» в их представлении зиждется на англосаксонском национальном мифе и подкрепляется отголосками имперского наследия, а мультикультуралистичный ЕС и исламский мир выступают антагонистами. При этом проголосовавшие на референдуме за близость с континентальной Европой, т.е. около половины электората, оказались, вместе с элитами, вне концептуальных рамок «британского народа». На этот счет Чилтон дает весьма ценные пояснения о логике брекзитеров и популистов

в целом, уверенных, что им известны «истинные» предпочтения избирателя: «Если вы не придерживаетесь предполагаемой [народной] “воли”, то вы не являетесь частью “народа”... “настоящий народ” не может быть расколотым, ведь воображаемый народ целиком и полностью существует вне реалий выборов и голосов» [гл. IV, с. 9]. А раз большинство проголосовало за разрыв с ЕС, это не что иное, как «народный мандат», легитимирующий соответствующий политический курс даже в случае несогласия парламента.

Далее фокус исследования смещается к эксплуатации образа «другого» и культивации страха перед ним. Пятая глава показывает, что враждебное отношение к мигрантам и страх перед ними глубоко проникли в британское общество и уже давно укоренены в массовом сознании и политическом дискурсе. Ключевым звеном популяризации и нормализации этих идей выступил консервативный депутат Энох Пауэлл, известный своей крайне радикальной антииммигрантской риторикой. Этот политик стал знаковой фигурой для националистически настроенных британцев в 1980-е годы, как элит, так и обычных людей, и сохраняет свою популярность по сей день в среде брекзитеров-популистов. С ними Пауэлла роднят и резкое неприятие иммигрантов, и тезис об утрате Великобританией суверенитета из-за членства в ЕС, а также, что еще более важно, арсенал используемых дискурсивных практик, позволяющих максимизировать эффект слов на адресата. Пауэлл, согласно Чилтону, «действует как опосредованный источник харизматического вдохновения» для правых консерваторов и, в сущности, он заложил основы дискурса брекзитеров [гл. V, с. 24]. Хотя он и не проводил прямую связь между иммиграцией и евроинтеграцией, однако это успешно сделала Партия независимости Соединенного Королевства, в идеологии которой была отчетливо заметна эта преемственность.

В шестой главе книги изучаются усилия Партии независимости Соединенного Королевства по мобилизации и сплочению британского населения через страх перед «другим», т.е. перед мигрантами – в ходе кампании *Vote Leave* и за ее пределами. Секрет успеха пропаганды в пользу Брексита, как отмечает автор, заключался в использовании сильно заряженных на эмоции тем, связанных с безопасностью индивида. Речь идет о мигрантах и здравоохранении: агитационная кампания во многом строилась на тезисе о том, что массовый приток иностранцев, существующий по вине ЕС, создает серьезную нагрузку на национальную систему здраво-

охранения. «Экономические факторы не имели значения; Брекзит был политическим и психологическим процессом» – так лаконично Чилтон описывает сложившуюся ситуацию [гл. VI, с. 6–7]. Это лишь раз подтверждает важность понимания психологии избирателя в проведении любых кампаний – какими рациональными ни были бы аргументы, это может оказаться совершенно неважным, когда в дело вступают эмоции, как это произошло в данном контексте.

В заключительной главе книги мы вплотную подходим к вопросу о том, *как именно* популистам-брекзитерам с помощью своего орвеллианского языка удалось укоренить евроскептические настроения среди населения и обеспечить победу на референдуме. Некоторые из его характерных приемов были частично раскрыты ранее; здесь же Чилтон собирает их арсенал воедино и демонстрирует их действие на примере анализа агитационных материалов. Нарботки в области нейробиологии подтверждают, что в ответ на «заряженные» угрозы слова (*threat-valence words*) в человеческом мозге активируются центры, отвечающие за страх. Так что соответствующая лексика действительно способна была пробудить в британцах чувство боязни иммигрантов. Однако Чилтон справедливо напоминает о том, что входящее сообщение проходит обработку адресатом, которую определяют его личность, интересы, сопутствующие социально-экономические обстоятельства. Поэтому дело не только в выборе «правильных» слов-триггеров: брекзитспик, указывает он, «использует разнообразные языковые средства... чтобы вызвать бессознательные когнитивные и аффективные реакции у индивидов», которые склонят их к определенным интерпретациям и выводам [гл. VII, с. 22]. На основе анализа дискурса автор устанавливает, что с этой целью активной эксплуатации подвергаются естественные для любого языка компоненты текста. Во-первых, это пресуппозиции, которые в принципе придают ему смысл (предполагается, что то, о чем в нем говорится, действительно имеет место быть), и, во-вторых, имплицатуры – неявно выраженная информация, которую адресат высказывания считывает сам. К примеру, один из самых известных лозунгов брекзитеров – *take back control* – оказывает мощное эмоциональное воздействие главным образом при помощи предположения о том, что когда-то британцы обладали контролем над ситуацией в стране, но из-за ЕС его утратили.

При этом брекзитспик изобилует формулировками, снимающими ответственность за свои слова с автора высказывания – возникающие претензии к содержанию достаточно легко парировать, а обозначенные тезисы весьма затруднительно подтвердить или опровергнуть. Для этого, прежде всего, популисты-брекзитеры оставляют существенное количество «пробелов», заполнить которые предлагается адресату путем подстановки актуального контекста и своих фоновых знаний и предпочтений. Еще одним инструментом стал «собачий свисток» (*dog-whistling*) – составление сообщения так, чтобы его считала только конкретная целевая группа населения. За счет этого осторожные, извилисто сформулированные тезисы, не являющиеся по своей сути обещаниями, британцы интерпретировали как таковые. Популистские лидеры обещали избавить избирателя от угроз, конструированием и нагнетанием которых сами же занимались, не пренебрегая, как заключает Чилтон, введением в заблуждение. Таким образом, любые рациональные аргументы оказались бессильны перед намеренно культивированным человеческим страхом.

Завершая свое исследование, Поль Чилтон приходит к выводу, что именно демагогический брекзитспик стал ключевым звеном, сделавшим возможным Брекзит, и этот аспект выделяет британский случай на фоне популистских тенденций в других европейских демократиях. «Каким-то образом “нас” уговорили выйти из ЕС... около половины британского электората были убеждены демагогией сторонников выхода – и продолжали быть убежденными в этом в течение нескольких лет после референдума и окончательного соглашения о выходе», – пишет он в заключении [с. 2]. Таким образом, научный труд «Brexitpeak: Demagoguery and the Decline of Democracy», сбалансированно сочетая в себе лингвистический инструментарий и политическую науку, раскрывает силу влияния языка на политические процессы, показывает, как риторика акторов способна направлять и активировать их. Преимуществом выступает погруженность автора в контекст изучаемых процессов: это позволяет уловить, проследить и указать то, что может быть не столь очевидно для иностранных коллег. К достоинствам исследования следует также отнести, во-первых, глубину анализа. Чилтон далеко уходит за рамки подготовки референдума о членстве Великобритании в ЕС, обращаясь к истокам направляющих риторику брекзитеров, их идей и тенденций и показывая всю их эволюцию и

преемственность. Во-вторых, следует отметить разнообразие использованного эмпирического материала, который включает в себя как высказывания разного типа акторов (политики, аффилированные с политическими силами новостные издания), так и разные модусы высказываний. «Язык Брекзита» представлен во всем своем многообразии. Эта евроскептическая агитация использовала как письменные и устные сообщения, так и статичные изображения, видеоролики, специфика которых также была обращена в сторону максимизации силы убеждения.

Вместе с тем необходимо указать на наличие в рецензируемой работе некоторых проблем с общей структурированностью текста: это периодическая потеря общей линии в глубоких исторических экскурсах и развернутых примерах, логические повторы и нечеткость формируемой связи между разными компонентами риторики брекзитеров и их соотношения между собой. Кроме того, в работе несколько теряется концепция демагогии и демагогического языка, к которой обращается автор. Следует, однако, напомнить, что на момент написания рецензии книга существует не в окончательном варианте.

Рассмотренная книга о «языке Брекзита» будет интересна широкому кругу исследователей. Она позволит расширить свой аналитический инструментарий и ознакомиться с методологией из области лингвистики, применимой для анализа политических явлений и процессов. В первую очередь следует порекомендовать ее тем, кто интересуется политическим дискурсом, в том числе мультимодальным. Следует присмотреться к исследованию Чилтона и коллегам, погруженным в тематику популизма. Британский случай здесь достаточно успешно вписан в общий европейский контекст и вместе с тем подробно охарактеризован с точки зрения своей специфики. Кроме того, «Язык Брекзита...» опирается на концепцию демагогии как определенного способа использования языка в политическом контексте – в ней видится потенциал концептуальной рамки, полезной в изучении феномена популизма. На это указывает и сам Чилтон. Исследователям-британистам также не следует игнорировать новую работу о серьезном кризисе для Соединенного Королевства, который продолжает вызывать научный интерес и после своего окончания. Брекзит – это серьезный и, даже можно сказать, горький урок и для Великобритании, и для всех иных демократических государств. Язык обладает серьезным потенциалом, который может сделать маловероятные, гипотетиче-

ские сценарии развития событий реальностью – об этом никогда не следует забывать. И орвеллианский брекзитспик – лучшее тому напоминание.

A.V. Butakova*

The Orwellian language again, or Eurosceptic “project fear” (Review)

For citation: Butakova A.V. The Orwellian language again, or Eurosceptic “project fear” (Review). *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 298–307. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.13>

References

- Chilton P. *Analysing political discourse: Theory and practice*. London: Routledge, 2004, 226 p.
- Chilton P. *Brexitspeak: Demagoguery and the decline of democracy*. Cambridge University Press, 2023. (forthcoming)
- Chilton P. (ed.). *Language and the nuclear arms debate: Nukespeak today*. Dover, NH: Pinter, 1985, 244 p.
- Chilton P. *Orwellian language and the media*. London: Pluto Press, 1988, 127 p.
- Chilton P. *Security metaphors: Cold war discourse from containment to common house*. New York: Peter Lang, 1996, II, 468 p.
- Chilton P. “The people” in populist discourse: Using neuro-cognitive linguistics to understand political meanings. *Journal of language and politics*. 2017 a, Vol. 16, N 4, P. 582–594.
- Chilton P. Toward a neuro-cognitive model of socio-political discourse, and an application to the populist discourse of Donald Trump. *Langage & Société*. 2017 b, Vol. 2–3, N 160–161, P. 237–249.
- Chilton P., Aubrey C. (eds). *Nineteen Eighty-four in 1984: Autonomy, control, and communication*. London: Comedia, 1983, XVII, 120 p.
- Chilton P., Ilyin M.V. Metaphor in political discourse: the case of the 'common European house'. *Discourse & Society*. 1993, Vol. 4, N 1, P. 7–31.
- Chilton P., Mey J.L., Ilyin M.V. (eds). *Political discourse in transition in Europe 1989–1991*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1993, IV, 272 p.
- Chilton P., Schäffner C. (eds). *Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2002, IV, 246 p.
- Wodak R., Chilton P. (eds). *A new agenda in (critical) discourse analysis: theory, methodology and interdisciplinarity*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2005, XIII, 321 p.

* **Butakova Anastasia**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: avbutakova@edu.hse.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
2023 № 4

В журнале представлены результаты научных исследований, в том числе дискуссионного характера, поэтому их содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редколлегии:
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka1997@gmail.com

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор М.П. Крыжановская

Подписано к печати 23 / XI – 2023 г.
Формат 60 x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,1 Уч.-изд. л. 17,4
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 208

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7(925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У